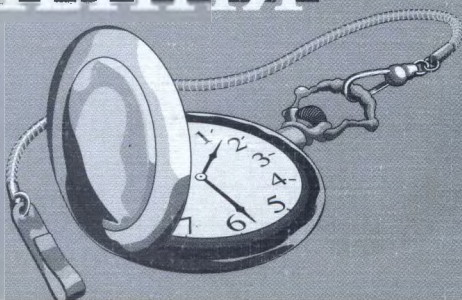

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
РОССИИ

П.А.Половцов

ДНИ ЗАТМЕНИЯ

ДНИ ЗАТМЕНИЯ

(Записки Главнокомандующего Войсками
Петроградского Военного Округа
генерала П.А. Половцова
в 1917 году)

Москва
ГПИБ
1999

ББК 63.3(2)6
П52

Половцов П.А. Дни Затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году)/ Предисл., указ., примеч. А.С. Сенина. – М.: Гос. публ. ист. б-ка, 1999. – 273 с.

Печатается по изданию: Дни Затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). – Париж: «Возрождение», 1928. – 207 с.

© Государственная публичная историческая библиотека России
101000, Москва, Старосадский пер., 9

© А.С. Сенин, предисловие, указатель, примечания, 1999

ISBN 5-85209-054-9

ISBN 5-85209-054-9

9 785852 090546 >

Подписано к печати 18.05.99

Тираж 1000 экз.

Печать офсетная

Цена договорная

Формат 60×84/16

Уч.-изд. л. 13,19

Заказ № 154

Типография ГПИБ

МЕМУАРЫ ГЕНЕРАЛА П.А. ПОЛОВЦОВА: 1917 ГОД В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

Петр Александрович Половцов родился в семье крупного чиновника, действительного тайного советника, занимавшего должность государственного секретаря. Окончил гимназию и историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1897 г. он был призван на действительную военную службу, которую проходил в 44-м Нижегородском, затем в Гродненском гусарском полках. Карьера гражданского чиновника его не прельстила, и он решил остаться в армии. В 1899 г. Половцов сдает экзамен в Николаевское Кавалерийское училище, а в 1901 — 1904 гг. учится в Николаевской академии Генерального штаба, где завершает свое военное образование.

Вскоре после начала русско-японской войны Половцов был причислен к Главному штабу и командирован в действующую армию. Молодой офицер занимает ряд штабных должностей во 2-м, затем 3-м Сибирских армейских корпусах, служит старшим адъютантом 1-го кавалерийского корпуса. В последующие годы, вплоть до начала первой мировой войны, Половцов служил в столице, в Главном управлении Генерального штаба. Здесь он познакомился с некоторыми молодыми офицерами, мечтавшими реформировать русскую армию и прозванными за это «младотурками». Так назывались в Европе члены турецкой буржуазно-националистической организации, возглавившей борьбу против феодального абсолютизма и пришедшей к власти вследствие революции 1908 г., в результате которой в Турции была провозглашена конституционная монархия. Со многими «младотурками» — офицерами Генерального штаба — Половцов тесно сотрудничал на посту главнокомандующего войсками Петроград-

ского военного округа в 1917 г.

С началом первой мировой войны П.А. Половцов назначается командиром Татарского полка и направляется на фронт. С февраля 1915 г. он командует 2-й бригадой Кавказской туземной дивизии. Год спустя становится начальником штаба 2-го Кавказского корпуса. О дальнейшей военной карьере Половцов рассказывает в своих мемуарах. За отличия в боях он был награжден орденами Св. Владимира 4-й степени (с мечами и бантом), Св. Анны 4-й степени (с надписью «за храбрость»), Св. Станислава 3-й степени (с мечами и бантом), Св. Георгия 4-й степени, имел ряд иностранных орденов: персидский орден Льва и Солнца 4-й степени, китайский орден Двойного Дракона 2-й степени и др.

По своим взглядам П.А. Половцов был близок к известному генералу Л.Г. Корнилову — скептически относился к членам Временного правительства, был решительным сторонником наведения «порядка», не скрывал своей неприязни к Советам, к социал-демократам и социалистам-революционерам. Это нашло свое отражение на страницах воспоминаний. На наш взгляд, Половцов не понимал истинных причин радикализации масс в 1917 г., их симпатий к большевикам, истолковывая этот процесс лишь как происки противников России.

После Февральской революции у власти оказалась русская либеральная интеллигенция, преуспевшая до этого в критике существовавшего государственного строя и немало поспособствовавшая краху Российской империи. Эта многолетняя критика не смогла не сформировать определенное общественное мнение, которое после Февральской революции быстро почувствовало на себе Временное правительство. Ведь любое решение новой власти бралось по-прежнему под подозрение, в нем искали подвох, тайный смысл, раздумывали: выполнять или не выполнять. Возникшие уже в дни революции Советы рабочих и солдатских депутатов не только весьма своеобразно комментировали постановления Временного правительства, но и часто принимали свои решения, идущие вразрез с деятельностью кабинета министров.

Осенью 1917 г., уже в канун новой революции, газета «Но-

вое время» констатировала: «Не проходит дня, чтобы правительство не объявило ту или другую губернию или какой-нибудь город на военном положении. Постановления об этом выносятся в заседания Временного правительства, спешно сообщаются по телеграфу к месту назначения и... на том все кончается... Морального авторитета оно не имеет, а для физического воздействия у него нет аппарата. Оно не может заставить себе повиноваться. Оно в лучшем случае может вступить в переговоры с теми, кто захочет с ним разговаривать». А вот зарисовка с натуры, данная автором мемуаров о так называемой «Шлиссельбургской державе»: «Там было объявлено, что каждая волость, наподобие американского штата, представляет собой самостоятельную единицу, а в Шлиссельбурге будет заседать союзный конгресс. На первом заседании конгресса было выяснено, что вся сумма государственного дохода соединенных штатов равняется 150 тыс. рублей. Каждому народному представителю, как в управлении отдельных штатов, так и в центральном конгрессе, было положено жалованье в 5 тысяч в год, что как раз покрывало всю сумму дохода. И с таким простым бюджетом республика начала действовать». Заметим, что все это происходило менее чем в сотне верст от Петрограда.

Начала государственности вообще не имели массовых сторонников среди интеллигенции России. Известный юрист, философ и общественный деятель А.С. Изгоев справедливо писал: «Интеллигенция совершенно не понимала ни природы человека и силы движущих им мотивов, ни природы общества и государства и условий, необходимых для их укрепления и развития». После Февральской революции русская интеллигенция была вынуждена немедленно из оппозиции самодержавию переселиться в министерские кресла, принять на себя ответственность за дальнейшее развитие страны. Но тут ее и постигло банкротство. По словам Изгоева, «все главные политические, социально-экономические и психологические идеи, в которых столетие воспитывалась русская интеллигенция, оказались ложными и губительными для народа». Того, что случилось, констатировал в августе 1917 г. лидер партии кадетов П.Н. Милюков, «мы, конечно, не ожидали и не хотели».

Естественно, что воспоминания Половцова прежде всего ценны характеристикой происходившего тогда в вооруженных силах. Он дает живое описание работы комиссии, образованной «для переработки законоположений и уставов в точном соответствии с новыми правовыми нормами под председательством генерала А.А. Поливанова», и приходит к неутешительному выводу: «Безусловно, коллегиальные учреждения могут тогда только производить какие-нибудь реформы, когда над ними есть рука умного человека с сильной волей, для которого разглагольствования коллеги могут служить умственной пищей. Но таких людей в революции не видать».

Однажды П.И. Пальчинский, член военной комиссии Временного комитета Государственной думы, тайно привез членов комиссии в Министерство юстиции к А.Ф. Керенскому по его просьбе. По словам Пальчинского, «для вразумления его по военным вопросам». На недоуменные вопросы членов комиссии он заявил, что Керенский — «единственный сильный человек, которого выдвинула революция, мы должны его всячески поддерживать и просвещать». Половцов доложил о состоявшейся беседе А.И. Гучкову, который не без иронии заметил, что «если Керенский желает ближе знать военные дела, то он, Гучков, против этого ничего не имеет. Чем больше он будет знать, тем это будет для него полезнее». Самого же Половцова поражала неосведомленность новых министров в элементарных вопросах. Этот факт отмечали в своих воспоминаниях многие очевидцы российской революции: А.А. Бубликов, А.И. Деникин, Ю.В. Ломоносов и др.

Революция властно вмешалась в освященные вековыми традициями порядки назначения на те или иные должности. Особенно остро это чувствовалось в армейской среде. Только в кошмарном сне можно было увидеть поручика (10-й класс «Табели о рангах») в качестве начальника одного из управлений Военного министерства. Генералы и офицеры русской армии в большинстве своем с недоумением смотрели на присяжного поверенного А.Ф. Керенского в кресле военного министра. Они помнили, что определенные должности в военной иерархии могли занимать только «полные» генералы (2-й класс «Табели о рангах»). И вполне понятна реакция военных чинов на сообщение о

новом назначении П.А. Половцова: «Очень забавны физиономии гвардейских генералов, готовых скорей примириться с отречением царя, чем с назначением генерал-майора на место петроградского главнокомандующего».

Революционное творчество выразилось и в самостоятельном формировании воинских частей, которые тут же в патриотическом порыве направлялись на фронт, по словам Половцова, «приводя весь Главный штаб и Главное управление Генерального штаба в неопишемую тоску».

Военный министр А.И. Гучков стремился с помощью Л.Г. Корнилова навести хотя бы элементарный порядок в Петроградском гарнизоне, назначив его сразу после Февральской революции главнокомандующим войсками столичного военного округа. Однако у Корнилова, замечает Половцов, «что-то не ладится... На днях в Финляндском полку у него с автомобиля сняли георгиевский флажок и водрузили красный».

Мнение Половцова о большинстве «революционных новшеств» в армии крайне отрицательное. Например, помощник военного министра В.Ф. Новицкий высказывается за то, чтобы в целях сокращения делопроизводства в Главный штаб не поступала впредь информация о прохождении службы офицерами русской армии. Пусть все дела остаются в полках и дивизиях. Половцов так комментирует эту идею: «Прекрасно. Но если Главный штаб не будет проверять, какая поднимется оргия жульничества с производством, наградами и цензами».

В 1917 г. по мнению военного министра на первый план вышла проблема «моральной боеспособности» войск. И Керенский поехал на фронт говорить пламенные речи. Половцов пишет по этому поводу: «Говорит он хорошо, но упускает из виду, что эффект всякой речи выдыхается очень быстро и что, если он наэлектризовал какой-нибудь полк патриотическими словами, это отнюдь не значит, что этот полк через неделю будет хорошо драться». Но у самого Керенского восприятие было иным и солдатское «ура» он «принимал за чистую монету в большей степени, чем какой-либо из российских самодержцев».

Половцов явно благоволит к Гучкову и не любит Керенского. И все же некоторые бытовые зарисовки точно передают колорит времени. Вот едет на фронт Гучков. Вагон военного министра прицеплен к обычному составу. Вместе с ним жена, два адъютанта, 3 офицера, фельдъегерь, писарь с машинкой. Поездка Керенского обставлена иначе: «Стиль путешествия не похож на гучковский: несколько вагонов, свита из всяких хулиганов, конвой из преображенцев и моряков, а не из юнкеров — очевидная поза на демократичность».

Половцов приводит много ярких примеров поведения лидеров партий, министров, различных должностных лиц в критические дни 1917 г. Его зарисовки с натуры дают нам весьма точную психологическую картину уходящего прошлого. Мы чувствуем весь пафос и безумие революционного настоящего. Легкий стиль автора не может скрыть ощущения приближающейся катастрофы.

Мы видим, что уже к началу лета среди людей, симпатизировавших демократии, сторонников «правового государства», либеральных преобразований наблюдалось острое недовольство активизацией самых разных социальных групп. Даже в резолюции съезда врачей отмечалось, что партийные страсти вызвали «острый психоз» в обществе. Людей охватил страх перед уголовным террором. Характерный случай. Войска под командованием Половцова разоружают группу то ли анархистов, то ли уголовников. А куда их везти, если «каждая тюрьма придумывает отговорки... Еле наконец сторговались на пересыльной тюрьме». Запуганный обыватель жаждет порядка и устраивает овацию генералу, как будто он «взял Берлин».

Летом многие стали высказываться за отмену до конца войны созыва Учредительного собрания, как не способного выразить истинные интересы народа в условиях царившей анархии. Один из лидеров трудовой народно-социалистической партии Н.В. Чайковский заявил 13 октября на заседании Временного совета Российской республики: «Я с самого начала войны утверждал, что проведение социально-революционных преобразований в полном объеме во время войны есть преступление, и мы это

преступление совершаем». Тревогой звучали заголовки газет осени 1917 года, как бы подчеркивая слова лидеров кадетов, народных социалистов, правых социалистов-революционеров: «Анархия», «Бюрократическая вакханалия», «Крах российских железных дорог», «Поветрие сепаратизма», «Признаки конца».

Фактически весь 1917 год стал периодом непрерывного кризиса власти и управления. Показателем этого стали апрельский, июльский (дважды); августовский, сентябрьский кризисы правительства. При этом они становились все более длительными. Майский кризис удалось погасить за несколько дней, сентябрьский кризис продолжался уже три недели. Отставка военного министра А.И. Верховского обозначила очередной кризис правительства уже в самый канун взятия власти большевиками. Косвенным показателем кризиса демократии являлся созыв Государственного совещания, Демократического совещания, а затем и Временного совета Российской республики на основе корпоративного представительства. Очевидцы событий указывают и на такой показатель кризиса власти, как распространение различных слухов о членах правительства. Инженер А.А. Бубликов писал: «Петербург — великий сплетник и амурные похождения некоторых из министров немало способствовали падению престижа власти. Конечно, все это частная жизнь, но «публика» любит быть очень строга к старшим и хочет, чтобы «излюбленные» люди были, как жена Цезаря». Ему вторит Половцов: «Скоропалительно состоялся его (Керенского — А.С.) развод с женой, которая, по слухам, ругает его на всех перекрестках, говоря, что небось пока он был скромным присяжным поверенным, так и она была хороша, а теперь и т.д. Встретил ее раз за чаем у Кузьмина, вид у нее невеселый. После развода все ожидали, что он женится на артистке Тиме, к которой, по-видимому, питал нежные чувства, но это не произошло... Теперь получают туманные сведения, будто Керенский совещался с обер-прокурором Синода о возможности его брака с одной из царских дочерей. Привожу эти сплетни, чтобы показать, в каком направлении работали обывательские языки».

Почву для сплетен давала сама власть. «Весьма характерно. — пишет Половцов, — переселение (Керенского — А.С.) в Зим-

ний дворец. Достоверно, что он сам шутит над своей подписью, которую из-за торопливости сократил до одной буквы «К» с неопределенным хвостиком. Теперь он говорит, что «А.К.» очень похоже на «Александра IV». Его адъютанты стали носить аксельбанты по образцу флигель-адъютантских, а один из них, говоря про флаги, недавно заявил, что Керенскому так «эти красные тряпки» надоели, что он хочет Андреевский флаг сделать национальным. Красная тряпка на Зимнем дворце при каждом отъезде Керенского из города опускается, как в былые дни Императорский Штандарт, и голый флагшток свидетельствует об отсутствии Хозяина Земли Русской». Все это давало обильную пищу для остроумия, анекдотов и карикатур. Когда же режим становится смешон, дни его сочтены.

В своих воспоминаниях П.А. Половцов обращает внимание на такую малоизученную до сих пор проблему как межнациональные отношения в революционное время. Как известно, еще в марте 1917 г. на Украине ряд политических партий и организаций создали так называемую Центральную Раду, которая возглавила национально-демократическое движение. В мае она решила добиваться от Временного правительства немедленного провозглашения особым актом принципа национально-территориальной автономии Украины. Правда, на переговорах это требование было несколько смягчено. Делегация Рады настаивала лишь на выражении «принципиально-благожелательного отношения к этому лозунгу».

Однако механизм конфликта с национальной окраской был запущен. Половцов вопреки мнению Военного министерства разрешил в некоторых полках выделить украинцев в отдельные роты. Он считал, что «самолюбивые хохлы заведут в своих ротах такой порядок, что кацапам станет совестно». Вначале расчет оправдался. Караульная служба пошла по строгим правилам старого устава. С постов исчезли скамейки, часовые перестали курить при исполнении своих обязанностей и т.п. Однако очень скоро эти части дали понять, что при любой попытке направить их на фронт они потребуют приказа своего украинского начальства в лице Центральной Рады. К осени дело дошло до дележа Черноморского флота. Украинским националистам удалось соз-

дать сильные организации на ряде кораблей. В октябре на трех кораблях был поднят украинский желто-голубой флаг. С кораблей «Воля» и «Память Меркурия» было списано около половины всего состава матросов-неукраинцев, что сделало эти боевые суда небоеспособными. Морской министр Д.Н. Вердеревский был вынужден 16 октября отправить в Киев Центральной Раде следующую телеграмму: «Подъем на судах Черноморского флота иного флага, кроме русского, есть недопустимый акт сепаратизма, так как Черноморский флот есть флот Российской республики, содержащийся на средства Государственного казначейства. Считаю Вашей нравственной обязанностью разъяснить это увлекающимся командам Черноморского флота».

Осенью 1917 г. газета «Народное слово» с тревогой отмечала, что охотников идти по дороге сепаратизма немало. В качестве примера указывалось на требование крымско-мусульманского комитета об автономии Крыма, решение Кубанской войсковой рады о провозглашении Кубани федеративной областью Русского государства. Имелись сведения о планах образования Сибирской республики с предоставлением ей права самостоятельно связываться с близлежащими странами, содержать свои вооруженные силы и т.п. Вот в таких условиях Половцов оказался на Северном Кавказе, и его краткое повествование об этих месяцах конца 1917 — начала 1918 г. представляет сегодня особый интерес. Так, он повествует о попытке дать сражение курсировавшему по Владикавказской железной дороге бронепоезду с командой большевиков. Половцов, решив перехватить бронепоезд под Гудермесом, стал подбивать местное население разобрать железнодорожный путь. «Некоторый энтузиазм нахожу у молодежи, — вспоминает автор мемуаров, — но старики боятся национального вопроса, чтобы не создалось впечатления войны туземцев против русских. Они непременно хотят привлечь к операции казаков из близлежащей станицы, но на это шансов, конечно, нет никаких». Половцов приводит слова одного чеченского муллы: «Аллаху угодно было теперь наслать на человечество какое-то огульное сумасшествие, и пока Всемогущий не решит это сумасшествие вновь удалить, даже такие люди, как наш генерал, ничего поделать не могут, ибо на то Божественная воля».

Очень важно, что воспоминания написаны по горячим следам. По словам автора, «они представляют собой сборник личных впечатлений, вынесенных из только что пережитого прошлого. Этот характер я за ними и оставил, тщательно избегая вносить какие бы то ни было существенные изменения».

Книга снабжена примечаниями и именным указателем. Их подготовка потребовала проработки материалов фондов штаба Кавказской Туземной конной дивизии, ее полков, отдельных документов других воинских частей и учреждений русской армии, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Текст передается в соответствии с современными нормами орфографии. Однако в некоторых случаях сохраняются особенности авторского написания таких слов и словосочетаний как «Государь», «Ваше Величество», «Хозяин Земли Русской», «Швейцарская Гвардия» и др. Неправильно указанные в тексте фамилии генералов и офицеров исправлены без оговорок в соответствии с послужными списками и другими документами фондов РГВИА.

Воспоминания П.А. Половцова дают нам возможность понять атмосферу, царившую в коридорах власти, узнать массу новых деталей из взаимоотношений Временного правительства и Советов, о положении в армии, истории подготовки корниловского мятежа. Много из написанного автором воспоминаний хорошо узнаваемо сегодня, когда под влиянием радикально настроенной интеллигенции нашему обществу был навязан прыжок в неизвестность. Насилие над историей, подчинение жизни теории, спешка и нетерпение, стремление переделать все и сразу никогда не приводили ни к чему иному, кроме кровопролития. От этого пытался предостеречь будущее поколение русский генерал П.А. Половцов.

Александр Сенин

кандидат исторических наук

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Приступая к обнародованию своих воспоминаний о революции, я прошу читателя не искать в них ни связанного хронологического описания событий, ни каких-либо определенных политических или социологических выводов. Записки были мною составлены в 1918 году, по отдельным заметкам и сохранившимся документам... Они представляют собой сборник личных впечатлений, вынесенных из только что пережитого прошлого. Этот характер я за ними и оставил, тщательно избегая вносить какие бы то ни было существенные изменения или добавления, которые, однако, иногда сами собой напрашиваются, когда оглядываешься на прошлое после промежутка времени в 10 лет... Кое-какие подробности я выпустил. Они касались лиц, смертью своею запечатлевших служение Родине, а если кто-нибудь из живых почувствует себя задетым, пускай он вспомнит совершенные ошибки и не обижается на того, кто в этих ошибках подмечал смешную сторону.

Мне могут поставить в упрек слишком, по-видимому, легкомысленное отношение к такому трагическому явлению, как русская революция, но, во-первых, повторяю, я не претендую на роль вдумчивого летописца, а затем, мне кажется, что события 1917

года явились лишь завершительным актом 300-летнего периода Русской истории. Настоящая Революция (с большой буквы), бытовая и психологическая, в недрах Русского народа началась после этих событий, продолжается и по сие время, и неизвестно к чему еще приведет, а в 1917 году не могли не казаться смешными потуги к какому-то планомерному созиданию со стороны тех, что разрушил старое. Они не могли понять, что в России у них не было достаточно крепких корней, чтобы внедрить свою идеологию в массы и заставить эти массы пойти в направлении ином, чем линия наименьшего сопротивления. Многие из деятелей того времени теперь покаются и, слава Богу, свои ошибки осознали. Да послужит их опыт уроком для тех, кто в будущем будет вынесен волной исторических событий на роль народных руководителей, и, хотя редко чужой опыт идет на пользу, будем надеяться на то, что в грядущей России найдутся люди более чутко улавливающие пульс исторических событий, их направление и течение.

П. Половцов.

ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ.

В январе месяце 1917 года Кавказская Туземная конная дивизия¹, в коей я занимал тогда должность начальника штаба дивизии, стояла на отдыхе в Бессарабии после тяжелой боевой службы на Румынском фронте² осенью 1916 года. Так как эта дивизия, известная в публике под названием «дикий», играла некоторую роль в событиях революционной эпохи и так как моя личная жизнь была с ней довольно тесно связана, я позволю себе дать некоторые краткие сведения о том, что представляла из себя эта интересная воинская часть.

В самом начале войны на Кавказе были сформированы конные полки из добровольцев тех мусульманских племен, которые в мирное время были освобождены от воинской повинности. Полков этих было шесть: Кабардинский, 2-й Дагестанский, Татарский, Чеченский и Ингушский, они были сведены в дивизию, и начальником этой дивизии был назначен брат Государя, великий князь Михаил Александрович.

Цель этого формирования была не только боевая, но и политическая, чтобы показать неразрывную связь Кавказа с Россией привлечением в общерусское дело кавказских народностей, а назначение великого

князя начальником дивизии являлось особой милостью Царя к этим народностям; некоторую роль играло и чисто утилитарное соображение: удалить с Кавказа на время войны наиболее беспокойные элементы, особенно мусульманские, среди которых могла бы иметь успех опасная туркофильская пропаганда или просто чрезмерно развиваться природные разбойничьи инстинкты.

Офицерский и унтер-офицерский составы были почти сплошь русские.

Мне пришлось сформировать Татарский полк из елисаветпольских и бакинских татар, командовать сначала ими, потом 2-й бригадой, а в 1916 году, после сдачи великим князем дивизии генералу князю Багратиону³, я был назначен начальником штаба дивизии. Дивизия два года дралась на Галицийском фронте⁴ с большой доблестью, несколько блестящих конных атак заслужили ей репутацию серьезной боевой части, а после удачных действий на румынском фронте при чрезвычайно трудной обстановке, у князя Багратиона явилась мысль увеличить состав дивизии и развернуть ее в корпус, благо на Кавказе подходящих элементов было еще много, да и на фронте было еще несколько мусульманских частей, которые можно было нам приписать (1-й Дагестанский, Осетинский, Крымский-Татарский и Туркменский).⁵

Как только мы встали на отдых в Бессарабии, князь Багратион поехал в Ставку⁵, чтобы выяснить, как на это посмотрит начальство, и вернулся в вос-

³ Эта идея была впоследствии осуществлена Корниловым, когда он пошел на Петроград в 1917 году. (Здесь и далее подстрочные примечания П.А. Половцова)

торге. Оказалось, что Государь этой мысли сочувствует и приказал представить соответственные соображения. Я моментально засел писать доклад и составил такую красноречивую поэму, что всякий, ее прочитавший, должен был убедиться в насущной необходимости для спасения отечества немедленно развернуть Туземную дивизию в корпус. Доклад отправили в Ставку, а на Кавказ полетели радостные письма, предупреждавшие о предстоящем в скором времени дополнительном наборе туземных добровольцев. Прошел месяц без ответа. Тогда князь Багратион попросил меня поехать в Ставку поторопить разрешение этого вопроса с тем, чтобы предварительно заехать в Петроград, явиться к великому князю Михаилу Александровичу, только что назначенному генерал-инспектором кавалерии и заручиться его одобрением.

Приехав в Петроград, испрашиваю аудиенцию у великого князя. Он меня принимает в понедельник, 20 февраля, на Галерной в Управлении его делами. Сначала беседуем о дивизии, о командовании которой великий князь всегда вспоминает с горячим чувством симпатии. Он меня расспрашивает про последние боевые дела, про судьбу отдельных командиров и офицеров и т.д. Затем я докладываю план расширения ее в корпус и говорю, что завтра еду в Ставку и хотел бы предварительно знать его взгляд на этот вопрос. Он мне отвечает, что вполне моему плану сочувствует и что если его запросят, то он, конечно, всячески нас поддержит. После разговора выхожу, очарованный, как всегда, сердечностью и теплой простотой, неизменно веявшей от Великого Князя.

В среду приезжаю в Могилев, отправляюсь в генерал-квартирмейстерскую часть⁶, где сначала беседую

со всякими приятелями и товарищами по Генеральному штабу⁷, а затем добираюсь до генерала Лукомского⁸. Он меня встречает весьма радушно, но говорит, что весь вопрос о Туземной дивизии находится у дежурного генерала, т. е. Кондзеровского⁹, и рекомендует не питать особенно радужных надежд на благоприятный исход дела.

Отправляюсь в дежурство¹⁰, где разговор с генералом Кондзеровским сразу принимает оборот неприятный. Оказывается, было совещание главнокомандующих фронтами, на котором решили сокращать кавалерию ввиду трудности ее прокормления, и Кондзеровский заканчивает словами: «Если сокращать «настоящую» кавалерию, то как же вы хотите, чтоб мы увеличили вашу «дику» дивизию?»

С гордостью заявляю, что мало есть «настоящих» кавалерийских дивизий, которые могут похвастаться 18-ю конными атаками за год, но удаляюсь с поджатым хвостом.

Обидно, что князь Багратион разгласил, что сам Государь одобрил план формирования корпуса. Теперь получится разочарование и недовольство и в дивизии, и на Кавказе. Вредно для царского авторитета.

Завтракаю в штабной столовой за столом военных агентов¹¹. После завтрака делаю визит иностранным агентам, а затем, для очистки совести, делаю последнюю попытку спасти дело Туземного корпуса и отправляюсь к помощнику начальника штаба генералу Клембовскому¹², считавшемуся главным врагом кавалерии. Встречает он меня весьма любезно, но говорит, что вопрос окончательно решен в отрицательном смысле, а затем делает энергичную контратаку, пори-

чая меня за то, что я в это дело втягиваю великого князя Михаила Александровича, стараясь воздействовать на штаб высочайшей протекцией.

Отвечаю, что его высочество интересуется этим делом не как великий князь, а как бывший начальник дивизии и генерал-инспектор кавалерии. Совершенно ясно, что все мои карты биты и дело окончательно провалено.

Выхожу на двор, где встречаю своего друга флигель-адъютанта графа Замойского¹³, и с ним иду к командиру Конвоя¹⁴; оба стараются меня утешить и уговаривают меня не уезжать завтра, утверждая, что, наверное, Государь пожелает меня видеть. Ясно, что лица Свиты¹⁵ не любят, чтобы люди уезжали из Ставки недовольными, и теперь будут приняты меры, чтобы меня успокоить и огладить.

Перед обедом заезжаю с визитом к генералу Иванову¹⁶, бывшему главнокомандующему Ю.-З. фронтом, ныне состоящему при его величестве. Я служил у него в штабе в Японскую войну и очень любил его. Вспоминаем минувшие дни, Ляоян — Шахе — Мукден¹⁷, попиваем чай с сухарями. Старик жалуется, что не у дела, что много видит мерзости, но ничему помочь не может.

Отправляюсь обедать к Замойскому. Во время обеда слушаю разные рассказы о жизни в Ставке. Очевидно между царской Свитой и профессиональным штабом существует конкуренция, да она и неизбежна, но каково бедному Алексееву¹⁸ работать при этих условиях.

Один из рассказов особенно меня заинтересовал.

Оказывается, что после сокращений, произведенных в регулярной кавалерии, где в каждом полку из шести эскадронов два были превращены в пехоту, то же самое хотели сделать в казачьих полках. В кавалерии эти меры породили, само собой, большое неудовольствие, но у казаков, где лошадь являлась собственностью всадника, могли получиться крайне нежелательные последствия, а с казаками ссориться, в особенности при тревожном положении внутри страны, казалось неразумным. Если кавалерию трудно было довольствовать на фронте, следовало ее отвезти на зиму в тыл и сохранить для ее настоящей работы, т. е. преследования разбитого врага. Все считали, что летом 1917 года разгром немцев должен произойти, и тогда большие кавалерийские массы оказали бы неоценимые услуги.

Однако, проект о сокращении в казачьих частях в Ставке был уже разработан, но тут произошел оригинальный инцидент. Один из досужих флигель-адъютантов, большой сторонник кавалерии, увидел в генерал-квартирмейстерском отделении перехваченную немецкую радиотелеграмму знаменитого фон Шметтова¹⁹, поздравлявшего своих коллег с сокращением кавалерии, как доказательством того, что русские отказались от надежды на победоносный исход войны. Эта телеграмма была окольными путями доведена до сведения Государя, и приказ о сокращении казачьей конницы никогда не был подписан.

С особым удовольствием слушаю этот анекдот и с трудом воздерживаюсь от искушения в приятельском кругу сознаться в том, что эта телеграмма была пущена в темную ночь на румынском фронте, но совсем не фон Шметтовым, а мною. Она была сейчас же под-

хвачена главной Берлинской станцией и повторена ею по всем фронтам.

Фон Шметтов, вероятно, сильно удивился за утренним кофе, но подлинности своей подписи никогда не опроверг, а моя провокация удалась блестяще. Особенных угрызений совести не чувствую, вспоминая имена других «великих провокаторов» из истории Генерального штаба, о подвигах которых нам в академии говорили при закрытых дверях и только тем офицерам, которые были уже выпущены в Генеральный штаб. Вероятно, на том свете остался доволен мной прусский майор Брайтенфельс, столь хитро и удачно втянувший все свое начальство в победоносное сражение 6-го августа 1870 года при Верте²⁰.

Во время обеда приходит записка с приглашением меня на высочайший завтрак на следующий день. Отправляюсь спать в вагон. В четверг утром штабной шофер, неизменная дружба коего куплена мною за 25 рублей, приезжает за мной на вокзал и везет меня в штаб. В ожидании царского выхода беседую со старыми знакомыми, с английским генералом, попадавшимся мне в Манчжурии, с протопресвитером военного духовенства Шавельским²¹, тоже старым соратником, нежно кидающимся мне на шею, с министром двора графом Фредериксом, с Воейковым²² и другими.

Выходит Государь. Он в форме своего 6-го пластунского батальона. Черкеска сидит на нем хорошо, а между тем с элегантностью носить этот костюм не всякому дано.

Пьем великолепную водку, причем замечая, что Государь пьет очень мало.

Рассаживаемся. Алексеева нет; характерно, что он предпочитает питаться в штабной столовой. Рядом с Государем справа старший из иностранцев, а слева Иванов. Я оказываюсь рядом с румынским генералом. Приходится ему говорить приятные вещи о его стране, когда я столько наводил критики на их порядки, которые были действительно крайне неудовлетворительными, когда они вступили в войну.

Напротив меня сидит отец Шавельский. Заговариваю с ним, стараясь поддержать своего дивизионного священника Пospelова, норовящего получить одновременно и Владимира на шею²³ и медаль за «храбрость», но вместо того получившего лишь синодское благословение. Шавельский приходит в негодование и просит меня объяснить Пospelову, что лучшее украшение пастыря это — смирение, а не кресты и медали. Подмечаю, судя по взгляду, что Иванов разговаривает с Государем обо мне.

После завтрака все переходят в соседнюю залу, где меня ставят между окнами у стены, вдоль которой выстраивают тех, с кем Государь будет беседовать. Тут меня подхватывает Иванов и торопливо шепчет: «За завтраком мы с Государем говорили о том, какой вы молодец, а только, если вы теперь будете с ним беседовать слишком... определенно, буду дергать вас за фалды». Государь кончает разговор с Шавельским и подходит ко мне.

Те же светлые, голубые глаза, та же светлая очаровательная улыбка.

Я рапортую по положению: «такой-то (должность, чин и фамилия) имеет счастье представиться Вашему Императорскому Величеству».

Государь, улыбаясь, говорит, что во время завтрака наблюдал мою дружелюбную беседу с румыном. Отвечаю, что поневоле пришлось, но что воевать у них неприятно.

Царь смеется, а сзади Иванов дергает меня за черкеску. Разговор переходит на дивизию, вкратце докладываю о современном ее положении. Государь говорит: «Да, хорошо работают кавказцы, даже здесь дух захватывает, читая донесения про их атаки. Очень хотелось увеличить дивизию, но совещание главнокомандующих фронтами, наоборот, нашло необходимым сократить кавалерию». На это я скромно заявляю: «А жалко, Ваше Величество, горцы такой чудный боевой материал», — сзади чувствуется очень настойчивое потягивание черкески. Разговор кончается пожеланиями здоровья, успеха и просьбой передать Царский привет кавказцам.

Царь переходит дальше по линии, потом удаляется в сопровождении Воейкова. Мне рекомендуют подождать пока Воейков не выйдет от Государя и поговорить с ним. Вскоре появляется Воейков.

Он жалуется на то, что в России всюду растет крамола, я ему выкладываю некоторые свои впечатления о Ставке и кончаю словами: «Пока у вас дела ведутся так, не жалуйтесь, что в России крамола. Крамола у вас здесь».

Захожу в Отдел военных сообщений²⁴, где нахожу двух товарищей по Академии; они мне устраивают отделение в поезде на завтрашний день, а затем долго рассказывают про ужасающее положение железных дорог. Если поверить этим пессимистам, вся железнодорожная сеть должна придти в ближайшее будущее в

полную негодность. Вот такие разговоры не должны были бы допускаться в Ставке даже в товарищеском кругу.

На следующий день уезжаю. Поезд отходит с большим опозданием, а в Петроград приходит не в субботу днем, а в 5 часов утра, в воскресенье, 26-го февраля, оказавшееся первым днем революции.

РЕВОЛЮЦИЯ.

Картина начала революции была описана неоднократно и повторять это описание я не стану. Нахожу очень томительным сидеть дома в бездействии, когда беспорядочные толпы солдат бродят по улицам, творя всякие безобразия. Пробираюсь к своему приятелю Ярмонкину на Моховую, испытав пулеметный огонь на Казанской площади. У Ярмонкина узнаю новости о том, что формируется какой-то комитет²⁵ в Государственной Думе для водворения порядка и что Энгельгардт²⁶ назначен комендантом города. Поздно вечером Ярмонкин мне телефонирует подробности организации думского комитета и сообщает, что он по телефону передал Энгельгардту о моем прибытии в Петроград и думает, что меня, вероятно, вызовут, так как Энгельгардт собирает в Думе людей, могущих содействовать восстановлению нормальной жизни.

На следующий день умиротворения что-то не видеть. Днем испытываю пулеметный огонь около Исаакиевского собора, а вечером приезжает за мной автомобиль из Думы с двумя студентами, приглашающими меня туда прибыть по просьбе Энгельгардта. Итак, окунаюсь в революцию.

Столпотворение в Тавриде²⁷ не поддается описа-

нию. Мои провожатые ведут меня по всяким закоулкам во второй этаж, (кажется, бывшая квартира Остен-Сакена)²⁸. Здесь помещается «военная комиссия». Из кого она состоит, довольно неопределенно. Гучков²⁹ — председатель, из Генерального штаба здесь болтаются Туманов³⁰, Якубович³¹, Туган-Барановский³², Гильбих³³. Меня просят подождать. Сажусь на диван, где ко мне присоединяется флигель-адъютант граф Кутайсов³⁴, успевший спороть свои вензеля. Наблюдаю. Кавардак невероятный: все бегает, все распоряжаются, но толка не вижу. Вдруг волнение, — открывается дверь, появляется Гучков, с ним Пальчинский³⁵ и Потапов³⁶, последний бросается ко мне с возгласом: «как раз тебя-то нам и нужно». Недоумеваю, почему. Он меня представляет Гучкову, а Пальчинский сразу вспоминает, что мы были вместе в Горном институте и что он от меня принял должность казначея студенческой кассы. Садимся вчетвером за стол и начинаем действовать.

Гучкова, сильно уставшего, теребят направо и налево. Дело ведет Пальчинский (удивительно светлая голова), а сумасшедший Потапов все путает и сосредотачивается, главным образом, на политике, бегая все время на собрание солдатских и рабочих депутатов.

Пока сделано следующее: захвачен телеграф и беспроволочный, все броневые автомобили работают на Думу, восстанавливая порядок в разных углах; назначены районные коменданты, из полков, приславших депутации в Думу и зарегистрированных в комиссии. Делаются наряды. Этим делом ведает горный инженер Паршин и очень даже хорошо, принимая во внимание общую сумятицу.

С телеграфа приносят массу телеграмм. Государь с Государыней обмениваются сведениями и вопросами, почти исключительно касающимися здоровья детей. Губернаторы и жандармское начальство проявляют большую растерянность и полную неосведомленность о положении дел в столице.

Очень внимательно следят за передвижениями Царя, но приказано ничем не стеснять эти передвижения, особенно, если Государь пожелает ехать в Петроград или в Царское. Даже на этот случай послали в Лугу восстановить испорченный там путь.

Много возни в комиссии с депутациями от разных частей с выражениями верноподданничества революции. В некоторых старое начальство удержалось, в других разбежалось или перестреляно, в некоторых арестовано и нужно уговорить выпустить. Почти везде нужно назначать вр. и. д.³⁷ Особенно хорош для бесед с депутациями Пальчинский, успокаивающий страсти посредством юмора. Одна кровожадная депутация хотела получить санкцию на расстрел своих офицеров, но Пальчинский им быстро доказал, что если у них в деревне есть жены, с которыми они не живут, то желают ли они их смерти? Депутация ушла со смехом, согласившись, что «Бог с ними». Несносны всякие паникеры, влетающие в комнату с сенсационными известиями.

Идет борьба с последними протопоповскими³⁸ пулеметами; особенно сильное сражение у завода Сан-Галли³⁹, где после найдены у пулемета убитые юнкера Николаевского училища⁴⁰. Я прошу расследовать. Оказывается, толпа разграбила цейхгауз училища, и некоторые хулиганы нарядились в юнкерские мундиры. Все-таки училище очень непопулярно.

Доказываю Пальчинскому, что нужно организовать нечто вроде штаба. Берем лист бумаги, набрасываем отделы и кому чем ведать. Не хватает офицеров, а добровольно приبلудшие студенты ужасно путают. Иду на телефон, вызываю академического правителя дел⁴¹, полковника Андогского⁴², прошу его разбудить и прислать 20 офицеров.

Особенно памятно появление во втором часу ночи депутации от Конвоя, Дворцовой полиции, без корон на погонах, и от Первого железнодорожного Его Величества полка. Все с огромными красными бантами. Гучков благодарит и просит меня выдать им благодарственные листы от Государственной Думы с предписанием их начальству продолжать оберегать «лиц и имущество, находящихся под их охраной». Справляюсь у депутации об именах начальства. С казаками легкая заминка. Их в Царском 2 сотни, другие 2 и штаб — в Ставке, и некий хитрый терский урядник мне объясняет, что старший из сотенных командиров — кавказский туземец, а младший — природный казак (вечная конвойная история), и что их депутация уже заходила к депутату Караулову⁴³, чтобы узнать, кому повиноваться. Коротко заявляю, что в их дразги нам входить не приходится и что бумага будет выдана на имя старшего.

За неимением печати взяли у Остен-Сакена его печать, и скрепляем бумаги печатью коменданта Государственной Думы. После ухода казаков вспоминаем доблесть Швейцарской Гвардии.

Из числа грустных зрелищ, произведших большое впечатление, нужно отметить появление Гвардейского Экипажа с красными тряпками, под предводительством великого князя Кирилла Владимировича. Нужно

заметить, что в Думе ясно обозначилось два течения: одни хотели сохранить идею какой-то закономерной перемены власти с сохранением легитимной монархии, другие хотели провозглашать немедленно низложение династии. Появление великого князя под красным флагом было понято как отказ императорской фамилии от борьбы за свои прерогативы и как признание факта революции. Защитники монархии приуныли. А неделю спустя это впечатление было еще усилено появлением в печати интервью с великим князем Кириллом Владимировичем, начинавшееся словами: «мой дворник и я мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все», и кончавшееся заявлением, что великий князь доволен быть свободным гражданином и что над его дворцом развивается красный флаг. А про разговоры, якобы имевшие место между великим князем и Родзянко⁴⁴, по Думе ходили целые легенды.

Прошла моя первая ночь в Думе. Питание поддерживали какие-то сестры милосердия, открывшие питательный пункт и приносившие нам чай и бутерброды.

Днем работа налаживается при помощи офицеров из Академии: появляются столы, стулья, организуются отделения. Народ к нам валит валом. Много депутатов; помню одну из Старой Руссы: какой-то поручик с несколькими солдатами рассказывает, как великолепно у них прошла революция: он взял власть в свои руки; арестовал все власти и установил полный порядок. Спрашиваю, что ему надо? — Хочет назначение на должность сатрапа⁴⁵ Старой Руссы. По системе Гучкова, благодарю его за проявление гражданского долга и утверждаю его временно в должности

начальника гарнизона, пока не появится другая депутация, которая будет доказывать, что сей поручик подлец, мерзавец и контрреволюционер.

Любопытно появление разных генерал-адъютантов со споротыми вензелями и красными бантами. Приходит начальник академии и спрашивает меня, долго ли будут задержаны его офицеры, так как тогда ему придется соответственно удлинить потом время занятий. Вежливо отвечаю, что во время революции трудно сказать, но постараемся отпустить их скоро. Когда же он мне жалуется, что у него отобрали автомобиль, не выдерживаю и заявляю: «Ваше Превосходительство, благодарите Бога, что сохранили голову на плечах».

Так как набралось много телеграмм, которые никто не может расшифровать, предлагаю Пальчинскому поехать в Главное управление Генерального штаба их разобрать; беру от него предписание Военной комиссии, достаю автомобиль (шофер юнкер Горгиджанов) и еду. Старый друг, чернобородый швейцар, переживший 6 начальников Генерального штаба и собирающийся пережить революцию, встречает меня с восторгом. Иду наверх в шифровальное отделение, где предъявляю свои документы; сейчас же все шкафы раскрываются и начинается работа. Телеграммы больше губернаторские и жандармские, некоторые интересны.

Закончив дело и оставив свою шашку на сохранение в одном из несгораемых шкафов, но сохранив на себе револьвер и кинжал, выхожу на площадь. Автомобиль пропал. Как потом оказалось, юнкера Горгиджанова во время ожидания меня вдруг осенила блестящая идея: арестовать Риттиха⁴⁶ и, подцепив ка-

кого-то приятеля, он полетел ловить министра земледелия, а про меня позабыл.

Стою на площади, негодуя. Вдруг вижу, от Исаакия мчится автомобиль с красными флагами и солдатами на подножках. Преграждаю дорогу, останавливаю и прошу меня довезти до Думы; внутри пассажир в форме военного врача, быстро соглашается. Влезаю и сообщаю доктору, кто я, а он, оказывается, — вновь назначенный градоначальник, профессор Юревич⁴⁷ (и это наследник Грессера, Валя, Клейгельса)⁴⁸. Он мне жалуется, что в его распоряжении нет никакой вооруженной силы. Обещаюсь попросить Паршина дать ему несколько рот.

В Думе две темы разговоров: движение Иванова с Георгиевским батальоном из Ставки и деятельность Совета солдатских и рабочих депутатов.

Поход Иванова особенного волнения не вызывает, ибо теперь с одним батальоном ничего не поделаешь, да по имеющимся сведениям и настроение-то в этом батальоне не ахти какое воинственное.

Зато Совет солдатских и рабочих депутатов становится неприятным для нас учреждением. Этих господ в первый день было 200-300, а теперь вдесятеро больше. Из их среды выделен небольшой совет...

Когда мы их спросили, кто их выбрал, они заявили, что «мы сами себя выбрали». Антагонизм к Комитету Государственной Думы и к нам очень силен; прислали к нам соглядатаев, которых мы дипломатически приняли в свое лоно.

Утром 1-го марта кто-то начал говорить, что се-

годня знаменательный день, что, быть может, его будут праздновать, как французы — день взятия Бастилии. Пальчинский ехидно заметил, что день взятия Бастилии был избран, как праздник, много лет спустя, и что, может быть, мы сейчас сами сидим в Бастилии. И, действительно, было довольно паршиво, когда на перроне Государственной Думы ораторы призывали толпу уничтожить буржуев, сиречь нас. Наконец, было достигнуто какое-то соглашение «постольку поскольку», и наступило некоторое успокоение.

Говорят, будто у солдат-рабочих царило такое обалдение, что на голосовании вопроса о монархии и республике 210 из 230 солдатских депутатов голосовали за монархию и что вожаки решили подождать, пока почва не будет лучше подготовлена для борьбы. Если такой случай и был, то это просто доказывает, что у них сумятица была хуже нашей.

Приходит в комиссию какой-то молодой военный врач и заявляет, что у него есть верные сведения о наличии пулеметов где-то в Сенате⁴⁹ или Синоде⁵⁰, также контрреволюционной типографии где-то на Галерной. По его мнению, следует кексгольмцам⁵¹ поручить обыскать все дома в этом районе. Воображаю, что кексгольмцы натворили бы у буржуев на Английской набережной. Поэтому предлагаю доктору поехать со мной, взяв юнкера Горгиджанова понятым. Берем предписание и едем. Сначала осматриваем Синод до чердаков включительно, к великому смущению зрителя и сторожей. Ничего не находим. Переходим в Сенат; после самого здания переходим в типографию, где оказывается последний отпечатанный документ — это манифест о роспуске Думы; затем в архив. Внушаю кексгольмскому караульному начальни-

ку особенно тщательно оберегать архив. Идем на Галерную, где осматриваем типографию близ Синода. Хозяин в ужасе, но ничего не оказывается интересного, кроме сводки, приготовленной из всех сведений Министерства иностранных дел, доказывающей, что вся Германия через несколько дней помрет с голода. Возвращаемся в Думу. Составляем протокол обысков и сдаем в комиссию. Инцидент исчерпан.

Из эпизодов этих дней особенно врезалось в памяти, как однажды ночью прибежала какая-то личность ко мне, сообщив, что Родзянко ожидает с минуты на минуту очень важную шифрованную телеграмму, а так как я специалист по шифровальным делам, то меня просят не отлучаться. Через некоторое время требуют меня вниз, в помещение Комитета. Родзянко меня спрашивает, могу ли я расшифровать телеграмму. Отвечаю, что шифры в Главном управлении Генерального штаба, что я могу слетать туда с телеграммой и быстро вернуться. Родзянко говорит: «Я поеду с Вами; подождите» и уходит в другую комнату. Хватаю телефон, вызываю Главное управление Генерального штаба, прошу дежурного офицера разбудить и достать шифровальщиков, объяснив в чем дело. Жду, наблюдаю калейдоскоп; знакомлюсь с Карауловым. Наконец, около 3-х часов ночи выходит Родзянко с незнакомой личностью. Вылезаем на боковой подъезд, с трудом отыскиваем автомобиль Родзянко и едем.

Из разговоров по дороге помню, что Родзянко сообщает, что по его приказанию убран из Екатерининского зала портрет Царя, чтобы его не испакостили. Подъезжаем к подъезду начальника Генерального штаба. Дежурный офицер забыл предупредить швей-

цара. Достаю дворника; залезаю во двор и, после некоторого барабанивания по окну его спальни, бужу чернобородого швейцара. Он открывает, и я тащу Родзянко по всем закоулкам в шифровальное отделение. Тут все на местах. Берем ключ Военного министерства; ничего не выходит, а между тем телеграмма штабная, и ясно, что никакой другой ключ пробовать не стоит. Все в недоумении. Меня вдруг осеняет мысль: рекомендую попробовать предыдущий номер того же ключа. Шифровальщики ехидно замечают: «Но ведь этот номер отменен в сентябре». — «Знаю, но я помню, что на фронте обалделые старшие адъютанты иногда жарили еще этим ключом в январе». Выкапывают старый, отмененный в сентябре ключ и, снисходя к моему безумию, начинают разбирать. Сразу выходит слово «Государь». Я торжествую. Родзянко засыпает на стуле, перетаскиваю его на диван, покрываю какой-то шинелью и обещаю разбудить, когда телеграмма будет разобрана. Через полчаса текст готов. Насколько помню: «Государь согласен отречься в пользу Михаила Александровича с назначением Николая Николаевича Главнокомандующим. Манифест заготавливается».

Бужу Родзянко. Он, прочтя телеграмму, заявляет: «Это неприемлемо», а затем спрашивает, где прямой провод со Ставкой и Северным фронтом; говорю, что в другом конце здания, в Главном штабе. Родзянко сначала подходит к телефону поговорить с «коллегами», а я внушаю шифровальщикам необходимость держать язык за зубами. Затем шествуем на прямой провод. Пять часов утра. Родзянко требует Ставку и Северный фронт. Где-то заминка, кто-то не хочет соединять. Родзянко кричит: «Скажите им, что я председатель Государственной Думы и что я им покажу, —

под арест посажу». Наконец разговор налаживается, у меня слипаются глаза. Ухожу в соседнюю комнату, где нахожу чай и черный хлеб с маслом, а затем засыпаю на стуле. Просыпаюсь. Разговор кончен; выходим, садимся в автомобиль и едем обратно в Думу. 8 часов 20 минут утра.

Иду в Военную комиссию. Через некоторое время появляется Потапов и сообщает мне, что Родзянко поехал к Михаилу Александровичу уговаривать его тоже отречься. Вдруг кто-то влетает с известием, что Гучков арестован толпой на Варшавском вокзале. Бросаюсь к Паршину, который сейчас же по телефону вызывает Измайловские казармы и посылает две роты бегом спасать военного министра. Оказывается, Гучков, вернувшись с манифестом отречения, прочел его толпе на вокзале; получился неожиданный эффект, — решили, что он контрреволюционер, ибо после одного Царя посадил другого, и вместо восторга получилось негодование.

Днем забегая домой, а часа в четыре направляюсь в Главное управление Генерального штаба с шифрованными телеграммами. Вижу у подъезда Главного штаба автомобиль, спрашиваю, чей. Оказывается, Энгельгардта. Швейцар сообщает, что он на прямом проводе. Иду туда. Энгельгардт кончает разговор со Ставкой. Прошу его подвезти меня в Думу, если он едет туда. На это Энгельгардт мне заявляет: «Гучков не будет больше Военным Министром, — (вероятно, после инцидента с манифестом), — завтра я буду Военным Министром. Сейчас я по этому поводу говорил с Алексеевым. Плюньте на Военную Комиссию и приходите ко мне завтра днем». Здорово. Иду домой, высыпаюсь, но на следующий день, оказывается, Гучков

все еще министр. Забавная вещь политика.

Захожу в Главный штаб к Туманову, узнаю, что Гучков обосновывается в доме военного министра на Мойке, в так называемом «Довмине», что образуется комиссия под председательством Поливанова⁵² для реорганизации армии, что я назначен в ее состав и что первое заседание завтра в 8 часов вечера в доме министра.

*- ПОЛИВАНОВСКАЯ КОМИССИЯ. —
- МЛАДОТУРКИ. — ГУЧКОВ. -*

Входя в Довмин, невольно вспоминаю давно прошедшие времена, когда мне здесь приходилось бывать при Куропаткине⁵³. Помню в этих залах раут для Бухарского Эмира, восторгавшегося игрой балалаечников Конной Гвардии. Помню, как я, однажды, по окончании академии, пил тут чай у супруги министра и как Александра Михайловна меня приветствовала словами: «Кончили первым, поздравляю. Ну, теперь Вы патентованный гений». Комиссия собирается в кабинете военного министра. Пальчинский заявляет, что революция кончена, ибо выехали извозчики. Они — самый верный политический барометр во всех странах. Рассаживаемся, — на одном конце стола Гучков, Поливанов⁵⁴, Мышлаевский⁵⁵ и генералитет (Михневич⁵⁶, Аверьянов⁵⁷, Архангельский⁵⁸ и проч.). На другом — под предводительством Пальчинского, младотурки Генерального штаба — (Якубович, Туманов, Энгельгардт, Гильбих, Туган-Барановский). Наименование «младотурки» еще перед войной применялось к некоторым молодым офицерам Генерального штаба, слишком ретиво проповедовавшим о необходимости всяких реформ. Теперь оно снова всплыло и шутиливо применялось в компании Генерального штаба, объединившейся во время революции в Государственной Думе.

Сразу определяется враждебное настроение между

генеральским и штаб-офицерским концом стола. Начинается с того, что Гучков вручает председательство Поливанову, который обращается к нам с речью о целях комиссии. Поднимается Энгельгардт и заявляет, что никакие реформы невозможны, пока не будут сменены некоторые начальники; в руках у него приказы Сахарова⁵⁹, доставленные мною с Румынского фронта. Я поддерживаю Энгельгардта, Мышлаевский ехидно замечает: «Иначе говоря, Вы хотите заменить заседавшую в этих же стенах высшую аттестационную комиссию». Страсти разгораются. Поливанов округляет, заявив, что, хотя этот вопрос, по его мнению, не входит в задачи комиссии, однако, он будет принимать всякие заявления о подобных делах и докладывать их военному министру. Соглашаемся.

Встает Пальчинский и говорит, что самый важный вопрос: — это приказ номер 1-й⁶⁰ Совета солдатских и рабочих депутатов. Зло сделано. Идти против течения невозможно; нужно канализировать. Начинаются бесконечные прения о титуловании, и «ты» и «вы» дисциплинарной власти и, особенно, об отдании чести и о взаимном приветствовании. Гучков уходит. Пальчинский набрасывает черновик приказа, где каждый параграф заканчивается словами «отменяется». После новых прений и незначительных изменений проект принимается. Час поздний, но Пальчинский берется заставить Гучкова подписать приказ сейчас же, с тем, чтобы он утром был уже отпечатан.

Последующие заседания комиссии переносятся в готическую столовую, и комиссия все разрастается и разрастается. К генеральскому концу прибавляются всякие судебные чины и господа из Главного штаба и Главного управления Генерального штаба. Михневи-

ча уволили. Архангельский временно за него и патетически старается сохранить законность и порядок среди всеобщего хаоса. Первоначально писаря его забаллотировали и хотели сами избрать Начальника Главного штаба, но Гучков их сократил.

Забавное приобретение в комиссию — генерал Рубец-Масальский⁶¹ (он временно командовал войсками до приезда Корнилова⁶²), говорящий высокопарные речи о «демократических началах» и притащивший в комиссию проект государственного герба в виде двуглавого орла, имеющего вместо короны ленту с надписью: «Свобода, Равенство, Братство», а в когтях — сломанный пополам скипетр!!!

Ряды младотурок тоже расширяются, — прибавляются Балабин⁶³, Верховский⁶⁴, Лебедев⁶⁵. У нас происходит свое маленькое объединение. Один раз собираемся у Якубовича в Главном штабе, другой — в «Русском Инвалиде»⁶⁶ у Лебедева, для выработки новых оснований этой газеты. Пальчинский хочет из нас сформировать политическую группу.

Поливановское собрание понемногу превращается в бюрократическую комиссию. Выделяется подкомиссия для выработки различных уставов и положений. Одним из первых проходит «положение о войсковых комитетах». На фронте нас ругают за чрезмерный либерализм, а в Совете — за чрезмерный консерватизм. Никому не угодишь! Иногда атмосфера оживляется инцидентами. Раз Мышлаевский ехидно вцепляется в меня по какому-то вопросу и начинает: «Мы слышали от генерала Половцова» и т. д. Возражаю по существу, а затем говорю: «Я сейчас по ошибке был назван генералом; это мне напоминает, что как раз сегодня я получил телеграмму наштаюза⁶⁷ о замене моего про-

изводства за боевые отличия «Высочайшим благоволением». Может быть, дежурный генерал мне сможет объяснить, чем он теперь мне заменит эту награду?» — Смех. Архангельский разводит руками.

Раз Пальчинский устраивает скандал: Гучков принес длинную телеграмму Алексеева о постепенном развале фронта, с намеком на вред наших приказов. Пальчинский просит слова первым и заявляет: «Эта телеграмма доказывает одно, что Алексеев не годится в Главнокомандующие»⁶⁸.

Но больше всех ругается Якубович. По его наущению, приглашаются к нам представители Совета. Для их вразумления привлекаем английского военного агента Нокса, который читает им выдержки из английского дисциплинарного устава. Но на них это не действует; они, снисходительно улыбаясь, смотрят на этого отсталого представителя буржуазного строя. Когда к двум партиям, генеральской и полковничьей, прибавляется солдатская, Поливановская комиссия окончательно превращается в бездельную говорильню. Безусловно, коллегиальные учреждения могут только тогда производить какие-нибудь реформы, когда над ними есть рука умного человека с сильной волей, для которого разглагольствования коллегии могут служить умственной пищей. Но таких людей в революции не видать.

Во время второго заседания комиссии Пальчинский о чем-то шепчется в углу с Гучковым, после чего Гучков вызывает меня в залу и просит остаться при нем. Благодарю за честь, но говорю, что у меня есть мое штатное место на фронте, которое покидать я не намерен. Решаем, что я останусь при нем, примерно, месяц, пока не уменьшится щекотливая переписка,

вызванная обстоятельствами «текущего момента», и пока Гучков не войдет в колею и не ознакомится с личным составом. Узнаю, что Пальчинский доказывал ему, что всякий крупный деятель должен иметь около себя тесно сплоченную группу помощников, что для него такая группа создавалась из младотурков военной комиссии, что все величие Витте⁶⁹ явилось следствием такой системы и т. д. Но, несомненно, Гучков боится чрезмерного преобладания младотурков, хотя лично ко мне, по-видимому, питает симпатии.

Со следующего дня беру в руки всю экстраординарную переписку. Устраиваюсь с секретарем, чтобы, за исключением частной переписки министра и тех вещей, которые, очевидно, должны препровождаться в какое-нибудь из управлений, все остальное направлялось ко мне.

Разряды, на которые распадается моя переписка, следующие. Во-первых, масса приветственных и верноподданнических телеграмм со всех концов России, на которые отвечаю, не докладывая. Во-вторых, о смещении старых властей, военных губернаторов, начальников гарнизонов, комендантов, воинских начальников, с просьбой всяких новорожденных комитетов об утверждении их ставленников. Переписку о мелких сошках отправляю в Главный штаб, объяснив Архангельскому теории Гучкова — либо временно утверждать, либо направлять начальникам военных округов. Что же касается этих последних и вообще крупных лиц, навожу краткую справку и заготавливаю к докладу ответ, утверждая ставленника. В большинстве случаев на этом дело кончается, но бывает, что через три дня приходит телеграмма другого комитета, доказывающая, что ставленник номер 1-й никуда не годится.

ся, а их ставленник, номер 2-й, гораздо лучше. Тогда приходится либо произвести взаимную оценку ставленников, либо взаимную оценку комитетов, что довольно трудно, скажем, для Якутска или Семипалатинска, когда никого там не знаешь и нельзя найти в Питере сведущее лицо. Приходится либо оставлять дело без последствий, что мне вообще больше нравится (чего ставленник номер 2-й зевал и, кроме того, комитет номер 1-й не будет скандалить), либо менять ставленников. Зато совсем просто, когда комитет номер 1-й, сам разочаровавшись в своем ставленнике, просит его сменить.

Некоторые из вновь назначенных начальников чудят невероятно и много причиняют беспокойств. Особенно отличается в Москве Грузинов⁷⁰, доходящий до того, что по собственной инициативе формирует новые части (даже одну «своего имени») и отправляет их на фронт, приводя весь Главный штаб и Главное управление Генерального штаба в неопишемую тоску.

Другой род переписки — это об арестах. Ужасно ретива публика арестовывать сторонников старого режима и, отчасти, изменников и немецких шпионов. Тут приходится по тону телеграммы угадывать температуру страстей и просить либо об освобождении, либо о «препровождении» в Петроград. Шпионские дела передаю в Главное военно-судное управление генералу Апушкину⁷¹. Очень много анонимных писем, среди коих попадаются интересные.

Самое щекотливое — это кляузничество войсковых комитетов с обвинением начальства в контрреволюционности. Оставлять совсем без внимания нельзя, сами попадем в контрреволюционеры, а вышибать

хороших начальников из-за скверных комитетов — нельзя. К счастью, очень часто политические обвинения комитетов совпадают с отрицательными боевыми качествами; тогда Гучков берет дело в свои руки для разбора в Ставке.

На первом же докладе Гучков мне говорит: «А знаете ли, кого я вызвал в Петроград? Хагондокова⁷² и Крымова⁷³. Хагондокову я поручу все казачьи дела, а насчет Крымова я еще не решил. Так что все телеграммы о недоразумениях у казаков откладывайте и передайте Хагондокову, когда он придет». Выражаю полный восторг. Оба старые приятели и основательные люди.

Переписки много. Нахожу скучным сидеть целый день, а телеграммы иногда бывают такие, что ответ нужен немедленно. Поэтому хочу взять себе в помощь еще какого-нибудь младотурка. Советуюсь с Якубовичем и Тумановым. Решаем на Туган-Барановском, но он в Главном управлении Генерального штаба, и мы предвидим противодействие со стороны Аверьянова, после Поливановской комиссии возненавидевшего всех младотурок. Заручаюсь благословением Гучкова, пообещав «дипломатически» устроить с его начальством, и отправляюсь к Аверьянову.

Приходится выдержать страшную бурю: Аверьянов с криком возмущается на всю ныне создавшуюся систему назначений и доходит до того, что, топая ногами, заявляет: «Как же Вы не понимаете, что самое Ваше присутствие в моем кабинете по такому делу — для меня оскорбление. Но, все равно, очевидно, будет по-Вашему, поэтому берите Туган-Барановского». Благодарю и ухожу, а на следующий день Аверьянов, встретив меня у Гучкова на лестнице, подходит ко мне

и старается замазать инцидент.

Приходит телеграмма за подписью команды связи Туземной дивизии с обвинением Багратиона и всего начальства в приверженности к старому режиму. Докладываю, но прошу Гучкова оставить дело мне и посылаю частную телеграмму Багратиону с предупреждением.

Однажды адъютант Гучкова, Капнист⁷⁴, ловит меня и сообщает: «Завтра едем на фронт. Министр просит Вас ехать с ним». Ладно. На Варшавском вокзале вечером 11-го марта прицеплен к поезду вагон военного министра. В вагоне помещаются Гучков с женой, два адъютанта, Капнист и Любомиров, да я, фельдъегерь и писарь с машинкой. Отплываем. В салоне портреты Царя и Царицы. Приходится не без труда их вывинтить из стены...

Оказывается, Гучков едет прямо в Ригу к своему старому другу Радко-Дмитриеву⁷⁵. Спрашиваю, не будет ли остановки в Пскове, у Рузского⁷⁶. Оказывается — нет. Жалко. Не совсем, по-моему, удобно ехать в штаб армии, минуя штаб фронта. Наверно будут обиды, но Гучков хочет начать снизу и остановиться в Пскове на обратном пути.

На всякий случай встаю в 7 часов утра, когда подъезжаем к Пскову. Весь вагон спит. Хорошо сделал. — Комендант, согласно полученному приказанию, предупредил штаб о нашем прибытии, и через несколько минут появляется генерал-квартирмейстер Болдырев⁷⁷. Объясняю ему планы Гучкова; он их сообщает по телефону в штаб, а затем решает, что ему лучше ехать с нами. Забираю его в наш вагон. Угощаю чаем. Беседуем. Светлая голова.

Приходит Гучков, Болдырев рассказывает про политику и стратегию: внутреннее состояние в Риге ничего себе, ибо Радко, искушенный в политических переворотах на своей родине, приноравливается. В Двинске плохо (бедный Драгомиров⁷⁸), а у Литвинова⁷⁹ спокойно, ибо его армия в таких болотах, что до них революция не дошла. Что касается стратегии, то готовится удар у Двинска, согласно общему плану с союзниками, но как он выйдет — неизвестно, при усиливающейся разрухе в армии.

День проходит в беседе с лицами, появляющимися из вагона 2-го класса, к нам прицепленного, куда, между прочим, я засунул милейшего Вильтона, корреспондента Times'a, с которым у нас отличные отношения.

На всех вокзалах почетные караулы и толпы народа. Гучков всюду выходит и говорит речи, а на перегонах жена его укладывает в компрессы — по видимому, сердце у него сдает. Еще бы.

С наступлением темноты достигаем Риги. — На вокзале толпы народа. Почетный караул — от Финляндского драгунского полка, на штандарте красный бант. Трубаچی играют Марсельезу. Встречает Радко-Дмитриев. Речи. «Ура». Забираемся в автомобили. Едем к Радко ужинать; по улицам посты конных драгун. Все волнуются, ибо есть сведения о готовящемся покушении на Гучкова.

За ужином собирается больше 20 человек. Встречаю знакомых — Раевского⁸⁰, Меликова⁸¹, товарищей по Генеральному штабу. Всех увеселяют члены Думы, Ефремов⁸² и, особенно, хохол (фамилии не помню), рассказывающий про свои похождения на фронте.

(всюду посланы члены Думы попарно, вразумлять воинство). Оба очень горды медалями за храбрость, пожалованными Радко-Дмитриевым. Гучков тоже в ударе: рассказывает потрясающие анекдоты про сумасшествие Протопопова.

Хозяин произносит краткий, но прочувствованный тост в честь Гучкова. Сей последний отвечает. После ужина ведем беседу с членами Думы, высказывающими всякие пожелания из фронтовых впечатлений: о солдатском жаловании, о георгиевских крестах и т. д. Я все записываю для внесения в Поливановскую комиссию. Спим в вагоне. Доказываю Гучкову необходимость повидать двух других командующих армиями, а то обидятся. Соглашается. Посылаем телеграммы, приглашая в Псков для свидания на обратном пути.

Утром едем опять к Радко. Совещание со штабом сначала о стратегии, причем Радко оптимистичен относительно своего фронта, если моряки не подведут на морском фланге, но мрачен относительно тыла (путей сообщений и укреплений).

Переходим на политику. Радко вызвал представителей из всех полков и устроил себе парламент, заседающий в театре. Это совещание вполне благонадежно, и Радко с ним хорошо справляется. Одно из крупных недоразумений получилось с упразднением жандармов, на коих обрушился гнев народный. Ослабла борьба со шпионством, ибо армейский комитет старается здорово, но неумело. Меня все время предупреждают об опасности для Гучкова. Кроме того, боятся отставленного начальника штаба Беляева⁸³. Говорят, он ненормален и может что-нибудь выкинуть. После завтрака едем осматривать какой-то миноносец, а по-

том я возвращаюсь в вагон, а Гучков носится по каким-то комитетам. Передаю Вильтону прокламации, направленные против Англии и распространяемые по фронту. Кроме того, сообщаю о негодовании против него в Юрьеве из-за того, что в одной из корреспонденций он раздал тамошних евреев.

Возвращается Гучков и принимает в вагоне всякие депутации. Появляется Беляев и просит аудиенции⁸⁴. Докладываю, но предупреждаю, прося быть осторожным. Во время приема остаюсь с Капнистом около двери с револьверами наготове, но все проходит благополучно. Прощаемся и перед вечером отбываем.

Утром Псков. Встреча и атмосфера совсем другие. На вокзале один только начальник штаба, Данилов⁸⁵. Едем к Рузскому. Литвинов и Драгомиров приехали. Чувствуется определенная враждебность к Гучкову. Вскоре подают завтрак, а после завтрака совещание. Я хочу улизнуть, считая, что мне не место с такими крупными чинами, но Гучков категорически требует, чтобы я шел с ним. Усаживаемся. Рузский, Драгомиров, Литвинов, Данилов, Болдырев, Гучков и я за его стулом с соответственным смирением. Вижу, что Драгомиров на меня, несомненно, зол за сообщничество с Гучковым.

Начинается со стратегического доклада. Картина та же, что у Радко, но немного менее оптимистическая, т. е. на фронте, если исключить внутреннюю политику, то воевать можно, но в тылу мерзость невероятная. Меня особенно веселит линия окопов на Псковском озере, вдоль самого берега, с водою в тылу. Когда Гучков спрашивает, что сделано для исправления всех многочисленных недочетов, указанных присутствующими, Рузский разводит руками и

говорит, что «писали в Ставку». Гучков, по-видимому, кипит негодованием на его пассивность.

Переходим к вопросу о внутренней политике. Сейчас же все генералы набрасываются на Гучкова, требуя мер против комитета и развала. Он отбивается, говоря, что до них революция по-настоящему не дошла, что идти против течения ни к чему, что в Питере мы власти не имеем, что мы должны канализировать, балансировать и т. д., что он меня привез, как живого свидетеля подтвердить им трудность положения, что если удастся удержаться и укрепиться, то тогда можно будет понемножку навести порядок, но сейчас никаких крутых мер провести нельзя.

Генералы в тоске, а Литвинов вдруг выпаливает: «А если меня выгонят, какую я получу пенсию?». У Гучкова дух захватывает от неожиданности. Закрываем заседание.

Драгомиров говорит мне: «Грустно видеть своего бывшего начальника штаба в роли революционера». Выходим на лестницу. Гучков воздевает руки горе и восклицает: «Неужели все генералы в армии такие ж...?». Говорю, что есть и хуже, но за Драгомирова стою горой. Еду на вокзал. Захожу в вагон к Драгомирову и говорю ему, что не могу примириться с его презрением ко мне. Рассказываю ему питерские подноготные, почему я вмешался в это дело, доказываю, что идти против течения невозможно, но что, конечно, можно плюнуть на все и отойти в сторону. Расстаемся отчасти примиренными, но не совсем.

Иду к Гучкову. Уже темнеет. Приезжает начальник школ прапорщиков и уговаривает Гучкова посетить юнкеров. Обходим четыре барака, в каждом из

коих Гучков говорит краткую патриотическую речь. Молодежь энтузиастична и очень хорошо настроена. Едем обратно на вокзал. По дороге Гучков объясняет мне, что все наше несчастье заключается в том, что революция сделана чернью, а не интеллигенцией и поэтому теперь, естественно, интеллигенция не может взять власть в руки, ибо не она управляла силами, совершившими переворот; так сказать, опоздала. Революция, к сожалению, произошла на две недели слишком рано. Существовал заговор⁸⁶. Предполагалось уговорить Царя поочередно приводить гвардейские кавалерийские полки в столицу на отдых и для поддержания порядка, а затем выманить Царя из Ставки и, при помощи кавалергардов, совершить дворцовый переворот, добившись отречения в пользу цесаревича и регентства. Все это должно было произойти в середине марта.

Возвращаемся в вагон и уезжаем без всякой церемонии. Утром прибываем в Петроград.

Опять погружаюсь в скандальную хронику революции. Кроме Туган-Барановского, прикомандировал к себе еще Масленникова, и переписка у меня налаживается великолепно. Стараюсь все больше и больше разгонять по главным управлениям.

Ожидая очереди для доклада в приемной, кого только не встречаешь.

Как-то встречаю в приемной Шавельского. Кидаемся друг другу в объятия. Я его начинаю дразнить, говоря, что мы его подозреваем в приверженности к старому режиму. Он кипит и рассказывает, что, наоборот, он последнее время был в немилости из-за того, что несколько раз решался говорить Царю

правду.

Наконец, приезжает Крымов и сразу на меня набрасывается со свойственным ему ругательным красноречием: «Как тебе не стыдно, вы все тут мямли, нюни распустили, первая солдатская депутация, которая ко мне придет, я ее нагайкой встречу». — «Недолго же ты тогда просуществуешь», — отвечаю я, не подозревая, что окажусь таким пророком. Иду к Гучкову с бумажками и говорю, что Крымов тут. Гучков спрашивает: «Ну, как он?». Передаю разговор. Гучков улыбается. После своего приема Крымов опять кидается на меня: «А ты Гучкову на меня наклеузничал». — «Для твоего же блага». А через несколько дней приходит телеграмма, что 3-й Конный корпус, которым он временно командует, вследствие того, что Келлер⁸⁷ при первых звуках революции подал в отставку, демонстрирует с красными флагами по Кишиневу и скандалит невероятно. Крымов немедленно уезжает обратно.

Гучков хочет для наведения порядка привлечь на свою сторону евреев и для этой цели приглашает одного видного еврея, но, оказывается, еврейская молодежь вырвалась совершенно из рук старых благоразумных евреев и с ней ничего не поделаешь. Печально.

У Корнилова дело что-то не ладится, с войсками у него недоразумения, он ссорится с Советом, приказания его не исполняются. На днях в Финляндском полку у него с автомобиля сняли георгиевский флажок и водрузили красный. Балабин у него за начальника штаба, но у них не клеится, и Балабин хочет уходить, а младотурки намереваются меня всунуть, но Корнилов считает меня за авантюриста, к штабной работе не пригодного. Слава Богу!

Поливановская комиссия продолжает собираться два раза в неделю и заниматься словоизвержением. Мышлаевский уехал в Казань командовать войсками. Однажды во время заседания Пальчинский говорит мне, Энгельгардту, Якубовичу и Туманову, что сегодня ночью он хочет повезти нас всех в некое место, — но куда — тайна. Соглашаемся. Заседание кончается скоро. После полуночи забираемся в автомобиль Пальчинского и едем. Он привозит нас в Министерство юстиции, как оказывается, на свидание с Керенским⁸⁸. Интересно. Ждем около получаса, а затем проходим в кабинет, где сидит Керенский со своим адъютантом. Пальчинский говорит, что привез нашу компанию, согласно просьбы Керенского, для взвешивания его по военным вопросам, о которых приходится Правительству иметь суждение.

Первый вопрос, который нам Керенский ставит: — «Годится ли Алексеев в Главнокомандующие?» Энгельгардт за него. Я говорю, что хотя он не великий полководец для действия на психику масс, но большой работник, знает всю технику, что к нему все привыкли, что он глубоко честен и порядочен. Вообще, младотурки как будто за Алексеева, особенно, когда начинаем разбирать кандидатов. Тут сразу все внимание сосредотачивается на Брусилове⁸⁹. Конечно, умен, хитер, как муха, но уж очень ненадежен, как человек. Вообще, нет в нем таких качеств, которые бы ставили его очевидно выше Алексеева, а потому не стоит менять; таково, в общем, настроение младотурок. Но у Керенского что-то на уме. Неужели Брусилов с ним снюхался? Способен. Тогда создается комбинация Керенского с Брусиловым против Гучкова с Алексеевым. Посмотрим.

Керенский затем спрашивает, может ли с успехом Гучков совмещать должность военного и морского министра? Отвечать приходится мне. Говорю, что, по моему мнению, невозможно: слишком много работы... Разговор переходит на членов царской фамилии. Керенский до поразительности ничего не знает про них и подозревает в контрреволюционности самых безобидных. Даем ему подробные оценки. Керенский в восторге от великого князя Михаила Александровича, его корректности и благородства.

Не помню, почему и кем было упомянуто имя митрополита Шептицкого⁹⁰. Вспоминаю все сведения львовского консульства и даю подробное описание его антирусской деятельности; также некоторые факты из его биографии. Керенский поражен и восклицает: «А я и не знал и всегда считал его невинной жертвой старого режима». Удивительна неосведомленность новых министров.

Беседа кончается около 3-х часов ночи. Забираемся опять в автомобиль Пальчинского. Он развозит нас по домам и по дороге объясняет нам цель сегодняшнего собеседования. По его мнению, Керенский единственный сильный человек, которого выдвинула революция, и мы должны его всячески поддерживать и просвещать. У меня получается впечатление, что Пальчинский предвидит поглощение Гучкова Керенским.

Я считаю, что мое положение не совсем корректно: нельзя сидеть у Гучкова за пазухой, а по ночам бегать на конфиденциальные свидания с другими министрами. Поэтому утром на докладе рассказываю Гучкову в двух словах о происшествии. Он улыбается и говорит, что если Керенский желает ближе знать во-

енные дела, то он, Гучков, против этого ничего не имеет. Чем больше он будет знать, тем это будет для него полезнее (не без ехидства).

Гучков собирается ехать в Ставку и просит меня ехать с ним, но я доказываю, что сие нежелательно, ибо мое присутствие всюду около него создает некрасивое впечатление, что я его любимчик (уже теперь все ко мне лезут за протекциями), мне очень трудно доказывать, что я ни при чем. Кроме того, достаточно извелись генералы Северного фронта на мое постоянное присутствие на совещаниях. В Ставке будет хуже. После некоторого колебания Гучков соглашается. Я его начинаю некоторыми сведениями о Ставке. Гучков уезжает. За него остается Маниковский⁹¹. Организация такова: у министра два помощника: Новицкий⁹² по делам Главного штаба и Главного управления Генерального штаба, и Маниковский — по всем довольствующим учреждениям. Последний, как старший, заменяет его в случае отсутствия. — Замечательно симпатичный и толковый человек. Мои бумажки подписывает беспрекословно, так как у меня уже выработаны трафареты на все случаи жизни. Раз Маниковский за мной посылает, чтобы я ему помог разобраться с английской военной миссией. Он ни слова не знает по-английски и мало по-французски, а когда дело доходит до техники всяких поставок, то запутывается окончательно. Исполняю роль переводчика, к удовольствию обеих сторон.

Новицкий занимается сочинением проектов реформ в Главном штабе и Главном управлении Генерального штаба, особенно по части сокращения переписки, доказывая, что вопросы, решаемые в низших инстанциях, не должны иметь следа в высшей. — На-

пример, Главный штаб не должен хранить следов прохождения службы офицеров. Дело должно кончаться в полку и дивизии. Прекрасно. Но, если Главный штаб не будет проверять, какая поднимется оргия жульничества с производствами, наградами и цензами.

Возвращается Гучков. Оказывается, среди строевого генералитета предстоит жестокая чистка⁹³. Гучков показывает мне свою «мерзавку», с заключениями которой, оказывается, Алексеев вполне согласен. Система мерзавки следующая: выписаны фамилии всех корпусных командиров и начальников дивизий, с 6-ю графами, причем первые пять заполняются оценками, данными различными Гучковскими собеседниками, пользующимися его доверием, а в последней графе делается общий вывод по большинству голосов. Оценок три: «достоин выдвижения», «может остаться», «подлежит изгнанию». Просматриваю тех, кого знаю, т. е. кавалерийское начальство, пехотное на Галицийском и Румынском фронтах и ищу случайно известных мне по службе в других местах. В общем, картина получается довольно верная. Прошу Гучкова исправить одну явную для меня ошибку. Крылов⁹⁴ в 1-м разряде, Белькович⁹⁵ — во 2-м. Говорю, что наоборот. Вижу, что у Багратиона отметки скверные. Гучков меня спрашивает: «А когда вы будете произведены в генералы?» Говорю, что по георгиевскому статусу, — уже 15 февраля выслужил срок. Гучков говорит: «Потолкуйте с Архангельским, нельзя ли это устроить». Затем Гучков показывает мне интереснейшую папку, с которой он едет в заседание Временного Правительства. Ожидая вопроса о смене Главнокомандующего, Гучков запросил всех командующих армиями и фронтами их мнение. Кроме одного отрицательного и од-

ного воздержавшегося, все, конечно, стоят за Алексеева. До крайности забавны редакции телеграмм, показывающие характерные особенности писавших. Этим непобедимым козырем Гучков раздавил комбинацию Керенский — Брусилов. Ловко.

Заезжаю к Архангельскому потолковать о генеральстве. Он говорит, что, если я, как временно состоящий при министре, подам ему рапорт и с его резолюцией доставлю в Главный штаб, то после этого будут запрошены начальник дивизии, штаб фронта и Ставка, а после их согласия сейчас же отдан приказ. Словом, в неделю — дней 10 будет сделано. На следующий день подаю Гучкову рапорт и объясняю, в чем дело, а он меня вдруг спрашивает: «Не хотите ли принять 9-ю кавалерийскую дивизию?» Отвечаю, что благодарен за честь, но что не хочу покидать туземцев. Если, судя по мерзавке, Багратион будет сменен, то естественней мне получить свою же дивизию, где я знаю всех, где командиры полков приятели, а если Багратион останется, то я вполне доволен остаться при нем начальником штаба. Гучков говорит: «Хорошо, я поеду на Юго-Западный фронт и поговорю с Брусиловым». Уже на Северном и Западном фронтах чистка идет: вышибают более 100 генералов.

Гучков 27-го марта едет вторично в Ставку. На этот раз еду с ним.

Путешествуем с крупной свитой генералов: Новицкий, Шварц⁹⁶, новый начальник главного инженерного управления и т. д. В вагоне Любомиров приходит ко мне в отделение. Говорит, что Гучков получил какие-то кляузы на туземную дивизию и, до решения вопроса о Багратионе, хочет сменить двух бригадных командиров. Спрашивает кандидатов на их

место. Я называю командира Чеченского полка принца Фазуллу-Мирза⁹⁷ и командира Татарского полка князя Бековича-Черкасского⁹⁸. Он сочиняет соответствующую телеграмму. Наверно, в дивизии подумают, что это я все подстроил. Я заявляю Гучкову, что в Ставке я буду от него держаться подальше и по приезде в Могилев немедленно отделяюсь, погрузившись в атмосферу Замойского, военных агентов, также — товарищей Генерального штаба.

Замойский во время революции проявил необычайную доблесть. Приехав одновременно со мной 26-го в Петроград и увидав положение вещей, он поехал немедленно в Царское Село и заявил, что, как флигель-адъютант, он считает своим долгом предоставить себя в распоряжение Императрицы. Мало кто из свиты поступил так благородно. Все первые тревожные дни он не покидал Александровского дворца и много пережил интересного. Когда же было обнародовано отречение Государя, он попросил прощальной аудиенции у Императрицы и доложил, что он свой долг по отношению к Государю исполнил до конца, а теперь, раз Царь отрекся, он, как поляк, обязан свою дальнейшую службу отдать исключительно Польше. После этого Замойский вернулся в Ставку, где занял прежнее положение бессменного ходатая по польским делам. Теперь главное его занятие — это формирование польских легионов, и нужно ему отдать справедливость, что он этим делом занимается очень энергично.

Узнаю подземные течения в Ставке. Оказывается, есть генеральская компания, непременно желающая избавиться от Лукомского с тем, чтобы ему дать командную должность на фронте... Об этом было еще

известно в Питере, и Гучков всячески предупрежден на эту комбинацию не соглашаться.

Иностранные военные агенты чрезвычайно мрачны, в особенности итальянец Марсенго, утверждающий, что русская армия перестает существовать и окончательный развал, несомненно, очень близок.

После ужина беседую с великим князем Сергеем Михайловичем. Затем встречаю Базили⁹⁹, дипломатического чиновника при Ставке, который просит меня воздействовать на Гучкова, чтобы Лукомский не покидал Могилева. Советую ему поговорить с Гучковым, находя, что чем больше ему будут это твердить с разных сторон, тем будет лучше.

Утром Гучков уезжает в Минск, в штаб Западного фронта, а я возвращаюсь в Петроград.

Хочу ехать на фронт. Младотурки протестуют. Я доказываю, что здесь мне делать нечего, ибо «скандальная» переписка теперь сокращена до минимума и может почти целиком разгоняться секретарем по соответствующим инстанциям. Кроме того, очень тянет в дивизию; по-видимому, там неблагополучно. Поэтому, по возвращении Гучкова, прошу его меня отпустить. Соглашается и прибавляет: «А Ваш князь Багратион мне надоел: вот, посмотрите, сколько опять появилось кляуз». И он протягивает мне бумаги, — очевидно, прошедшие через Совет и переданные ему оттуда. Неприятна телеграмма Киевского Совета, обвиняющая почти все начальство дивизии в приверженности старому режиму, и две бумажки, за подписью полковых командиров Старосельского¹⁰⁰ и Мерчули¹⁰¹, соответственно заявляющих, что кабардинцы и ингуши всегда останутся верны присяге своей Госу-

дарю Императору. Скверно. Возражаю, что ведь есть телеграмма Багратиона, что вся дивизия присягнула Временному Правительству, что тут какое-то недоразумение и прошу разрешения лично расследовать и донести. Получаю согласие.

Гучков поручает мне устроить для него обед у Кюба¹⁰² и собрать тех, кто работал в Военной комиссии Государственной Думы, так как он хочет их поблагодарить. Собирается нас дюжина. Обед проходит весело. Гучков благодарит за помощь и говорит, что собрал компанию также и для того, чтобы попрощаться с первым членом нашей братии, покидающим столицу, т. е. со мною, который был не только хорошим работником, но и принес много пользы, поддерживая дух публики, даже в самые тяжелые минуты, неисчерпаемым юмором. Я благодарю и желаю успеха, а Пальчинский, наговорив Гучкову комплиментов, довольно настойчиво намекает на то, что ему следовало бы опираться на тех, кто пришел ему бескорыстно помогать в первые же минуты революции. Дружеская беседа с воспоминаниями о всяких подробностях и анекдотах революции продолжается довольно долго.

Получаю извещение Архангельского о производстве в генералы. Заезжаю к нему поблагодарить. Он в тоске. Не знает, куда его, в конце концов, назначат.

Иду к Гучкову прощаться. Он очень сердечен и любезен и предлагает ехать с ним на Юго-Западный фронт, но я уклоняюсь. Вечером провожаю его на вокзал, а 6-го апреля покидаю Питер. Младотурки провожают, утвердительно заявляя, что мне, наверно, придется скоро вернуться. Посмотрим.

МЕСЯЦ В ДИВИЗИИ.

Приехав в Киев, нахожу нескольких офицеров из дивизии и узнаю подноготную. Оказывается, в штабе писарь Копысов и зауряд-чиновник Данилов¹⁰³ разводят страшную смуту. Пулеметчики из моряков тоже скандалят, а в полках, в общем, благополучно; комитеты¹⁰⁴ копаются в хозяйственных делах, и многие сотенные командиры чувствуют себя скверно.

Командир 4-й Татарской сотни Колюбакин¹⁰⁵ завел дружбу с Киевским солдатским Советом, дает мне полезные сведения про главных руководителей и на следующее утро везет меня к ним. Главный запевала — симпатичный вольноопределяющийся из евреев, Брандман, от которого, между прочим, я получил впоследствии, после моего назначения в Петроград, замечательно милое приветственное письмо.

Усаживаюсь с ним и его подручными и доказываю им всю абсурдность их обвинений Туземной дивизии в контрреволюционности. Что же касается выработанного Советом списка лиц, подлежащих немедленному изгнанию, то по поводу многих вполне соглашаюсь, но не из-за соображений политических, а из-за боевых и, главным образом, хозяйственных. Относительно некоторых лиц категорически не соглашаюсь и вполне

доказательно привожу все доводы неосновательности возведенных на них обвинений. Спрашиваю, откуда получены сведения. — Под секретом мне сообщают фамилии информаторов — двух вольноопределяющихся, а также вожаков комитета команды связи. Доказываю случайность и ненадежность такой информации. Прошу впредь слушать только делегатов, прибывающих с удостоверениями, а добровольных доносчиков гнать в шею. Что же касается перемен в личном составе, то берусь обо всем «доложить Багратиону», сохранив в тайне фамилии информаторов.

Прошу выпустить арестованного по доносу одного из вольноопределяющихся подполковника Дагестанского полка Микашевидзе¹⁰⁶, зная, что его единственный грех — строгость. Но мне возражают, что это неудобно делать без ходатайства полкового комитета. Чувствуется, что, вероятно, в Совете есть партия большевиков, которых сами вожаки побаиваются. Расстаемся в полной дружбе.

Интересную картину представляет собой столовая гостиницы Континенталь, где собирается все офицерство, особенно, находящихся неподалеку Гвардейских кавалерийских полков, вызванных для поддержания порядка на железных дорогах. Много изгнанников. Много вышибленных генералов. За одним столом Арсеньев¹⁰⁷, Кантакузин¹⁰⁸ и др. Арсеньев после того, как я отказался от Конной Гвардии, выдвинул Старосельского, а на кирасир его величества (ныне подольцев) — Бековича, добился от Брусилова соответственного приказа, не спрашивая согласия заинтересованных лиц. Теперь Арсеньев спрашивает, где они. — Сообщаю, что оба в отпуску, и вряд ли, особенно Бекович, будут довольны своими назначениями. Арсеньев го-

орит: «Ведь все-таки карьера командира Гвардейского полка лучше, чем командира Туземного, подлежащего после войны расформированию». Отвечаю с улыбкой, что еще вопрос, кто будет раньше расформирован, — гвардия ли, или национальные кавказские войска.

Дивизию застаю на отдыхе в Бессарабии. Штаб в Сотюжанах, в имении Цениных. Хороший дом. Прерасная кухня. Багратион ко мне относится подозрительно. Рассказываю совершенно откровенно всю мою историю и откуда идут все «наветы» на него, но, по-видимому, подозрительность его не рассеивается, и он думает, что я под него подкопался. На следующий день Багратион собирает всех бригадных и полковых командиров, и я опять с полной откровенностью и подробностями излагаю все впечатления петроградские и киевские.

Главное, что нужно поскорее устроить, — это полковые и дивизионный комитеты. Здесь царит хаос, ибо в дивизии все осложняется национальным вопросом. Вырабатываю схему с пропорциональным представительством русских и туземцев. Много у меня возни со штабным комитетом моих команд. Среди пиарей, телефонистов и пулеметчиков много крайних элементов.

Сначала мне представляют требования о смещении чуть ли не всех офицеров, но дипломатически и постепенно успокаиваю все страсти и почти всех сохраняю на местах, только 2-3-мя приходится пожертвовать. Часто офицеры виноваты, раздражая публику разными бестактностями, за которые ругаю нещадно. Но и противной стороне не даю спуска и протестую против красного флага с надписью «да здравствует

демократическая республика», воздвигнутого около штаба заурядным чиновником Даниловым. Объясняя сему революционеру, подкапывающемуся под старшего адъютанта с надеждой сесть на его место, что, может быть, такая надпись оскорбляет мои чувства, что, может быть, я кадет или крайний анархист, что неизвестно, каково будет решение Учредительного Собрания, и что, наконец, политические убеждения меняются и неизвестно, каковы будут наши через год. С трудом удерживаюсь от того, чтобы не напомнить ему, как он сам рыдал от умиления, получив серебряный портсигар из рук великого князя Михаила Александровича.

Самый кляузник — старший писарь Копысов. Это он, оказывается, выкрал бумажки Старосельского и Мерчули, написанные в первые же минуты по получении известия о революции и не имевшие никаких последствий.

По поводу всех кляуз произвожу тщательное дознание и составляю подробный рапорт военному министру, с указанием всей неосновательности обвинений начальствующих лиц дивизии в контрреволюционности и приверженности старому режиму.

Забавно, что штабные все считают, что я с Гучковым давно в дружбе и был им предупрежден заранее о революции, почему и поехал своевременно в Петроград. Источником этой легенды послужила, оказывается, телеграмма, полученная мною тогда от брата с известием о смерти управляющего и просьбой приехать. Подпись «Саша», по мнению штабных мудрецов, несомненно скрывала Александра Ивановича. Ничего не имею против того, чтобы меня считали умнее, чем я есть.

Полковые комитеты, наконец, налаживаются. Раза два я их собираю, разъясняю их задачи. Потом из полковых представителей организуется дивизионное совещание. Председателем избирается черкесский командир Султан Крым-Гирей¹⁰⁹, я предоставляю им обсуждать всякие вопросы о дивизионной милиции, о пулеметчиках и т. д.

Приходится уделять порядочно внимания родному Татарскому полку и заботиться о своем любимом детище. Сначала происходит некоторое недоразумение с кадровыми. Во всех полках честолюбцы из всадников, жаждущие унтер-офицерского жалования, подкапываются под русских кадровых. У татар сравнительно благополучно, но все-таки кадровые как-то огулом заявили, что хотят уйти. Еду в полк. Собираю публику и, выслушав как русских, так и туземцев, доказываю им пустяшность всех их кляуз. Напоминаю историю полка, — все, что пережили вместе. Кончается умилением, примирением и клятвами вечной дружбы.

С сотенными комитетами не так просто. Все они начинают копать в прошлых хозяйственных операциях и, естественно, получают недоразумения при легкомысленном смешении казенного аванса с собственным кошельком, к которому вообще столь склонны эскадронные и сотенные командиры на Руси, особенно по отношению к фуражному авансу в военное время в завоеванной стране, где «благодарное население» часто даром кормит не только лошадей, но и людей. Хотя в этом отношении жители Маньчжурии были несравненно «благодарнее» галичан из-за высоких тогдашних справочных цен, тем не менее мне приходится пару довольно крупных недоразумений покрыть

из своего кармана. Зато моя 4-я сотня борчалинских татар отличилась и постановила, что их сотенный командир Колюбакин был таким молодцом в бою, что они не желают заниматься контролем его хозяйственных операций. В конце концов, все вопросы улаживаются, и Татарский полк выходит из горнила революции в полном порядке.

В других полках иногда не столь благополучно. У ингушей, например, оказался однажды утром разграблен денежный ящик и убит часовой. Пропало больше 40.000. Больше всего недоразумений во вновь прибывшей к нам Осетинской пешей бригаде. Эти молодцы еще на Кавказе при формировании наскандалили, — вышибли своего бригадного, Чиковани¹¹⁰, со всем штабом и приехали на фронт под предводительством выбранного полковника Такаева¹¹¹ (одного из батальонных). Вопрос осложняется интригами некоего полковника Баева¹¹², желающего получить бригаду. Один день приходит ко мне депутация, с просьбой изгнать его из расположения дивизии, а на следующий — он сам заявляет, что осетины единогласно ему выразили желание иметь его командиром и что он едет в Каменец хлопотать. Но, кроме этого, осетины невероятно грабят, ставя грабеж помещиков, как пункт политической платформы, и вооруженной силой содействуют крестьянам побеждать лесную стражу при вырубке помещичьих лесов.

Легкий скандал происходит у чеченцев, когда подвыпившие офицеры потребовали, чтобы трубачи сыграли «Боже Царя храни». Те отказались. Командир покончил дело весьма дипломатично, посадив под арест кого следует, а я принимаю меры, чтобы дело не дошло до Киевского Совета, а то раздуют. Однако же

кляузы не прекращаются и однажды прикатывает из штаба фронта генерал Веретенников¹¹³, после коллективной петиции всего нашего начальства просившего Брусилова расследовать все обвинения и раз навсегда нас оградить от клеветы.

Веретенников допрашивает всех и обеляет нас совершенно, но вряд ли дознание, произведенное «генералом», воздействует на солдатские комитеты. Лишний раз убеждаюсь, что люди, не пережившие революции в Петрограде, не могут оценить положения, и речи Веретенникова и Багратиона, обращаемые к дивизионному совещанию, далеко не соответствуют настроению публики.

Все как будто успокаивается, но вдруг приходит телеграмма с отрешением Багратиона и приказанием сдать дивизию старшему. Багратион сейчас же летит в Каменец к Брусилову и возвращается оттуда с известием, что отрешение состоялось по телеграмме Гучкова. Всеведущие телефонисты доводят до моего сведения, что якобы Гучков приказал мне принять дивизию, но что Брусилов эту часть телеграммы скрыл. Возможно, ибо из шифрованных телеграмм, хотя и сильно перевранных, получаемых от младотурок, улавливаю, что Гучков, может быть, уйдет. Вероятно, Брусилов выжидает, с тем, чтобы после ухода Гучкова, спасти Багратиона. Багратион остается жить в Котюжанах, хотя Брусилов ему предложил убежище в Каменце, как и очень многим другим отрешенным генералам. Он пишет оправдательные рапорты, добивается от дивизионного совещания постановления о том, что они его обожают и т. д.

В смысле дела, создалась обстановка неудобная: отрешенный Багратион живет в расположении диви-

зии с надеждой на реставрацию, а Гагарин¹¹⁴, принявший командование, только подписывает текущую переписку, но от решения принципиальных вопросов уклоняется, не зная, кто же будет командовать дивизией — он, я или Багратион. В это время появляется с Кавказа Рагозин¹¹⁵, и я его сейчас же отправляю в Петроград и Ставку выяснить положение. Тем временем Багратион начинает серию прощаний. Сначала приглашаются «желающие» на плаце перед фольварком. Конечно, собирается вся дивизия в конном строю. Происходит скандал: во время объезда пулеметный отряд не отвечает на приветствие. Багратион в ярости отправляет их домой. Эти господа всегда остаются самым беспокойным элементом. Хотя я и добился возвращения во флот всех моряков, но они до конца остаются источником всяких недоразумений. Туземцы гораздо сдержанней и тактичней.

Другое недоразумение с прощальным обедом в штабе. Узнаю от Максимовича, что штабные комитеты хотят протестовать против того, чтобы офицеры чествовали такого известного контрреволюционера, как Багратион, а в крайнем случае хотят устроить дебош, — ворваться в столовую и арестовать Багратиона. Прошу им передать, что их не касается, кого офицеры угощают в своей столовой и что, если произойдет скандал, я вызову ближайший туземный полк и никто из русских штабных не останется в живых. Тем не менее, во время обеда чувствую себя на иголках, а Максимович каждые пять минут выбегает успокаивать страсти, ибо Данилов и другие агитаторы продолжают призывать к восстанию. Кончается все благополучно.

Получаю телеграмму от Рагозина, что Гучков

ушел, а затем приезжает и сам Рагозин со многими интересными сведениями. Оказывается, младотурки всячески протестовали против моего назначения на должность начальника дивизии, ибо они хотят, во что бы то ни стало, меня посадить в Петроград на место Корнилова, который окончательно поссорился с «демократией». С уходом Гучкова и воцарением в Довмине^{*)} Керенского младотурки пошли в гору, и мой вызов в столицу несомненен. Экий хитрец Пальчинский. Тем не менее решаю на его частные приглашения приехать, хотя и настойчивые, не обращать внимания. Я воинский чин, а не политический интриган. В Ставке Рагозин застал Брусилова и с несомненностью выяснил, что сей последний уже давно против меня подработан Багратионом.

Наконец, приходит, шедшая 5 дней, телеграмма за подписью Керенского, с категорическим приказанием прибыть. Укладываю чемоданы и прощаюсь, — особенно трогательно с татарами. Полк приходит в конном строю. Я произвожу им короткое, но горячее учение, а затем произношу маленькую речь, повторяя им то, что сказал при сдаче полка в январе прошлого года, т. е. что, куда бы меня судьба не возносила, и где бы мой ум ни работал, мое сердце останется с ними.

Даже прощание со штабными «демократами» выходит совсем сердечно, и они мне подносят адрес, в коем доказывается, что я необычайный молодец по всем статьям. Остаюсь еще на один день, чтобы участвовать на большом фестивале, устроенном нашим санитарным отрядом.

А на следующий день в поезде даю прощальный и

^{*)} Дом Военного Министра

дружеский совет Багратиону: «Если останешься командовать дивизией, никогда не бери начальником штаба Гатовского¹¹⁶, он подведет» (какой я пророк). Несмотря на дальность до вокзала, много народа провожает.

Приезжаю в Киев и узнаю, что Керенский только что проехал в Каменец, но сегодня ночью выезжает оттуда в Одессу. Решаю его повидать раньше, чем ехать в Петроград. Вечером качу в Жмеринку, где рано утром ловлю поезд военного министра. Все спят. Бужу генерального штаба полковника Барановского¹¹⁷, бофрера Керенского, при нем состоящего, объясняю ему в чем дело и иду в вагон-ресторан пить чай.

Стиль путешествия не похож на гучковский: несколько вагонов, свита из всяких хулиганов, конвой из преображенцев и моряков, а не из юнкеров, — очевидная поза на демократичность.

Появляется Керенский, за ним Щербачев¹¹⁸. После чая Керенский уводит меня в салон и говорит мне, что он вызвал меня потому, что «когда он уезжал из Петрограда, я был единственным кандидатом на должность Главнокомандующего войсками округа, единодушно выдвигаемого всеми». (Значит, я не его кандидат, или уже Брусилов успел в Каменце про меня напеть).

Говорю, что это назначение совсем мне не улыбается, что я предпочитаю службу на фронте, но что при развале армии вряд ли какая-нибудь порядочная война теперь возможна, а потому — пускай он со мной делает, что находит более полезным. Керенский протестует, что война не кончена, что наступление будет, да еще какое! — Дай-то Бог, но мне кажется, что при-

сяжный поверенный не может понять духа армии в смысле ее боеспособности. Решаем в конце концов на том, что я поеду в Петроград, куда Керенский приедет через несколько дней, и тогда вопрос о моем назначении покончим в том или ином смысле. После этого я спрашиваю, как же будет с Туземной дивизией? Керенский отвечает: «решили оставить Багратиона. Уж очень за него просит Брусилов, надо же что-нибудь для него сделать». Теперь все понятно. Приезжаем в Одессу. Толпы народа, почетный караул, речи, «ура». Керенский отбывает, осыпанный цветами, а я нахожу в коменданте вокзала старого маньчжурского соратника, бывшего адъютанта у генерала Болотова¹¹⁹. Он меня угощает прекрасным завтраком с изобилием спиртных напитков и устраивает отделение в первом поезде, отходящем в Киев.

В Киеве уже все знают о моем назначении. Очень забавны физиономии гвардейских генералов, готовых скорей примириться с отречением Царя, чем с назначением генерал-майора на место петроградского главнокомандующего. Успокаиваю тем, что ничего еще не решено. Благодаря стараниям бывшего улана Ее Величества Ржевусского, заведующего передвижением войск¹²⁰, устраиваюсь очень удобно для путешествия и 18-го мая приезжаю в Петроград. Выскочивший из вагона раньше других Рагозин бежит назад и сообщает, что меня ожидает почетный караул от Семеновского полка. Что за притча? Думать некогда. Выхожу. На правом фланге помощник Главнокомандующего, поручик Кузьмин¹²¹, бывший президент Красноярской республики в 1905 году и начальник штаба Балабин. Принимаю караул, вступая этим *de facto* в командование войсками.

КОМАНДОВАНИЕ ВОЙСКАМИ В ПЕТРОГРАДЕ.

Пропустив почетный караул церемониальным маршем на площади около вокзала, сажусь в автомобиль с Кузьминым, а Балабина прошу ехать в штаб и ждать меня там. Еду в Довмин. По дороге сразу ставлю ребром Кузьмину вопрос о взаимном доверии, и его ответ меня удовлетворяет, хотя несомненно он ко мне приставлен, как соглядатай, ибо в мою политическую благонадежность, конечно, никто из социал-революционеров не верит, а с назначением Керенского, они, естественно, приобрели первенствующее значение.

В Довмине атмосфера изменилась. Младотурки воцарились всюду. Якубович и Туманов — помощниками военного министра. Туган-Барановский — начальником Канцелярии Военного министерства. Аверьянов, конечно, удаляется, и на его место назначается Романовский¹²². Архангельский, — конечно, начальником Главного Штаба, Пальчинский же назначен товарищем министра торговли и промышленности и работает вовсю. Таким образом, чрезмерного консерватизма бояться нечего, но зато большевизм пускает сильные корни в Совете и пропаганда на немецкие деньги идет вовсю.

Когда я прошу выяснить свое положение, находя, что мой последний разговор с Керенским оставил во мне впечатление, что вопрос о моем назначении не решен, а тут Кузьмин встречает меня с почетным караулом, — Якубович заявляет, что это все ерунда, что вопрос решен давно и что Временное Правительство сегодня или завтра подпишет декрет о моем назначении. Жребий брошен. Но, оказывается, Керенский против моего назначения долго упирался. Наверно, Брусилов ему напел про мое интриганство и честолубие.

При моем выходе из кабинета Якубовича меня на лестнице ловят газетные корреспонденты и хотят интервьюировать. Говорю, что только что приехал и никаких программ не имею. Один из них все-таки ставит вопрос, что я намерен делать с Кронштадтом?¹²³ Отвечаю шуткой, — что, насколько мне известно, Кронштадт теперь самостоятельная республика, вполне самоопределившаяся, и что завоевывать ее я не намерен, так как я враг аннексий и контрибуций.

Из Довмина еду в штаб. В сопровождении Балабина обхожу все отделения. Замечаю, что все портреты высочайших особ убраны, кроме Петра Великого и Екатерины II, увешанных красными лентами, но почему-то помилованных социал-революционерами... Знакомлюсь с личным составом и разграничиваю работу: Кузьмину, согласно его желания, предоставляется все хозяйство. Он собирается заняться улучшением быта интендантских рабочих, но, вероятно, никогда не слышал о том, как порождаются начеты Государственного контроля. Однако, насколько я мог заметить, этот вопрос никогда не омрачает жизни революционных деятелей и они в обращении с «народными» день-

гами проявляют расточительность, о которой не посмел бы мечтать даже самый легкомысленный деятель старого режима.

Балабина я прошу разгонять как можно больше переписки, докладывая мне лишь самое необходимое, и обещаюсь никогда не ругать его за чрезмерное проявление инициативы. Себе оставляю непосредственное общение с войсками и высшую политику, но так как я никогда в жизни внутренней политикой и различными политическими течениями не интересовался, то прошу Рагозина для моего собственного просвещения немедленно выяснить разницу между социал-революционерами и социал-демократами, так как мне, очевидно, придется иметь дело и с теми, и с другими. Рагозин через 10 минут возвращается в мой кабинет и докладывает, что лозунг социал-революционеров это — «Земля и Воля», а социал-демократов — «Пролетарии всех стран, объединяйтесь». Благодарю за быстро выполненное поручение и решаю пока этими сведениями ограничиться.

Для начала еду в Совет. Там как раз заседает солдатская секция. Прошу слова. Говорю о том, как я понимаю роль демократического главнокомандующего и кончаю тем, что прошу их поскорей решить вопрос о солдатском совещании при мне, дабы я всегда мог знать настроение в войсках и этим руководствоваться. Мою речь покрывают аплодисментами. Но некоторые вожаки, как я потом узнаю, не совсем довольны: они нарочно тянут вопрос, боясь, что главнокомандующий, самостоятельно опирающийся на солдатскую массу, выйдет из-под их опеки. То-то. Карты раскрываются очень скоро.

Первый вопрос, который мне приходится расхлебывать, — это недоразумение, явившееся последствием приказа Кузьмина, изданного до моего приезда, о 8-часовом рабочем дне для строевых солдат, считая занятия за работу. Но казарма не фабрика, а толкование такого приказа породило целую серию неразрешенных вопросов. Поэтому Кузьмин собирает в штабе всех начальствующих лиц и представителей батальонных комитетов для выяснения подробностей приказа. Знакомлюсь с начальниками, присматриваюсь к комитетчикам. Во время прений физиономии комитетов определяются довольно ясно. Лучше других, по-видимому, комитеты стрелковых батальонов в Царском Селе.

Во время обсуждения приказа выясняется, что некоторые части поняли его в смысле необходимости 8-ми часов строевых занятий, и ужаснулись, другие включили «словесность», но и то получилось много, третьи прибавили «просветительные лекции», получилось довольно сносно, зато четвертые поняли весьма либерально, т. е., что солдат должен находиться в казармах 8 часов, считая обед и послеобеденный отдых, а потом он свободный гражданин. Когда же кавалерия спрашивает, как насчет чистки, уборки, водопоя и проч., становится очевидным, что Кузьмин, сочиняя приказ, многое о чем не подумал. Соглашаемся считать приказ не как подлежащий неуклонному исполнению, а как пожелание, приводимое в исполнение сообразно особенностям службы.

Вообще, занятия усложняются вечным вопросом о караульной службе. В Петрограде и окрестностях на довольствии около 800 тысяч (половина — всякие нестроевые и технические войска) 16 гвардейских запас-

ных батальонов (по 5-7 тыс. каждый), из них 12,5 в Петрограде, и 4 запасных пехотных полка (по списку, в среднем, 15 тыс. каждый), из них 2 в Петрограде. Кажется бы, такое количество вполне обеспечивает караульную службу в столице. Ежедневный наряд по окончании революции был чуть ли не 20 тысяч, теперь сокращен до 7, и, по-моему, может быть еще сокращен до 5 тысяч. Но все-таки при огромном количестве нестроевых в каждом батальоне, занимающихся в мастерских изготовлением всякого добра для действующего полка, и при значительных внутренних нарядах выходит, что люди в караул ходят часто, а на занятия ходят редко.

Обсуждение кузьминского приказа с представителями батальонных комитетов, оказывается, вызвало волнение в Совете, считающем обсуждение всякого вопроса своей монополией. Поэтому едем в Совет узнать, в чем дело. Кузьмин принимает извинительный тон, говоря, что цель сборища была лишь «разъяснение приказа», а я говорю, что если бы при мне было солдатское совещание, то таких недоразумений не было бы, а теперь у меня нет другого способа для разъяснения вопросов, как собирать представителей батальонных комитетов. Совет меня просит в этих случаях их предупреждать, чтобы они могли присылать своих представителей. Охотно соглашаюсь.

По поводу солдатского совещания при мне — один из еврейских докторов не выдерживает и прямо мне говорит: «С солдатским совещанием при Вас Вы всю власть у нас отнимете». Говорю, что когда они меня узнают поближе, то убедятся, что я им не враг, пока они будут стремиться к установлению порядка в войсках.

Вскоре после этого предупреждаю Совет и собираю в Тавриде представителей батальонных комитетов для изменения уставов. Выкидываем все ненужные теперь параграфы, после чего издаю соответственный приказ касательно изменений в Гарнизонном уставе. На этом собрании осаживаю некоего юношу, пытающегося доказать, что военный министр не нуждается в почетных караулах, ибо он уже почтен доверием народным.

Через несколько дней после приезда мне приходится впервые применить вооруженную силу для водворения порядка. Какая-то шайка анархистов с невероятным нахальством среди бела дня захватила редакцию газеты «Русская Воля» на Ивановской, поставила часовых у выходов, пулемет во дворе и начала печатать свои прокламации. Вызываю семеновцев и еду на поле брани. Затыкаю густыми цепями улицу с обеих сторон дома, устанавливаю наблюдение за крышами и возможными выходами, забираюсь в квартиру каких-то очень милых людей, имеющих телефон, при помощи которого связываюсь с внешним миром.

При старом режиме существовали определенные правила содействия войск гражданским властям, теперь же неизвестно взаимное отношение лиц, собравшихся на месте происшествия, т. е. меня, товарища прокурора, всяких комиссаров, а также представителей Совета, взявших на себя роль посредников между осажденными и осаждающими. Пока идут переговоры, вызываю две сотни казаков для поддержки семеновцев, а также для патрулирования соседних улиц, ввиду получения сведений о том, будто осажденные ожидают какую-то поддержку извне. Забавно положе-

ние квартирантов верхних этажей над редакцией, которых анархисты крепко законопатили. Они бросают нам из окон записки, поощряя к решительным действиям и уверяя, что настроение анархистов пониженное, а эти господа выбрасывают свои свежееотпечатанные прокламации и торгуются об условиях сдачи, о которой сначала не хотели и слышать. Теперь они хотят свободного выхода с оружием, потом съезжают на личную свободу со сдачей оружия, но прокурор, получив инструкцию от министра юстиции Переверзева¹²⁴, требует ареста всей компании. Комедия, по моему, чрезмерно затягивается. Поэтому заявляю председателю Совета Министров¹²⁵ князю Львову¹²⁶, вызвавшему меня к телефону, что если через полчаса не получу согласия министра юстиции на штурм, то уведу войска домой, ибо считаю недостойным держать благородное воинство под ружьем целый день из-за пачки хулиганов.

Получаю благословение Львова, также Переверзева и предъявляю свой ультиматум господам посредникам. Через полчаса у меня просят отсрочки еще на четверть часа, говоря, что безусловная сдача несомненна. Посылаю за грузовиками для вывоза анархистов. Через четверть часа сдаются и выходят без оружия на улицу десятка два всяких оборванцев. Начинается новая комедия. Куда их везти? Все боятся их принять из-за опасения контратаки со стороны сообщников.

Каждая тюрьма придумывает отговорки. Предлагают мне их принять в Петропавловскую крепость. Категорически отказываюсь, — слишком большая честь. Наконец сторговались на пересыльной тюрьме, чтобы в случае контратаки казаки из своих казарм

могли поддержать тюремный караул. Забранное оружие и пулемет жалую семеновцам как трофеи, благодарю роты за службу, сажусь в автомобиль и отъезжаю. Публика, запрудившая все соседние улицы, устраивает мне бешеную оvation, как будто я взял Берлин. Запуганный обыватель жаждет порядка и радуется посрамлению хулиганов. Какие-то личности вскакивают на подножку автомобиля и жмут мне руки, девицы в окнах машут платочками и бросают цветы. Словом — триумф на Ивановской улице, а на следующий день пишу приказ. Благодарю семеновцев и казаков за выдержку при аресте хулиганов, «покусившихся на «Русскую Волю».

Так закончилась эта комедия, еще раз показавшая слабость и растерянность властей. Хулиганов через несколько дней выпустили к великому негодованию казаков, а их самих в советских кругах обвиняли в контрреволюции за то, что несколько анархистов, пытавшихся во время переезда соскочить с грузовиков, получили нагайкой по физиономии. — Недемократично.

Мой нормальный день обыкновенно распределяется так: утром, после краткого доклада Рагозина о том, что в газетах, еду в какой-нибудь полк, где гуляю по казармам и разговариваю с публикой, перед завтраком — доклад Балабина., от 2-х до 4-х прием (кто только не появляется), после этого до обеда посещение Довмина или Совета, иногда какого-нибудь съезда или союза, вечером либо какое-нибудь заседание в штабе, либо приглашение в заседание Временного Правительства, либо экстренный разговор с Балабиным, который работает, как вол, в штабе до поздних часов. Примерно раз в неделю младотурецкое ядро

(Якубович, Туманов, Балабин, Гильбих) собирается вечером у Пальчинского, и только редкие вечера предоставляются заслуженному отдыху.

При посещении полков физиономии частей обрисовываются весьма определенно. Лучше других семеновцы, преображенцы, вообще 1-я дивизия. Зато во 2-й плохо. Особенно мерзко в Гренадерском полку, также в Московском, находящимся под влиянием окружающей их рабочей среды, а в Павловском есть некая 4-я рота, способная отравить существование самого добросердечного начальства. Вообще заметно, что в каждом запасном батальоне есть одна рота, являющаяся источником всяких неприятностей, — обыкновенно, рота эвакуированных. Всегда в этой роте сплошь большевики, при этом обладающие капиталами, позволяющими им ставить по 100 рублей на карту. Думаю, что это работа берлинского генерального штаба, и работа весьма планомерная. Предположение подтверждается в цензуре письмами солдат своим родственникам в деревню, описывающими прелести столичной жизни, где при умении можно, ничего не делая, зарабатывать до 10 рублей в день, а по некоторым дням (вероятно, манифестационным) — до 30.

В 3-й дивизии неровно, у кексгольмцев плохо, в других полках сравнительно недурно, и их в смысле порядочности можно расположить по той же шкале, по которой мы их оценивали в былые дни в Варшаве.

Вообще, интересно наблюдать, как характерные особенности гвардейских полков передались в их запасные батальоны. Про армейские запасные полки говорить нечего: там сплошная мерзость. Есть один приятный уголок — это 1-й Донской казачий. У каза-

ков хорошие рожи, а в собрании, за бутылкой вина, под звуки трубачей, забываешь гнусный развал христостолубивого воинства. Зато стоящий рядом 4-й Донской подработан большевиками, а в комитете верховодят два таких гуся, за которых «тихий» Дон должен был бы покраснеть.

Казаки меня просят никогда их не вызывать, если не вызваны другие войска, и никогда не применять их без пехоты, чтобы избежать нареканий в контрреволюционности. Уже теперь среди рабочих идет усиленная пропаганда против казаков, и политичные старичники чувствуют себя неловко. Охотно соглашаюсь и обещаюсь не ставить их в фальшивое положение. Характерная подробность. Донские полки — единственные две части в Петрограде, присягавшие Временному Правительству, другие отказались, так как текст присяги не был одобрен Советом. Помню, в свое время, при обсуждении этого вопроса, Гучков признал его неважным, иронически заметил: «Революция показала нам цену присяги». Но казакам Войсковой Круг на Дону предписал присягнуть.

Другой приятный уголок — это Павловск: там запасная Гвардейская конная артиллерия, запасная сотня Гвардейского Сводного казачьего полка и формирующиеся артиллерийские части. Особенно хорошо у гвардейских конных артиллеристов. Дисциплина и порядок большой. Произвел раз конный смотр всей компании, причем на церемониальном марше получился курьез. Полковым маршем Сводного казачьего полка оказался «Славься, Ты славься». Порекомендовал им изобрести что-нибудь другое из опасения попасть в контрреволюционеры.

В Царском Селе тоже большой порядок. При пер-

вом посещении проверяю караул и посты во дворце. Испытываю неприятное чувство, проходя по зале, где представлялся Царю по окончании академии. Посещаю местный Совет, состоящий, в общем, из довольно умеренной публики, обещаюсь исполнить кое-какие пожелания, например, — об уничтожении караула у дома великого князя Бориса Владимировича. Великий князь после революции был вывезен из Ставки по просьбе Алексева и водворен под караул в Царском.

Совет, кроме того, просит отвести им Дворец великого князя Владимира Александровича под клуб и читальню. Говорю, что сие вне моей власти, но что скажу Переверзеву, так как вопрос о правах на дворец, насколько помню, юридически сложен и уже возникал после смерти великого князя Владимира Александровича.

Вернувшись в Петроград, спрашиваю Керенского, какие имеются основания для содержания великого князя Бориса Владимировича под караулом. Он мне их перечисляет, но я доказываю, что если эти причины могли иметь значение в начале революции, то теперь они никакого основания уже иметь не могут и что я, для облегчения караульной службы, прошу разрешения караул снять, взявши с великого князя подписку о невыезде из Царского без разрешения коменданта, а так как солдаты, воспользовавшись отсутствием караула, могут разграбить великокняжеские погребки и, напившись, наскандалить, желательно спиртные напитки перевезти в другое место, по указанию коменданта. Керенский мне на это говорит: «А Вы Великого Князя с его гражданской женой посадите в Александровский дворец под один караул с Государем». Кате-

горически против такой комбинации протестую и, в конце концов, Керенский соглашается сделать по-моему.

Говоря про загородные места, должен сказать, что хуже других в Ораниенбауме, где второй пулеметный полк скандалит невероятно. Они и во время революции причинили много беспокойства, придя в Петроград со всеми своими пулеметами и обосновавшись в Народном доме, откуда их выдворить было очень трудно, ибо столичная жизнь им пришлась по душе. Теперь они терроризируют своими бесчинствами всю Ораниенбаумскую округу. Очень на них жалуется великий князь Николай Михайлович, у которого они его имение Михайловку разоряют систематически, но помочь ему ничем не могу, так же, как и в просьбе его освободить от военной службы двух его старых слуг.

В Гатчине сравнительно тихо. Там расположены юнкерские школы, произведшие на меня при осмотре очень хорошее впечатление, затем авиационная школа с очень большим личным составом, авиационная рота и масса вновь формируемых артиллерийских частей. Одно неприятно — очевидная неприязнь солдатского элемента к юнкерам, являющимся оплотом порядка.

Замечательную я раз получил жалобу от гатчинских жителей на солдатские бесчинства, где, между прочим, указывалось, что в дворцовых прудах были знаменитые карпы, носившие кольца с датами 18-го столетия и приученные по звуку колокольчика всплывать на поверхность воды для получения пищи. После революции солдаты немедленно позвонили в колокольчик; доверчивые современники Великой Екатерины всплыли и... попали в уху. Вот как демократия поглощает старый режим. Про избиевание солдатами дичи

в Царской Охоте и зверинце даже говорить противно.

Помню при посещении Гатчины забавный анекдот. Накануне происходила какая-то манифестация, и в одной из артиллерийских казарм в разных углах валились плакаты. Заметив один с надписью: «да здравствует Интернационал», я спросил близ стоявшего солдатика, что эти слова значат, он смутился и заявил, что не знает, но что «депутат», brave унтер из батареинного комитета, может объяснить, а сей последний действительно быстро объяснил, что интернационал значит интересы нации. Я удовлетворился, вспомнив, что еще солдаты декабристы думали, что Конституция — жена Константина Павловича. Традицию солдатской изобретательности нужно уважать.

В Гатчине однажды явился ко мне один из приближенных великого князя Михаила Александровича с приветом от него и с выражением сожаления, что при нынешних обстоятельствах свидание между нами невысказано, хотя бы для того только, чтобы вспомнить былые дни на фронте с туземцами. Теперь он просит, не могу ли я устроить ему разрешение для проезда в Финляндию на автомобиле. Обещаюсь постараться, и в тот же день, будучи у Керенского с докладом, упоминаю об этом вопросе. Он мне отвечает: «А если бы меня не было сейчас в Петрограде, как бы Вы поступили?» — Говорю, что разрешение выдал бы. — «Ну и действуйте на собственную ответственность». — На следующий день разрешение выдается, но, к сожалению, великий князь им не воспользовался.

Лихорадочная работа в столице не давала мне возможности кататься по окрестностям. Конечно, отдаленные места моих владений, вроде Архангельска, Вологды, или Петрозаводска, мало мне причиняли

беспокойства и, в большинстве случаев, все вопросы, их касающиеся, разрешались Балабиным, но ближайшие к столице местности сильно меня интересовали с точки зрения возможного появления немцев, о чем мне пришлось обмениваться стратегическими сообщениями со Ставкой.

История об отношениях Петроградского округа к фронту в двух словах следующая: в начале войны в столице находилась 5-я армия Фан-дер-Флита¹²⁷, штаб которой помещался в здании штаба округа и считал себя на театре военных действий, получая боевые награды к великому огорчению чинов Главного штаба, доказывавших, что они в юго-западной части Дворцовой площади на целых 200 шагов ближе к противнику, а боевых наград не получают. Но 5-я армия ушла, и округ оказался вклинённым во владения Северного фронта, коему принадлежала Финляндия. Началась бесконечная переписка со Ставкой о границах округа. Вопрос особенно обострился с водворением в Петрограде Корнилова, задумавшего обосновать новый Петроградский приморский фронт, с включением Финляндии и южного берега Финского залива с огромной сетью укреплённых линий. Ставка и Северный фронт запротестовали, и пишущие машинки заработали.

Унаследовав вопрос, я его поставил иначе. — Довольно у меня дела в самой столице, чтобы не интересоваться возможными военными действиями в Або или Ревеле, а потому пускай Северный фронт ведаёт удалёнными от столицы областями, но я настоятельно прошу предоставить мне Выборгские, Наровские и Лужские позиции, о которых никто не заботился. Они для меня важны, как ближайшие подступы к Петро-

граду, на которых даже со своими «революционными» войсками я смогу немцев задержать достаточно, чтобы эвакуировать все ценное из города, по поводу чего мною было собрано совещание из представителей всех ведомств, давших мне вес своих грузов. Оказалось, что водой все вывезти можно быстро и хорошо. Так я и написал в Ставку, а в штаб Северного фронта послал своего офицера для выяснения взаимных отношений, но за время своего командования войсками окончательного ответа так я и не получил.

Морская оборона находилась в ведении Морского Генерального штаба, имевшего две оборонительные позиции, — одну, передовую, где-то на линии Свеаборга, другую, тыловую, впереди Кронштадта. Последняя была в зачаточном состоянии и, хотя в техническом отношении она зависела от Морского штаба, но снабжение касалось меня, и тут-то политика оказала свое вредное влияние на стратегию: «Автономная Кронштадтская Республика» категорически отказалась выдать что бы то ни было из своих запасов для морской позиции, заявив, что даже 10-дюймовые орудия нужны для защиты самого Кронштадта от контрреволюции... Даже получился отказ давать провиант из Кронштадтских магазинов для рабочих на позиции, ибо эти запасы опять-таки могут понадобиться республиканцам в случае осады со стороны реакционной гидры. Пришлось рабочим доставлять припасы из Петрограда, а на вооружении батарей поставить крест.

Грустны бывали мои свидания с комендантом Кронштадта. Он несколько раз приезжал ко мне и рассказывал потрясающие вещи про тамошние порядки. Сам он тактичным невмешательством сохранил

голову и свободу, но больше ничего. Когда я раз выразил желание поехать посмотреть войска республики, он ужаснулся и сказал, что если бы стало известным, что он меня посещает, то его растерзали бы и что он погоны надевает, только входя ко мне в штаб. Однажды он мне заявил, что комитеты в Кронштадте захватили всюду экономические капиталы и поделили их между собой, а теперь некоторые офицеры беспокоятся, не будет ли на них начет Государственного контроля... Просил всех успокоить, объяснив, что свобода и Государственный контроль покамест понятия несовместимые.

По сравнению с Кронштадтской республикой значительно более передовым государством оказалась Шлиссельбургская держава. — Там было объявлено, что каждая волость, наподобие американского штата, представляет собой самостоятельную единицу, а в Шлиссельбурге будет заседать союзный конгресс. На первом заседании конгресса было выяснено, что вся сумма государственного дохода соединенных штатов равняется 150 тыс. рублей. Каждому народному представителю, как в управлении отдельных штатов, так и в центральном конгрессе, было положено жалование 5 тысяч в год, что как раз покрыло всю сумму дохода. И с таким простым бюджетом республика начала действовать.

Довольно благополучно наладилось существование в гвардейских запасных кавалерийских частях в Кречевицких казармах. — Тамошний командир, граф А. Бенигсен, приехал ко мне со своими комитетчиками, и мы сговорились по всем вопросам более или менее удовлетворительно.

В самом Петрограде, кроме войсковых частей,

много хлопот у меня было с Петропавловской крепостью. — Туда в первые дни революции попал поручик Берс чем-то вроде помощника Коменданта и начал играть роль народного избранника, держа связь с Советом. Исполняющий должность коменданта был очень слаб, а в гарнизонном комитете были всякие личности подозрительного свойства, между прочим, некий демократический вольноопределяющийся, бравший взятки для выпуска арестованных. Постановление прокурора об освобождении подвергалось критике гарнизонного комитета, и иногда получался категорический отказ выпустить, пока вольноопределяющийся не получал мзду. Сенатор Добровольский, кажется, заплатил 5 тысяч, Вырубова 2,5.

Берс разнахальничался до того, что, будучи пьян, на лестнице Мариинского Дворца заявил Керенскому, что он назначен в крепость во время революции Советом и что поэтому ему «наплевать на Временное Правительство». — Керенский категорически от меня требует убрать Берса. Вызываю его в штаб и, после миролюбивого разговора, отчисляю его в резерв, а для прекращения всяких интриг назначаю комендантом 4-го Стрелкового полка Апухтина¹²⁸, — хотя однорукого, но большого молодца.

При посещении крепости захожу в Трубецкой бастион. Нахожу, что условия жизни там совсем не плохи: пища и санитарные условия немногим хуже, чем в гостинице Астория. Вижу в дверное окошко Воейкова с отросшей бородой, но довольным видом, занятого чтением. Самое неприятное в крепости — это постоянное общение гарнизона с домом Кшесинской¹²⁹, где заседает Ленин¹³⁰ со своим штабом. Особенно приходится зорко смотреть за некоторыми ротами 3-го

Стрелкового. Апухтин сразу берет правильный тон, и дело как будто налаживается.

Из вопросов, с которыми мне пришлось возиться, одним из наиболее интересных явился вопрос о производстве в прапорщики из унтер-офицеров в свои же полки. В Гвардейских полках это не практиковалось, а потому мы решили с Балабиным сделать «демократический» шаг и начать производить в Петрограде; но помятуя, что Корнилов произвел несколько человек, после чего получились недоразумения с Главным штабом, я сначала заручаюсь благословением Керенского, несмотря на некоторый протест со стороны Якубовича, уверяющего, что это произведет неприятное впечатление на фронте. Я доказываю, что вакансий у меня много, офицеры мне нужны и что в виде демократического опыта для слияния офицерской и солдатской среды, может быть, окажется полезным. Керенский соглашается, после чего берусь за Архангельского. Он сначала недоумевает, под какую категорию такие производства подогнать. Наконец, уговариваю его начать новую категорию «за отличия, оказанные во время революции и при установлении порядка после нее». Затем объясняю свою идею начальникам частей, прошу их растолковать офицерам, чтобы они, со своей стороны, помогли новоиспеченным прапорщикам уразуметь офицерское достоинство. Норму устанавливаю для начала 12-15 человек на батальон. Представления делаются начальством, но с рекомендацией батальонного комитета.

Для ускорения дела, везу списки лично Керенскому и с его резолюцией посылаю в Главный штаб. Относительно 1-й и 3-й дивизий, также стрелков, провожу дело быстро. Но насчет 2-й дивизии, особенно Мо-

сковского и Гренадерского полков, Керенский весьма резонно протестует, говоря: «Какой же у них установлен порядок?» Соглашаюсь и не настаиваю, но Кузьмин, почему-то чувствующий симпатии к хулиганам 2-й дивизии, берет списки и, после некоторых неудачных атак, в конце концов добывается от Керенского согласия.

Собираю новопроизведенных в штаб и произношу речь, объясняя им, что они должны быть связующим звеном между казармой и офицерским собранием. Вскоре выясняются выгоды и невыгоды моего опыта. — У семеновцев начальство радуется, ибо новые прапорщики позволяют себе по отношению к солдатам гораздо больше в смысле строгости, чем могут старые офицеры. Зато из некоторых других частей получают менее утешительные сведения: «надел погоны офицерские, значит, проданся буржуйам». Вот и угадай демократические настроения.

Довольно характерный образец недоверия к начальству обозначился в вопросе о переформировании гвардейских запасных батальонов в резервные полки. Приказ об этом был издан Корниловым, но остался неисполненным ввиду противодействия со стороны Совета и комитетов. Сколько я не допрашиваю, не могу добиться никаких основательных резонов этого противодействия. Либо просто Совет желает сохранить как можно больше анархии, либо солдаты опасаются, что с переменой штатов будет больше офицеров. Между тем трудность управления батальонами с наличным составом в 7-9 тысяч — очень большая. Почти все батальоны разбили свои роты на литерные роты и фактически живут как полки, но боятся официально объявить себя переформированными, чтобы

не навлечь на себя неудовольствия Совета... Не настаиваю, но, гуляя по казармам, понемногу внушаю солдатам идею о том, что это переформирование для них же будет удобнее.

С Советом мало-помалу у меня устанавливаются дружелюбные отношения: с Чхеидзе¹³¹ впервые встречаюсь на довольно оригинальной церемонии отправки знамени Сосненскому полку от социал-демократической партии. Для этой комедии наряжаю роту преображенцев к Думе, даю отдельный вагон для депутации и караула со знаменем, для путешествия на фронт. При выносе знамени из Думы Чхеидзе говорит горячую речь, доказывая, что Россия показала всему миру возможность социальной революции, но что теперь нужно эту революцию спасти от анархии, что сие знамя является символом, около которого должны сплотиться и т. д. и т. д. Но видно, что он сам далеко не убежден, что волну анархии удастся остановить. После этого случая мне несколько раз приходится бывать в заседаниях Совета под его председательством, и мне скорее было его жалко, видя, как его надежды на социальный рай после революции постепенно разбиваются в прах.

Первый мой успех с Советом заключается в следующем: во времена Корнилова Совет сделал распоряжение, чтобы войска не выходили из казарм по приказанию главнокомандующего без санкции Совета. Доказываю всю абсурдность такого положения, и добиваюсь того, что Чхеидзе пишет бумажку, на основании которой войска должны беспрекословно выходить куда угодно, по моему приказанию, так как я нахожусь в постоянной связи с Советом. Со своей стороны, обязуюсь не предпринимать никаких воен-

ных операций, не вызвав предварительно в штаб двух дежурных представителей Совета. Записываю номера телефонов, а бумажку за подписью Чхеидзе литографирую и приказываю вывесить во всех казармах. Считаю, что моя примирительная тактика с Советом — единственный правильный исход, ибо если я буду с ним ссориться, это только увеличит беспорядок. Если же я с их поддержкой пушу корни, то потом, обосновавшись крепко в солдатских умах, смогу, быть может, немного распустить крылья.

Вторая победа была одержана в вопросе о наряде войск. — После распада Военной комиссии Государственной Думы отдел наряда войск с Паршиным во главе остался в Тавриде, и Совет, желая иметь свой глаз в этом деле, ни за что не соглашается передать распоряжение нарядами в строевое отделение штаба, как при нормальных условиях должно было бы быть. Наконец, нахожу компромисс и добиваюсь переселения Паршина со всей его канцелярией ко мне в штаб, где поселяю его в бывшей квартире графа Ностица¹³², недалеко от моего кабинета.

Третья победа заключается в том, что Совет, в конце концов, организует солдатское совещание при мне, хотя не в той форме, как мне хотелось, т. е. не прямым выбором из частей, а назначением из числа «советчиков». Однако же состав совещания довольно удовлетворительный. Собираемся раза три в неделю для разглагольствований. Свои приказы иногда даю на предварительное обсуждение, иногда разъясняю *post factum*. Публике известно, что в штабе есть солдатское совещание (именуемое Балабиным парламентом главнокомандующего), а потому подозрения штаба в контрреволюционности должны разоряться.

Часто извлекаю из парламента полезные сведения о настроениях в Совете и в войсках, и реже мне приходится ездить в Совет выяснять недоразумения, хотя я люблю иногда покалякать в этом учреждении, где меня именуют «Товарищ Главнокомандующий», что всегда мне напоминает митинг в еврейском местечке в Бессарабии, где оратор в солдатской форме, взойдя на трибуну, начал свою речь так: «Товарищи еврей-дезертиры»... (Факт).

Но есть одна категория товарищей, про которых я слышать не могу, это — «товарищи сорокалетние». Нужно заметить, что по армии прошел слух, что всех солдат старше 40 лет отпустят домой, да какая-то агитация в этом смысле пошла из Совета. И вот 40-летние начали дезертировать и являться в столицы с требованием о том, чтобы их на законном основании уволили. Поселились они лагерем на Семеновском плацу, разбились на роты, основали собственную республику, начали сначала посылать повсюду делегации, но потерпев неудачу, стали устраивать огромные шествия, более 50-ти рот. Чернов¹³³ их обнадежил. Керенский с яростью прогнал. Я начал их морить голодом, прекратив отпуск у воинского начальника всякого для них пропитания, но оказалось, что их республика может жить самостоятельно на заработки от торговли папиросами, от ношения багажа на вокзалах и проч.

Одно время они как будто начали сдавать и собирались эвакуироваться на фронт, но тут вдруг Верховский в Москве не выдержал и собственной властью распустил своих 40-летних по домам. Тогда мои взволновались опять. Якубович изругал Верховского. Его приказ отменили. Но республика на Семеновском

плацу, окрыленная новыми надеждами, засела крепко, изобретая все новые промыслы для своего пропитания, хотя наиболее выгодным оказалось, безусловно, ношение багажа на вокзалах, несмотря на хаос, царивший на железных дорогах. Коменданты на вокзалах были бессильны установить порядок, и единственное спасение заключалось в солдатской железнодорожной комиссии, устроенной Балабиным и заседавшей в штабе. Без билета от нее ни один солдат не мог садиться в поезд, члены комиссии поочередно дежурили на вокзалах: их как-то больше слушались, чем законных властей, и кое-какой порядок, в конце концов, на вокзалах наладился.

Одно очень неприятное наследство досталось мне от Корнилова — это раздача георгиевских крестов в госпиталях. Порядок им был заведен такой: все инвалиды, отправляемые на родину, награждались крестом в случае полной неспособности, и медалью, в случае частичной неспособности. Примерно раз в две недели, все инвалиды собирались в один из госпиталей, куда я отправлялся с ящиком крестов и медалей. Система раздачи, по-видимому, проста (т. е. одна рука или глаз — медаль, полная безрукость или слепота — крест), в действительности порождала массу недоразумений. Кроме того, вернувшиеся из германского плена инвалиды, потерявшие работоспособность вследствие особенностей немецкого режима, тоже требовали себе крестов, что уже окончательно противоречило Георгиевскому Статуту. Каждая раздача создавала больше недовольных, чем довольных, а потому, после двух-трех раз, я этот новый обычай отменил.

С первых же дней в Петрограде пришлось обра-

тить особое внимание на контрразведку¹³⁴. Во главе этого отделения находился капитан Никитин¹³⁵, и должен отдать ему справедливость, что дело у него наладилось великолепно. Выселение из столицы подозрительных элементов, разрешение или отказ всяким немцам прибыть из мест отдаленных и т.д.— все это шло более или менее как по маслу, но зато в чисто шпионских делах бывало иногда трудно с Министерством юстиции. Даже для ареста требовалось больше доказательств, чем прежде для расстрела. Иногда при полной очевидности шпионского содержания письма все-таки отдавалось предпочтение толкованию его в смысле коммерческой или деловой переписки. Кроме того, шпионство до такой степени тесно переплелось с большевистской политикой, что разграничить контрразведку от политического сыска являлось крайне трудным. По моему мнению, и разграничивать не стоило, но правительство было крайне щепетильно и не соглашалось считать преступлением получку большевиками через Швецию крупных денежных сумм, якобы для коммерческих целей, при посредстве хорошо известных в Стокгольме немецких шпионов. За один месяц, помню, прошло таким образом около 10 миллионов рублей, — достаточно, чтобы подкупить весь Петроградский гарнизон, но большевистские агенты, во главе с г-жей Суменсон, доказывали свои крупные торговые обороты со Швецией и иногда даже получали поддержку товарами, которые с большим успехом превращали в Петрограде в наличные деньги.

Легко было бы установить немецкое происхождение денежных переводов, воспользовавшись контрразведкой союзников или посадив своих агентов в шведские банки, хотя и тогда вряд ли правительство

решилось бы на энергичные меры. Однако же с союзниками получилось легкое недоразумение. Английский военный агент, генерал Нокс, мне заявил, что правительству он давать сведений не будет, так как некоторые данные, сообщенные Министерству юстиции, через несколько дней были известны в Совете, что могло сильно подвести агентов, а потому он согласен давать сведения только лично мне для моего собственного руководства. Что же касается нашей агентуры в Стокгольме, то это дело было в руках Главного управления Генерального штаба. Керенский где-то выкопал некоего Миронова¹³⁶ и захотел объединить всю государственную контрразведку в его руках, но, конечно, Никитин, а также Главное управление Генерального штаба, раскрывать ему своих секретов не стали. Состоялось одно совещание в Главном управлении Генерального штаба с участием Миронова, закончившееся благими пожеланиями, а также некоторым объединением моей контрразведки¹³⁷ с Главным управлением Генерального штаба. Вот и все. У Миронова видна тенденция преследовать гидру контрреволюции. Удивительно упорный народ с.-р.: не хотят понять, что опасность не справа, а слева.

Работа Никитина нелегкая, но после удачного ареста обер-шпиона Колышки, совершенного благодаря ловкости никитинских сирен, предлагаю ему должность генерал-квартирмейстера. Конечно, нечего рассчитывать на согласие Главного управления Генерального штаба для назначения капитана окружным генерал-квартирмейстером, а потому делаю революционный шаг и собственным приказом допускаю Никитина исполнять должность. Воображаю, каково будет негодование в Ставке, но я подчинен непосредственно военному министру.

Вообще, на дружелюбие Ставки рассчитывать мне не приходится, особенно после водворения там Брусилова. Сей хамелеон начал необыкновенно энергично ухаживать за демократией. Началось с того, что по прибытии в Ставку он стал здороваться за руку с солдатами почетного караула, произошло смятение, так как производить рукопожатие, держа ружье на карауле, крайне неудобно. Потом началась планомерная реклама в печати. Особенно мила басня о том, что Царица обиделась на Брусилова за то, что он скрыл время своего большого наступления, лишив ее возможности предупредить немцев, и что она потом потребовала от Царя не только отставки Брусилова, но чуть ли ни его казни.

Помню раз за обедом у Контана¹³⁸ с французами кто-то упомянул, что Брусилов, споров вензеля, заявил, что он испытывает большое облегчение, так как вензеля всегда давили ему плечи. Один из посольских французов к этому прибавил: «И подумать, что год тому назад, когда я был в штабе Юго-Западного фронта и, поздравляя Брусилова с великими победами, спросил его, в чем заключается секрет его успехов, он указал на висевшие против его стола портреты Царя и Наследника, и заявил: «вот что меня вдохновляет: достаточно мне посмотреть на эти два портрета, и я чувствую такой подъем духа, что никакой враг мне не страшен». Сообщаю все эти анекдоты младотуркам и предрекаю, что Брусилов будет несомненно подкапываться под Керенского, чтобы самому занять первое место и что при его хитроумии мало ли что может случиться, хотя петроградских настроений он учсть не может.

На фоне всеобщего развала некоторое утешение

внес приезд американской миссии¹³⁹ с широкими планами оказания нам помощи, особенно подвижным составом. С миссией приехал начальник Генерального штаба генерал Скотт, милейший и серьезнейший человек.

После обмена официальными визитами, однажды приходит ко мне один из американцев и говорит, что Скотт хотел бы видеть «казаков», что он много про них читал, но живого казака никогда не видал. Отвечаю, что с удовольствием покажу ему 1-й Донской полк, но хотел бы предварительно показать ему какую-нибудь другую часть гарнизона, дабы исключительный интерес, проявленный к казакам, не послужил бы обвинением американцев в контрреволюционности. В результате — везу Скотта к преображенцам на Миллионную, где осматриваем все в подробности, а потом едем к казакам, где показываем учение, джигитовку, а потом в собрании — стакан вина. Трубаچی, плясуны. Один из офицеров подносит Скотту на память нагайку. Возвращаясь домой, беседуем. Скотт вообще оптимист и уверяет, на основании опыта американских демократических движений, что скоро все в России придет в порядок. Удивительно, до какой степени иностранцы упускают из вида природную любовь всякого русского человека именно к беспорядку. — В заключение Скотт меня спрашивает, должен ли он во время пребывания в России всегда носить при себе подаренную ему казаками нагайку? Рекомендую, наоборот, запрятать ее на самое дно чемодана.

Хотя казачья нагайка, как символ восстановления порядка, и потеряла силу, но казаки стремятся все-таки остановить анархию если и не во всей России, то по крайней мере — в своих областях, и заседающий в

Петрограде в здании придворной Певческой капеллы казачий съезд, под предводительством казака Дутова¹⁴⁰, энергично работает в этом направлении. Захожу как-то к ним и произношу чувствительную речь. Видно, что они народ серьезный. Керенского шибко недолюбливают, но и к ним демократия относится весьма подозрительно.

Другой съезд, старающийся что-то сделать, это Союз георгиевских кавалеров¹⁴¹. На большом заседании в Собрании армии и флота стараюсь объяснить им, в каком направлении нам следует теперь работать, однако в то время, как я говорю, что «войсковые комитеты не должны ожидать от нас беспрекословного исполнения их воли, но что мы должны прислушиваться к их голосу для улавливания настроения масс», — офицерская часть съезда громкими аплодисментами после первой половины этой фразы упорно заглушает вторую ее половину. После собрания один из организаторов, Гущин, жалуется, что идея объединения солдат с офицерами на почве георгиевских крестов проходит очень туго. Тем не менее Георгиевский Союз продолжает орудовать довольно энергично, формируя ударные батальоны, команды из инвалидов для поддержания порядка и проч¹⁴².

Из вновь формируемых частей для спасения Отечества особенно интересным учреждением оказался женский батальон г-жи Бочкаревой¹⁴³. Сия энергичная дама, служившая с успехом на фронте вольноопределяющимся, явилась ко мне с проектом формирования женского отряда. Мысль мне понравилась, главным образом для того, чтобы срамить мужчин, не желающих воевать. Для начала формируем роту. Отвожу помещение около казарм гвардейского экипажа, куда

зачисляю девиц на довольствие, даю им одежду, вооружение, снаряжение (интендантские штаны приходится сильно перекраивать), назначаю им инструкторов, и уже недели через две Бочкарева меня приглашает на смотр. Потеха замечательная. Хорошо отчеканенный рапорт дежурной девицы один чего стоит, а в казарме «штатская одежда» и шляпки с перьями, висящие на стене против каждой койки, производят оригинальное впечатление. Зато строевой смотр проходит на 12 баллов. Удивительные молодцы женщины, когда зададутся определенной целью. Даже интендантские штаны пригнаны хорошо, за исключением одной полновесной «новобранки», на которую никакие штаны не влезли, и она осталась на левом фланге строя в юбке.

От всей души благодарю девиц и обещаю принять меры для скорейшей отправки их на фронт. Не обходится дело и без некоторых трений. Лодырничавшие солдаты относятся к дамам враждебно — бросают камни им в окна и проч., да и в самой роте происходят недоразумения: 4-й взвод, где собрались более интеллигентные особы, жалуется, что Бочкарева слишком груба и бьет морды, как заправский вахмистр старого режима. Слухи об ее зверствах доходят даже до Керенского. Кроме того, поднимаются протесты против обязательной стрижки волос под гребенку, введенной Бочкаревой, как основное условие боеспособности. Стараюсь немного ее укротить, но она свирепа и, выразительно помахивая кулаком, говорит, что недозволенные пускай убираются вон, а что она желает иметь дисциплинированную часть. Назначаю Рагозину специально для разборки всех дамских скандалов. Наконец, все улаживается, вручаю им знамя и отправляю на фронт. Хочу Бочкареву произвести в прапор-

шки, но Керенский протестует категорически¹⁴⁴ (а его два адъютанта в 6 месяцев из прапорщиков добрались до штабс-капитанского чина, для чего на фронте им пришлось бы просидеть в окопах безотлучно года два. Трогательное уважение к закону). Но Брусилов при первом же появлении Бочкаревой на фронт, ее производит. Дальнейшая судьба моих девиц принадлежит Истории. Их блестящее поведение на фронте, возвращение в Петроград, стойкая защита Временного Правительства в Зимнем дворце¹⁴⁵ против большевиков и мученическая судьба в руках озверелых солдат, — все это служит блестящим доказательством такого высокого патриотизма и правильно понятого чувства долга, которыми, к сожалению, немногие мужчины могут похвастаться.

В вопросе о женском батальоне, так же, как и во многих других вещах, я начинаю замечать, что Керенский вообще мне не сочувствует. Особенно он трунит над моими хорошими отношениями с Советом. Начинаю думать, что он боится моей конкуренции на должность Диктатора (какое непонимание людского характера), а, может быть, ему хочется меня сравнить с Советом и, таким образом, отделаться от одной или даже обеих величин, могущих впоследствии оказать тормозящее влияние на его вознесение. Бог его знает, но во всяком случае замечательно его двуличие по отношению к Совету, когда он говорил, что он их единомышленник, что он будет проводить их идеалы и считать себя ответственным только перед ними и проч. А теперь, в тиши кабинета, он изобретает способы от них отделаться.

Его главное занятие теперь — носиться по железным дорогам на фронте и по большим городам, всюду

произнося речи. Говорит он хорошо, но упускает из виду, что эффект всякой речи выдыхается очень быстро и что, если он наэлектризовал какой-нибудь полк патриотическими словами, это отнюдь не значит, что этот полк через неделю будет хорошо драться. Если тогда какие-нибудь смутные воспоминания о его словоизвержениях в солдатских умах и сохранились, первая шрапнель, вместе с большевистскими нашептываниями, быстро эти воспоминания рассеют. Людям, знакомым с солдатской психологией, это хорошо известно. Нужно мало слов и во благовремени.

Помню, раз наговорившись вдоволь на фронте, Керенский решил поговорить в Петрограде и в зале Собрания армии и флота обратился с речью к представителям батальонных комитетов. Вышло очень эффектно, когда он заявил, что теперь все критикуют и обличают правительство, а при старом режиме критиковал и обличал в Думе только он один. Этой фразой он заслужил дешевые аплодисменты. Но когда было позволено на бумажках задавать вопросы, то эти вопросы показали, что в умах у слушателей вещи более практические — вроде пайка солдатским семействам и проч. Ясно, что вечером в казарме, если делегат начнет передавать речь Керенского, он будет перебит вопросом: «А паек моей жене почему не выдали» и, получив неопределенный ответ, вопросивший махнет рукой и уйдет на двор грызть семечки. Если Керенский хотел приобрести популярность в войсках, чтобы этим рычагом спасти Россию, ему следовало бы либо самому, по моему примеру, ходить по казармам и говорить с солдатами их языком про вещи, их интересующие, либо предоставить генералам, знающим это дело, приобретать доверие войск, но Керенский знал командный состав армии еще хуже Гучкова, да

кроме того он, по-видимому, боялся всякого человека с популярностью. Он мог бы, наконец, поехать на фронт во время наступления, заговорить зубы какому-нибудь полку и повести его в атаку, хорошенько про-рекламировать потом какой-нибудь новый Арколь-ский мост, но для этого нужно быть военным челове-ком, а не присяжным поверенным.

Другая ошибка Керенского всегда сказывалась на парадах и военных церемониях. Не подозревая, до ка-кой степени солдаты чувствительны к мелочам, он всегда проходил по фронту почти бегом, глядя прямо перед собой, да еще в большинстве случаев между строем и линией офицеров, которые, таким образом, невольно стояли к нему спиной. Конечно, далеко ему было до улыбки Императрицы Марии Федоровны, неизменно проводившей глазами по всей линии глаз так, что каждый выносил впечатление, что она имен-но на него посмотрела и ему улыбнулась. Но отсутст-вие интереса к солдатской личности было слишком в Керенском ясно, а наряду с этим, когда какое-нибудь начальство предлагало «ура нашему Александру Фе-доровичу», он, очевидно, солдатское «ура» принимал за чистую монету в большей степени, чем какой-либо из российских самодержцев. Оттенки солдатского «ура» может уловить только тот, кто сам стоял в строю и не в передней шеренге.

Особенно врезались в моей памяти два грустных смотря в Павловске и в Царском Селе. Как-то вече-ром, будучи с докладом у Керенского, рассказывал ему о хорошем порядке в гарнизонах Павловска и Царского Села и предложил ему устроить там смотр. Мысль, по-видимому, ему понравилась. Нужно заме-тить, что в Петрограде после революции несколько раз заходил разговор об устройстве парада, но каж-

дый раз вопрос откладывался, вероятно, не без давления со стороны Совета. Решили мы произвести смотр на следующий день, сначала в Павловске, — потом в Царском.

Сделав ночью все распоряжения, я выехал около 8 часов утра. Прибыв на плац в Павловске, я сел на лошадь для своего объезда, и в это время старший из придворных конюшенных меня спросил, какую лошадь дать военному министру? Говорю, что самую спокойную. Конюшенный спрашивает: «Можно эту?», показывая на какого-то белого зверя. Соглашаюсь и только потом вспоминаю, что это та лошадь, на которой Государь всегда ездил, когда был в гусарской форме. Нужно заметить, что накануне по поводу верховой езды был с Керенским разговор. Он очень сильно упирался, уверяя, что ввиду скверных почек, ему доктора запретили ездить верхом. Я ему доказал, что обходить конный строй пешком невыносимо (даже революция не может изменить смысла русской пословицы, по которой конный пешему не товарищ), и что его мысль — объехать фронт на автомобиле рискованна, ибо он может распугать лошадей, и что, наконец, полчасовое пребывание в седле на спокойном животном никак не может отозваться на его почках.

Итак, только что я успел объехать части и поздороваться, как подъехал автомобиль Керенского. Он взгромоздился на седло и, взяв в руки мундштучный повод с одной стороны и трензельный с другой, поехал по фронту, в то время, как один конюх следовал пешком у головы лошади, по временам давая ей направление, а другой бежал сзади, вероятно, с целью подобрать Керенского, если он свалится. Рожи казаков запасной Сводно-гвардейской сотни не оставили во мне никаких сомнений относительно впечатления,

произведенного объездом, а Рагозин почему-то уверял, что ему припомнилась картинка средневекового епископа, ехавшего верхом с Евангелием в руках, ведомом под уздцы скромным послушником.

Церемониальный марш прошел благополучно; гвардейские казаки свой марш «Славься, Ты славься» заменили чем-то другим. После речи войскам, которую могли слышать только немногие, присутствующая публика окружает Керенского. Дамы осыпают его цветами, конюха стараются охранить белого коня от прикосновения публики, опасаясь, что он может в конце концов потерять терпение, но благородное животное стойко выносит все оскорбления. Керенский говорит речь, «радуясь, что может приветствовать жителей Павловска — одной из твердынь Царизма» и т. д.

Я слезаю и качу скорей в Царское. Тут парад очень большой. Стрелки в полном составе одни занимают огромное пространство, не говоря о формирующихся артиллерийских частях и пр. Успеваю только галопом объехать части и встретить Керенского, который на этот раз объезжает фронт на автомобиле. Его нервные окрики «тише», обращенные к шоферу, сменяются однообразным «здравствуйте, товарищи», далеко не всегда приходящимся на середине объезжаемой части. Вполне понимаю, что нельзя от Керенского требовать различных оттенков в приветствовании частей, а тем более улавливания того, где кончается один батальон и начинается другой, но во время церемониала он мог бы более внимательно смотреть на проходящие войска, а не разговаривать с окружающими. Знаю по собственному опыту, как неприятно старательно проводить часть церемониалом, когда начальство не смотрит.

После смотра едем к коменданту завтракать. За завтраком комендант показывает нам игрушечную винтовку наследника, которую часовой отобрал у несчастного мальчика, опасаясь возможности вооруженного нападения. Даже Керенский негодует.

Возвращаемся в город, и в тот же вечер Пальчинский меня спрашивает: «Правда ли, что сегодня Керенский объезжал войска на белой лошади Царя? В Совете об этом очень волнуются». — Трогательное доверие демократов друг к другу.

Очевидно, что при таком отношении к Керенскому со стороны той среды, которая его выдвинула, ему следует искать поддержки в другом месте. Не берусь судить, как обстоит дело с пролетариатом вообще, но сомневаюсь, чтобы очень благополучно для Керенского, так как пролетариат живет по указке Совета с сильной примесью большевизма на немецкие деньги. В войсках, как я уже доказал, рассчитывать на расцвет его обаяния не приходится, и только запуганные буржуи готовы его на руках носить в надежде на то, что он восстановит порядок, да члены беспомощного Временного Правительства танцуют под его дудку, считая, что в случае конфликта, Совет его всегда поддержит и поэтому с ним ссориться не стоит. Кроме того, члены правительства индивидуально боятся ответственности как огня и поэтому всячески поощряют Керенского действовать, сами оставаясь в тени.

Характерный случай мне пришлось наблюдать в середине июня, когда большевики назначили на 18-е число мирную демонстрацию. За несколько дней перед этим правительство собралось, чтобы обсудить вопрос о том, что делать, и пригласило меня на заседание. Я сказал, что, по соглашению с Советом, установлю порядок во время манифестации такой же, ка-

кой был во время похорон жертв революции, т. е. — шпалеры безоружных на Марсовом поле, заставы на прилегающих улицах и проч., также сохраняю вооруженные дежурные части во всех казармах, но что, на основании опыта во время скандала на Ивановской улице, я бы хотел получать инструкцию из одного места, дабы не пришлось во время боя сноситься с несколькими инстанциями — министром юстиции, военным, председателем Совета Министров и так далее.

Попадаю в точку, ибо все министры с восторгом отрешиваются от всякого участия в грядущих событиях и единогласно постановляют на эти дни предоставить особые полномочия военному министру для подавления возможных беспорядков. Керенский, видимо, доволен, и меня такая комбинация вполне удовлетворяет.

При посещении Мариинского дворца¹⁴⁶ невольно вспоминаю дни детства, когда отец был государственным секретарем (по его настоянию Дворец был приобретен казной для Государственного Совета), после чего председатель Совета, великий князь Михаил Николаевич, как генерал фельдцейхмейстер всей артиллерии хотел поместить в соседнем здании какую-нибудь артиллерийскую часть, но мой отец доказал, что в случае народных волнений пехота полезнее, и в результате там поместили стрелков. А мне приходится жалеть, что родитель не придумал чего-нибудь еще полезнее — вроде казаков или юнкеров, или скажем, женского батальона.

Все старые лакеи во дворце проявляют ко мне особую нежность, а один из них, подавая мне чай, как-то заявил: «Ваш батюшка всегда пил без сахара, а Вам придется поневоле, так как сахара во Дворце нет». Иду вниз в переднюю и реквизирую несколько кусков

из карманов караульных стрелков. У правительства сахара нет, а в войсках есть. Молодчина мой интендант.

Что касается заседающей ныне во дворце коллегии, то, конечно, эти стены никогда не видали такого сблища. Некий весьма разумный человек, коему по должности приходится бывать за последние годы в заседаниях различных кабинетов, с ужасом говорит, что даже правительство Голицына¹⁴⁷, считавшееся всегда весьма слабым, не могло бы по бестолковости сравниться с нынешним кабинетом. Они, может быть, все прекрасные люди (за исключением, конечно, Чернова), но полное незнакомство с государственным механизмом соединяется в них с какой-то растерянностью. Пальчинский не может без ярости говорить о заседаниях правительства.

Что касается июньской демонстрации — страхи оказались преждевременными. Манифестация оказалась действительно безоружной. По-видимому, большевики хотели сделать смотр своим силам, чтобы знать, на что они могут в случае конфликта рассчитывать, и сколько тогда им нужно будет раздать 30-рублевых суточных батальонным демагогам, Балабину я приказал конфиденциально сообщить начальникам частей, что если офицеры пойдут с солдатами на манифестацию, то это им в вину не сочтется и что их присутствие, наоборот, желательно для порядка. Некоторые полки совсем не участвовали, зато 2-я дивизия, запасные пехотные полки, 1-й пулеметный и проч., почти в полном составе, а из других частей вышел сравнительно небольшой процент. Рабочие, конечно, высыпали толпой.

Утром сижу в штабе, получаю отовсюду донесения о благополучном выступлении разных групп ма-

нифестантов, всюду безоружных и мирно настроенных. Наблюдаю из окон движение финляндцев, шествующих на большевистскую демонстрацию под звуки песни: «Было дело под Полтавой»... Что сказали бы их предки, «дравшиеся под знаменами Петра», увидев, какими плакатами эти знамена заменены. Когда все процессии благополучно тронулись, сажусь на лошадь и еду на Марсово поле, где около могил слезаю и наблюдаю прохождение манифестантов. Вдруг происходит паника. Как потом оказалось, некий солдатик Павловского полка, стоявший в шпалерах, почувствовал настоятельную необходимость на время удалиться, и он направился через плац к своим казармам, но по дороге необходимость стала чувствительной и он из шага перешел в рысь. Увидев бегущего, несколько нервных молодцов решили, что что-то неладно, и тоже побежали к казармам. Какой-то остроумец крикнул: «пулемет», — и пошла потеха. Все, что было на площади, пустилось бежать в разные стороны. Не слыша никакого пулемета, спешу к мосту у Инженерного Замка, откуда началась паника, по дороге обкладывая павловцев скверными словами. Порядок постепенно восстанавливается. Приостановившееся шествие снова приходит в движение. У моста нахожу человек 200-300 кексгольмцев, участвующих в манифестации, сбившихся в кучу. Подхожу к ним, здороваюсь, и приказываю немедленно построиться, как воинам надлежит. Кто-то из унтер-офицеров мне заявляет, что беспорядок происходит оттого, что никто из офицеров с ними не пошел. Говорю, что если так, то я сам с ними пойду. Становлюсь на фланги и, вспоминая дни командования ротой, отчеканиваю шаг: ать, два, три, четыре. Тогда беседовавший со мной унтер-офицер кричит кексгольмцам: «Наши офицеры с нами не пошли, зато с нами сам Главнокомандующий. Ура

Главнокомандующему!» Публика начинает галдеть «ура». Восстанавливаю тишину и веду кексгольмцев дальше. Вдруг Рагозин дергает меня за черкеску и обращает мое внимание на плакат, под которым я шествую. Вижу над головой надписи: — «Долой Министров-Капиталистов», «Царя в крепость» и проч. Быть может, я бы сам присоединился к плакату «Долой Временное Правительство», однако, попасть на фотографию под большевистским лозунгом не хочется. А фотографов около могил, к которым мы приближаемся, сосредоточено много. Поэтому рекомендую кексгольмцам не терять порядок и отхожу в сторону. Большое будет удовольствие рассказать Терещенко, что я гулял под плакатом — «Долой Министров-Капиталистов».

Манифестация протекает благополучно, только в одном месте на Невском тоже произошла легкая паника, и храбрые стрелки 3-го батальона побросали свои плакаты и разбежались, за что не преминул над ними поиздеваться. Все обходится без выстрелов, и после полудня запуганные буржуи начинают дышать свободнее, а я отправляюсь завтракать. Однако, мои мытарства не кончены.

После завтрака мне сообщают, что в Кексгольмском полку крупный скандал: солдаты арестовали командира с несколькими офицерами, в том числе полкового адъютанта, и теперь происходит бурный митинг в Малом манеже Конной гвардии. Жалко командира. Он прекрасный боевой полковник с Георгием, выдвинутый Корниловым. Не могу ему только простить, что при моем посещении ясно было его незнание с подробностями расположения его батальона по обширным и запутанным помещениям Конной гвардии. Вероятно, недостаточное общение с казар-

мой и довело его до греха.

Сажусь в автомобиль и еду на место происшествия. Вхожу в манеж как раз в ту минуту, когда один из большевиков батальонного комитета говорит зажигательную речь, требуя офицерской крови, ибо «между нами и офицерами пропасть. Наши офицеры с нами сегодня не пошли, между тем как с нами был сам Главнокомандующий». — Чувствую себя отвратительно и всхожу на трибуну.

Конечно, хотелось бы возразить большевикам, что манифестация, на которой из батальона, численностью тысяч 7, участвовало 200-300 человек, не может выражать мнение всего батальона, что в других частях офицеры пошли на манифестацию только ввиду моего специального распоряжения, которое в Кексгольмском полку по недоразумению не было исполнено и т.д. Но вспоминаю совет Пальчинского, с толпой поменьше рассуждать, а неприятного оппонента дискредитировать 5-рублевым приемом, т. е. спросив его, почему он не вернул 5-ти рублей, занятых на прошлой неделе. Поэтому начинаю с заявления, что, если я сегодня гулял под большевистскими плакатами, это еще не значит, что я им сочувствую, а просто, как военный человек, я не могу терпеть вида воинской части, идущей в беспорядке. Затем перехожу на прием Пальчинского: «Сегодняшний случай в вашем полку является последствием не только отсутствия офицеров на манифестации, но, вероятно, и многих других предшествующих событий. Ведь у вас в полку давно неладно. Не правда ли?» — Единодушные вопли: «правда, правда». Тогда обращаюсь к батальонным большевикам и грозно вопрошаю: «Вы, знающие дорогу в мой кабинет, вы, знающие, что моя дверь всегда открыта для всех представителей войсковых комитетов, отчего

вы не пришли ко мне месяц тому назад и не сказали, что в Кексгольмском полку неблагополучно? Тогда бы я принял свои меры, и сегодняшний печальный скандал не случился бы. Почему же вы не пришли?» — Гробовое и смущенное молчание. — «Вы сделали непростительную ошибку, не придя ко мне, и за эту ошибку вы должны немедленно отпустить своего командира».

В это время мне сообщают, что меня требуют срочно в Довмин. Поэтому рекомендую собранию поразмыслить над моими словами и удаляюсь. В Довмине меня взволнованно спрашивают, что случилось в Финляндском полку. Справляюсь по телефону. — Там все спокойно, значит, до Довмина дошел не тот звон. Рассказываю про все происшествия и про то, как я попал в большевики. Получаю известие, что кексгольмцы перебесились и дело близится к концу. Еду к ним, но митинг уже разошелся, и арестованные офицеры выпущены ко мне на поруки в штаб округа, где я нахожу их в грустном настроении.

Стараюсь их подбодрить, обещаясь через несколько дней отправить их на фронт, где, конечно, им найдется место, — особенно у Корнилова.

Оказывается, после моего отъезда следующий большевистский оратор воспользовался моей обмолвкой и начал с того, что главнокомандующий настаивал на освобождении командира, но про остальных офицеров ничего не сказал. Он сам знает, что они и т.д., а потому, дескать, распнем их. Несмотря на прибытие тяжелой артиллерии из Совета, в виде Чхеидзе, по-видимому, дело должно было кончиться победой большевиков, но вдруг на голосовании резолюций огромное большинство высказалось за немедленное освобождение арестованных ко мне на поруки с тем,

чтобы я это дело разобрал.

Из частных источников узнаю, что во время всех речей, следовавших за моей, солдаты все время шушукались на ту тему, что раз я участвовал с ними в шестви, значит, я им вообще сочувствую, и что поэтому меня обижать не следует и нужно по моей просьбе отпустить арестованных. И подумать, что не пройдишь я с кексгольмцами утром, не удалось бы, может быть, спасти командира и офицеров от растерзания. Да, и 5-рублевый прием оказался полезным.

На следующий день, по заведенному трафарету, назначаю для расследования дела комиссию из представителей Совета и делегатов от штаба. Еду сам с комиссией в заседание кексгольмского комитета. После продолжительных словоизвержений, конечно, никаких контрреволюционных преступлений за офицерами не оказывается, и все преклоняются перед моим решением их отпустить на фронт. Конечно, следовало наказать агитаторов, но установить картину самого ареста никак не удастся. Знаю, что корень всего зла кроется в некоем большевистском прапорщике с наполеоновскими наклонностями, целящимся пока на должность батальонного командира и фактически уже захватившем власть. (Ужасно много этой дряни развелось за последнее время).

Дипломатически молчу и закрываю глаза, но уже через сутки приходит ко мне депутация кексгольмцев с просьбой утвердить сего прапорщика батальонным командиром. Затем, в весьма душевной беседе, излагаю делегатам свою точку зрения на всю их историю, чем вызываю улыбку на их лицах, и кончаю тем, что, в виде опыта, раз прапорщик фактически заворачивает батальоном, я на некоторое время забуду про существование кексгольмцев, предоставив им существо-

вать собственной жизнью. В результате, примерно через неделю, та же делегация приходит опять, но с поджатыми хвостами и спрашивает, кто мой кандидат на должность их командира... Когда я им называю фамилию одного весьма симпатичного старого кексгольмского штаб-офицера, они облегченно вздыхают, говоря: «Вот такого-то нам и надо». По-видимому, прапорщик уже приелся. А попробуй я на следующий день после ареста офицеров назначить им командира, наверно, вышел бы другой скандал.

Не легка доля демократического главнокомандующего, особенно, если принять во внимание, что войсковые комитеты все больше и больше входят в обычай со своими делишками являться на суд ко мне. Иногда требуются сверхъестественные дипломатические усилия, чтобы решить вопрос без нарушения принципов элементарной справедливости, без ущерба для интересов самих просящих и без умаления престижа собственной власти. Хотел бы я посмотреть, что сказал бы сам мудрый царь Соломон, например, большевистским депутатам 4-го Донского полка, требующим смены командира, вполне основательно доказывая его неспособность. Сам знаю, что командира нужно сменить, но нельзя же создавать прецедент, что я убираю командиров по просьбе комитетов.

А что, например, делать с фронтовыми депутациями, жалующимися на отвратительное качество присылаемых из Петрограда укомплектований. Сам знаю, что кроме полков 1-й дивизии и отчасти 3-й, да стрелков, остальные мои части посылают на фронт солдат, военная подготовка коих ограничилась посещением митингов и грызней семечек. А бывают вещи и еще более трагические: помню одну делегацию с фронта, приехавшую в столицу, чтобы достать для

своего полка пулеметную команду, ибо 1-й пулеметный полк, долженствовавший эту команду выделить, считает, что все имеющиеся у него пулеметы в количестве больше тысячи, нужны в Петрограде «для охраны революции». Фронтальная делегация поселилась в полку, сама набрала команду из желающих ехать на фронт, но теперь полковой комитет команду не выпускает, командир полка ничего не может поделать. Приходится мне изобретать способы воздействовать на комитет или его как-нибудь надуть.

Понятно, что после ежедневного приема иногда голова идет кругом, однако все увеличивающийся наплыв солдатских депутатских меня скорее радует: только таким путем можно приобрести доверие войск и впоследствии добиться перевыборов в Совет, а тогда, с хорошим составом Совета, многое можно будет сделать. Но такая программа требует большой выдержки и терпения, а на перегрузку приемной жаловаться не следует.

Моя система принимать решительно всех, не исключая дам, хлопочущих об родственниках, и всяких аферистов, приводит иногда к курьезным результатам. Раз мой адъютант Масленников¹⁴⁸, ведающий приемом, с ужасом докладывает: «На приеме сумасшедший». — «Все равно, давай его сюда». — Появляется благообразная личность в кафтане и трагическим полупшепотом заявляет: «Я — Иисус Христос». Убежденно заявляю, что ни минуты в этом не сомневаюсь. Собеседник продолжает: «Но для моего проявления мне нужно 40.000 рублей». Отвечаю, что это сущие пустяки и что, если он пройдет к начальнику штаба, там ему все устроят. Однако же, через несколько дней «Христос» возвращается с жалобой на то, что Балабин никак не может уразуметь идеи его проявления.

Выражаю сожаление по поводу людского тупоумия вообще и направляю «Божество» в Синод, где, вероятно, его скорее оценят. «Оно» уходит, с грустью замечая, что на меня именно он очень рассчитывал. Тронут и польщен.

Иногда на приеме чувствуешь себя довольно неловко, когда появляются большие генералы старого режима, отчисленные в резерв округа, например, сам Хан-Нахичеванский¹⁴⁹, мой бывший корпусный командир. Невольно забываешь старшинство «по должности», просишь разрешения закурить и стараешься всеми мерами облегчить судьбу этих обломков крушения.

Говоря об обломках, нельзя не упомянуть о печальной судьбе стариков дворцовых гренадер. Как-то получился рапорт с приложением душу раздирающего медицинского документа, доказывающего, что старики, получающие жалование вроде 30 рублей в месяц, при современной дороговизне не могут существовать со своими семьями и что положительно вымирают от голода. Принимаю немедленно все зависящие от меня меры, законные и незаконные, для облегчения их участи, и пишу бумагу с ходатайством об увеличении их содержания, а затем еду к ним на Гагаринскую подбодрить стариков.

Сердце щемит, когда подхожу к фронту этих ветеранов, а бесчисленные кресты и медали на их мундирах так ярко напоминают о былой славе всероссийского воинства, ныне втопанной в грязь. Обходя строй, вижу старого сослуживца, исторического штаб-трубача Нижегородского полка, знаменитого Березняка, получившего георгиевский крест в Турецкую кампанию за спасение жизни командира полка. Много мы с ним водки выпили в былые дни на вахмистрских

пирушках, когда я был скромным взводным в 3-м эскадроне. Теперь чуть ли не со слезами бросаюсь друг другу на шею.

Потолковав со стариками об их житье-бытье и пообещав о них позаботиться, выхожу на улицу, сопровождаемый их кликами «ура», и со вздохом покидаю то, что Рагозин именует «колонией допотопных существ», чтобы ехать на собеседование с Советом, этим сборищем представителей современного воинства. Жестокая вещь революция.

Кроме лихорадочной сутолоки повседневного существования, иногда моя жизнь разнообразится еще чрезвычайными задачами, преподносимыми сверху, из коих одна из самых крупных была мне задана при следующих обстоятельствах. Однажды днем (28-го июня), Якубович, оставшийся, по обыкновению, за военного министра, ввиду отсутствия Керенского, посылает за мной. Застаю у него кое-кого из правительства (теперь не помню в точности, кого) и мне объявляют, что правительство решило очистить дачу Дурново¹⁵⁰ от засевшей там уже давно банды анархистов. Дело щекотливое, так как Совет склонен считать анархистов за легальную политическую партию. Однако, говорю, что с удовольствием попытаюсь сегодня же ночью. Тогда Якубович официально мне приказывает это сделать и по исполнении явиться завтра утром в 10 часов с докладом на квартиру князя Львова.

Еду назад в штаб, почесывая затылок. Вечером собираю в штабе начальников тех частей, которых участие желательно по их географическому местоположению, т. е., 1-го запасного пехотного, квартирующего на Охте, затем преображенцев, литовцев, волынцев и, вдобавок, казаков и броневиков. Приглашаю.

согласно основному договору с Советом, двух дежурных представителей из его среды. Попадаются хорошие ребята, которые сначала смущенно говорят, что раз Совет не имел суждения по этому вопросу, им неловко именем Совета санкционировать мой поход, но после некоторых уговоров они обещаются своим личным авторитетом всячески меня поддерживать, раз правительство уже отдало мне категорическое приказание. И то слава Богу.

Перехожу к компании командиров и первым прошоаю командира 1-го пехотного. Он категорически отказывается, говоря, что его солдаты ни за что не пойдут против товарищей анархистов. После него все поочередно отказываются. Начинаю опасаться, что мне придется действовать контрреволюционно и вызывать юнкеров, например, Николаевское кавалерийское училище, или нарушить свое обещание казакам и применить их без пехоты. Вижу, что казак, полковник Траилин¹⁵¹, чувствует себя скверно, предвидя такую опасность, но ему я никаких вопросов не задаю. Однако, все дело вдруг спасает преображенец; он просит разрешения поговорить с кем-то в полку по телефону, а затем конфиденциально в уголку мне сообщает, что преображенцы пойдут, но при одном условии, что я их поведу сам.

Возвращаюсь к остальным командирам и заявляю, что преображенцы пойдут; тогда литовец говорит, что, если преображенцы пойдут, то и литовцы не откажутся. Этого с казаками вполне достаточно, а посему отпускаю остальных командиров, издающих невольный вздох облегчения. Разрабатываю план: одна колонна, под моим руководством, из 3-х рот преображенцев, сотни казаков и одного броневика собирается в 3 часа ночи у Литейного моста, другая, под началь-

ством Кузьмина, в составе литовцев, тоже с казаками и другим броневином, пойдет через Охтенский мост. Пехота будет штурмовать, казаки несут дозорную и разведывательную службу, а броневики прикрывают тыл от возможной контратаки со стороны рабочего населения Охты или анархически настроенных солдат Гренадерского и 1-го пехотного полков. Конечно, такая мобилизация против нескольких десятков хулиганов кажется смешной, но, говорят, они хорошо вооружены, с бомбами и пулеметами, да, кроме того, если не удастся покончить всего дела, пока рабочее население спит, неизвестно, какие могут получиться осложнения, если охтенский муравейник проснется.

Последняя заминка происходит с броневиками. Командир вызвал своих комитетчиков, и эти верные слуги Совета сначала уклоняются от участия в операции, не получившей благословения священной коллегии, но дежурные члены, сидящие у меня, благородно выполняют свое обещание, красноречиво и убедительно доводя броневиков до сознания необходимости подчиниться моим приказаниям.

Закончив около полуночи распоряжения, и в ожидании времени действия, попиваю чай. Якубович мне сообщает по телефону о получении триумфальной телеграммы от Керенского с известием об удачном наступлении¹⁵² на фронте: взяты три линии окопов, много пленных и трофеев. Неужели русское воинство еще способно драться? Дай Бог. Во втором часу ночи, согласно уговору с командиром, появляюсь в казарме преображенцев на Миллионной и вызываю дежурную роту (2-ю). Люди быстро встают и выстраиваются. Подхожу, здороваюсь, а затем говорю несколько теплых слов: «Правительство получило сведения, что

многие мошенники и преступники, бежавшие из тюрем, приютились под флагом анархистов на даче Дурново. Я получил приказание их там захватить». Потом сообщаю содержание телеграммы об успехе на фронте и прибавляю: «Раз там солдаты исполняют свой долг против внешнего врага, мы здесь должны исполнить свой долг против врага внутреннего, в лице всяких преступников. Идите скорей к Литейному мосту, куда я сейчас приведу остальные ваши роты, казаков и броневик».

Огорошенные спросонья ребята безмолвно выступают в полном порядке. Командир потирает руки. Садимся с ним в автомобиль и катим в 3-ю роту, помещающуюся в офицерском манеже кавалергардов на Захарьевской. Повторяется та же картина, но тут я добавляю: «Торопитесь догнать вашу 2-ю роту, которая уже выступила». Стадное чувство рассеивает последние сомнения, и 3-я рота выступает. Командир в восторге и просит меня теперь ехать к мосту, говоря, что 4-ю роту он приведет без заминки, раз две роты уже выступили. У моста с казаками разговор короткий, а сознательные броневики знают, в чем дело. 4-я рота приходит благополучно, но вдруг один из унтер-офицеров почтительно меня спрашивает, известно ли Совету о сем предприятии? Отвечаю, что, во-первых, два представителя Совета присутствовали у меня в штабе при обсуждении вопроса, в чем можно убедиться, спросив здесь находящихся броневиков, имевших случай с ними беседовать, и что с их стороны протеста не было, а, во-вторых, разве я когда-нибудь выводил войска для действий, несогласных с великими демократическими принципами, возвещенными Советом.

Вопрошающий и окружившие его любопытные солдаты удовлетворены, и колонна трогается. Подъ-

езжают два автомобиля — один с двумя сестрами милосердия и перевязочными средствами, другой с министром юстиции Переверзевым. Очень рад иметь с собой представителя Закона.

Шествуем безмолвно по Охтенской набережной. Светает. Передний дозор удачно захватывает врасплох часового у ворот анархиста, а то, может быть, пришлось бы повозиться с весьма основательной решеткой. Преображенцы быстро оцепляют дом, окруженный со всех сторон садом. Казаки патрулируют по соседним улицам, броневик занимает позицию на набережной. — Анархисты просыпаются. Один из руководителей в морской куртке с интеллигентным лицом выходит из боковой двери и начинает дипломатические переговоры с Переверзевым, доказывая всю разумность анархистической оккупации дачи Дурново. Я тороплю Переверзева, опасаясь пробуждения Охтенского населения. Он заявляет, что, по его сведениям, на даче укрываются уголовные преступники, бежавшие из тюрем, и называет несколько фамилий. Анархист сначала как будто смущен, говоря, что ему об этом ничего не известно, но потом опять принимает развязный тон, категорически отказываясь выдать этих преступников, если бы они среди обитателей дачи и оказались. Заканчивает он гордым утверждением, что анархисты не сдадутся и будут защищать свою свободу до последней капли крови. Переговоры кончены. Переверзев отходит в сторону, предоставляя мне свободу действий.

Подхожу с преображенцами к дверям, но они крепко забаррикадированы. Тогда вышибаем окно рядом с подъездом, после чего происходит небольшая заминка, ибо, естественно, никому не хочется влезать в дом, где, по слухам, столько взрывчатых веществ.

Однако, мои адъютанты Масленников и Рагозин, вместе с каким-то любителем сильных ощущений в студенческой форме, вскакивают в окно, а за ними волна преображенцев.

Скоро начинают появляться группы арестованных. Таких хулиганских рож не во всякой ночлежке найдешь; особенно милы некоторые представительницы дамского пола. Анархисты защищаются, бросая бомбы, из коих ни одна, однако, не разрывается, так как осажденные, либо по незнанию, либо от обалдения, ни из одной не вынули предохранителя. Подходят литовцы с Кузьминым и влезает в дачу с противоположного конца, и процесс очистки ускоряется. Со стороны одной из комнат, где сосредоточились последние защитники, раздается одинокий выстрел, и один из анархистов оказывается убитым¹⁵³. Выяснить историю его кончины не удастся. Преображенцы, не выпустившие ни одного патрона, основательно доказывают, что он сам застрелился. Той же теории придерживается Масленников, стоявший у самой двери комнаты. Но другие свидетели говорят, будто выстрелил кто-то из литовцев, подходивших к другой двери, а есть версия, что некий казак, для устрашения противника, просунул винтовку в дверную щель и выпалил. Как бы то ни было, но кровопролитие оказалось меньшим, чем можно было бы ожидать. Наконец, выводят последнюю пачку анархистов, в числе коих оказывается вожак, ведущий с нами переговоры. Он обращается к Переверзеву и с трагическим жестом восклицает: «Товарищ Министр, вы — убийца».

В это время появляются две роты семеновцев. Они прослышали из штаба про мой поход и по собственной инициативе поспешили на помощь. Молодцы.

Очистка дачи и сада закончена, захвачено с пол-

сотни хулиганов. Направляю их под конвоем в казармы преображенцев, согласно настоятельной просьбы последних: там юридические власти их допросят и переберут. Отпускаю по домам войска, проявившие в этом деле удивительную выдержку. Трудно не выстрелить в человека, швыряющего в вас бомбу, на которой присутствие предохранителя вы усмотреть никак не можете. Оставив роту семеновцев для охраны дачи, пока юристы не осмотрят место происшествия, сажусь в автомобиль и еду в штаб. Шестой час утра. Охта начинает просыпаться. Скоро получаю сведения, что семеновцам на даче приходится туго; их окружила со всех сторон толпа рабочих, ограничивающихся пока ругательствами, но дело легко может перейти в сражение, а так как моя задача была захватить всех анархистов и очистить дачу, а не охранять ее постоянным караулом, то во избежание совершенно ненужного кровопролития посылаю офицера с приказанием семеновцам идти домой. Операция закончена.

Посылаю Керенскому телеграмму: «Вверенные мне войска сегодня в 5 часов утра заняли дачу Дурново», а затем, к 10 часам, еду с докладом к кн. Львову, на квартиру министра внутренних дел в Чернышевском переулке. Застаю его за утренней трапезой. Он очень любезно угощает меня кофе с хорошими сливками и с большим интересом расспрашивает про подробности ночных военных действий. Скоро собираются на заседание все члены правительства. Они вообще за последнее время, особенно в отсутствие Керенского, предпочитают собираться в этом укромном уголку, по-видимому, чувствуя себя здесь в большей безопасности, чем в Мариинском дворце, где стечение автомобилей всегда привлекает внимание публики.

На этот раз мы с Переверзевым — герои дня и,

расточая друг другу прозрачные комплименты, мы излагаем все малейшие подробности происшествия. Терещенко¹⁵⁴ меня спрашивает, нельзя ли теперь взять дом Кшесинской и вышибить большевиков из их твердыни? Отвечаю, что такие фокусы, как то, что я проделал с преображенцами, не всегда удаются, что большевиков, с солдатской точки зрения, никак под категорию уголовных преступников не подгонишь и что, наконец, в случае атаки на дом Кшесинской, сильно опасаясь серьезной поддержки Ленину со стороны гарнизона Петропавловской крепости, особенно стрелков 3-го батальона. Но эта мысль, по-видимому, правительству понравилась, и через несколько дней меня опять приглашают на заседание в Чернышев переулок, где вопрос о доме Кшесинской обсуждается всесторонне.

Юстиция излагает все переговоры с поверенным великой танцовщицы, угрожающей казне миллионным иском. Я доказываю чрезвычайную рискованность вооруженного вмешательства. А Чернов, со свойственной ему слащавой улыбкой, предлагает признать большевиков легальной политической группой и попечением правительства реквизировать для них какое-нибудь подходящее свободное помещение, возвратив дом Кшесинской, законной владелице. Но это предложение отклоняется, и весь вопрос кончается ничем, подобно весьма многим вопросам, обсуждаемым правительством, как, например, вопрос о том, что делать с погребом Зимнего дворца, или не заказать ли наши кредитные билеты в Японии, ибо Экспедиция заготовления государственных бумаг выделяет в день что-то около 30.000.000, а война стоит ежедневно более 50-ти¹⁵⁵ (о металлическом обеспечении, конечно, все давно позабыли). При таких порядках вполне понятно, что грядущая судьба дачи Дур-

ново тоже остается неразрешенной, и после ее эвакуации семеновцами она снова превращается в бесплатную ночлежку для всякого сброда, а убитому анархисту товарищи устраивают торжественные похороны, воздвигнув над его могилой плакат: «Смерть палачам Переверзеву и Половцову». Студенту, первому вскочившему в окно дачи во время штурма, жалую медаль «за храбрость».

Вскоре доходят до нас сведения, дающие истинную картину знаменитого наступления 27-го июня. Хотя Керенский всячески старается раздуть и прорекламировать «свою» победу, но даже по газетным данным выясняется довольно грустная картина: несмотря на слабость противника, несмотря на такую основательную артиллерийскую подготовку, о которой мы не смели и мечтать в первые годы войны, лишь немногие полки пошли в атаку, да и те, заняв покинутые неприятелем окопы, дальше не тронулись. В большинстве случаев, офицеры пошли вперед без поддержки солдат и почти поголовно погибли геройской смертью, не только от неприятельского огня, но и от выстрелов в спину. Белькович, командир 41-го корпуса¹⁵⁶, которому я в первую же минуту послал поздравительную телеграмму, радуясь его успехам в столь памятном мне уголку около Бржезан, отвечает в таком минорном тоне, что мне становится очевидным весьма неблагоприятное положение на фронте. Зато приехавший с фронта американец Скотт, впервые увидавший современный бой, и не разобравшийся в подноготных, пребывает в состоянии неопишуемого восторга и уезжает на Родину с самыми розовыми надеждами на быстрое и величественное возрождение Державы Российской. Быть может, он настолько хитер, что притворяется, но я, во всяком случае во время нашей прощальной беседы, пою с ним в унисон и вы-

ражаю восторг перед мудростью Керенского, еще в начале мая уверявшего меня в возможности успешного наступления.

Тем временем сей воитель телеграммами с фронта задает мне довольно трудно исполнимые заказы. Началось с того, что он потребовал присылки из Петрограда всех имеющихся у меня броневых автомобилей. Вполне сочувствую идее избавить столицу от этих машин, за которыми Совет смотрит зорко и команды которых всецело в его руках. Кроме того, все броневики принадлежат к устарелому типу, совершенно непригодному для боевых действий, с низкими осями, без необходимого управления для заднего хода, без внутренней обшивки и проч. Все петроградские броневики забракованы несколькими комиссиями, что прекрасно известно командам и сведущим людям в Совете. Я делаю мысль сплавить команды на фронт и посадить в машины своих людей, но для такого *coup d'Etat* время еще не настало. Комбинация Керенского слишком прозрачна. Что я ни делай, а броневики на фронт не будут отправлены, и все дело кончится страшным конфликтом с Советом, с коим сейчас ссориться не входит в мои расчеты. Поэтому, после совещания с командиром броневиков, уклоняюсь от исполнения полученного требования, изложив в ответной телеграмме технические причины непригодности петроградских машин для фронта.

Не мог я также выполнить приказа, полученного через Генеральный штаб, об отправке на фронт всех резервных армейских пехотных полков из округа. Несомненно, Совет запротестовал бы, и ничего не вышло бы. Пришлось ночью ехать к Романовскому и добиться отмены распоряжения.

Другой заказ Керенского тоже был связан с круп-

ными осложнениями. Он присылает мне приказание отправить из петроградских запасов 300 пулеметов, «жизненно необходимых для фронта». Из 2-го пулеметного полка их не выудить, но в 1-м полку, кроме пулеметов, находящихся в Петрограде, есть несколько сотен на складе в Ораниенбауме. Однако же, по словам командира полка, караул ни за что их не выпустит без постановления полкового комитета, а комитет 1-го пулеметного полка — чрезвычайно гнусное учреждение. Решаюсь пуститься на фокус. Еду на Выборгскую, в 1-й пулеметный полк и по совету командира, вхожу в помещение наиболее благонадежной 2-й роты, собираю людей, читаю телеграмму Керенского, говорю несколько слов о тяжелом положении на фронте и с улыбкой заканчиваю уверением, что остающихся у них в Петрограде семисот с лишним пулеметов вполне достаточно для защиты революции. Рота постановляет беспрекословно пулеметы отправить. Перехожу к следующей, где, конечно, добавляю заявление о состоявшемся благоразумном постановлении 2-й роты. Здесь вопрос тоже проходит благополучно, но в третьей казарме я, к сожалению, попадаю на удочку лукавого большевика в овечьей шкуре, доказывающего, что обойти все роты займет чуть ли не целый день, что по виденным двум ротам я могу судить о благочестивом настроении всего полка и что, если собрать все остальные роты в полковом театральном бараке, то вопрос благополучно разрешится в 5 минут. Командир полка легкомысленно присоединяется к этому мнению, и я совершаю непростительную ошибку, согласившись с их доводами.

Полк быстро собирается в театре. Я вхожу на эстраду и повторяю сказанное в ротах, но чувствую, что атмосфера не та. После меня сейчас же высказывают два большевика. Первый из них, после обычного ис-

годования на войну, затеянную капиталистами, которую мы только бесполезно удлиним, послав пулеметы на фронт, прибегает к очень ловкому ораторскому приему: «Все равно, мол, согласитесь вы или нет, а пулеметы у вас отнимут». — Ясно, что после этого публика на стенку полезет. Второй большевик заявляет, что в этом помещении обсудить вопрос нельзя, так как не хватает всем места. С этим доводом нельзя не согласиться, ибо и половина наличного состава не может втиснуться в театр. Чувствую, что меня подловили. Митинг переносится на двор, где трибуной служит двуколка. После неудачных ораторских усилий Кузьмина выступает ряд большевистских говорунов, в том числе профессиональные златоусты из числа рабочих, прибежавших на митинг с соседних заводов. Хорошо зазубренные трафаретные речи льются безостановочно. Большинство солдат, которым знакомая картина митинга давно надоела, разбредаются по казармам, но выдрессированная большевиками куча в несколько сот человек стоит плотно. Они уже, вероятно, привыкли выносить резолюции полкового митинга, преподнося эти резолюции, как мнения всего полка со списочным составом в 19.000, а инертная масса грызет семечки и своим безучастным молчанием санкционирует, что угодно.

Казалось бы, речи о естественных стремлениях пролетариата имеют весьма мало отношения к отправке 300 пулеметов на фронт, но температура страстей на митинге все повышается. Предвидя, как неизбежное последствие, растерзание моей особы на составные части без всякой пользы для дела, и удивляясь тому, что это грустное событие еще не произошло, медленно и с достоинством удаляюсь, заявляя во всеуслышание, что я пришел потолковать с солдатами пулеметного полка, а не с рабочими Выборгской сто-

роны. Командира полка прошу по окончании митинга приехать ко мне с докладом о результатах, конечно, потеряв всякую надежду на благополучный исход словоизвержений. Но когда он через некоторое время появляется с грустным лицом, я отказываюсь признать себя побежденным и прошу его вернуться к моему основному плану, произведя немедленное одно-временное голосование по всем ротам. Большевики, вероятно, празднуют победу и ослабили надзор... Если, как я рассчитываю, большинство рот выскажутся за отправку пулеметов, необходимо сейчас же собрать полковой комитет и, предъявив письменные постановления рот, несомненно выражающие истинное желание полка, потребовать от комитета соответственного постановления. Если комитет попытается сослаться на сегодняшний митинг, то тогда надлежит заявить, что я не могу считаться с какими бы то ни было резолюциями этого митинга, так как, во-первых, присутствовали, говорили и, вероятно, голосовали лица, не принадлежащие к составу полка, а, во-вторых, подавляющее большинство солдат, по моим наблюдениям, разошлись по казармам и на митинге не присутствовали. И демократично, и хорошо, но нужно действовать быстро, а то большевики придумают контрманевр.

Получив мои инструкции, командир начинает действовать. Перед обедом получаю сведения, что из 16 рот — 12 высказалось за отправку, 2 воздержались, а 2 высказались против. (Хорош бы я был, если бы мне пришлось лично получить отказ этих двух подлых рот). Захваченный врасплох полковой комитет не может найти зацепки в моих парламентских приемах и подчиняется постановлению большинства рот. Вечером командир летит в Ораниенбаум, ночью пулеметы нагружаются, и утром все 300 укатывают на фронт.

Доношу Керенскому, что приказание, полученное за № таким-то, исполнено.

Митинг у пулеметчиков лишний раз показал мне, как большевики проводят свои резолюции, затягивая дело, пока благоразумное большинство солдат, утомленное многоглаголанием, не разойдется по казармам, а господа, ожидающие получки суточных из германского генерального штаба, остаются до конца и голосят по команде. Поэтому не особенно волнуюсь, узнав, например, про возмутительные резолюции одного из самых лучших полков, Егерского, где 8 большевистских ораторов говорили почти непрерывно в течение 3-х дней. Однако, невольно задумываюсь над тем, как должно быть легко было в прежнее время командовать войсками округа. А теперь, давши картину тревожностей моей ежедневной жизни в Петрограде, перехожу к финальному и наиболее яркому эпизоду моей деятельности в столице.

ИЮЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ.

В последних числах июня получают все более и более определенные сведения, что большевики, оставшиеся довольными подсчетом своих сил на мирной манифестации 18-го июня, теперь решили предпринять крупное вооруженное выступление для свержения правительства, одновременно и Совета, слишком, по их мнению, консервативного, а также вообще властей придерживающих. Приток денег из Стокгольма весьма заметно увеличивается, деятельность большевиков в полках становится более напряженной, в Кронштадте готовят десант и, наконец, получают достоверные сведения, что выступление произойдет 4-го июля.

Правительство в страхе. Совет сильно волнуется. Заезжаю накануне в заседание Совета, где меня просят для большего единения на время беспорядков перенести свой штаб в Тавриду. (До чего трусили). Категорически отказываюсь, приводя все доказательства неудобства такой комбинации не только по соображениям техническим, но и по психологическим. Наконец, если им придется плохо, мне легче их спасти поддержкой извне, а если я буду осажден, — пускай они меня вызволяют. Делаю распоряжения об усилении, в случае надобности, караула в Тавриде из ближайших

частей. Прошу назначить в штаб постоянное дежурство из членов Совета; со своей стороны оставляю им для связи со мной Никитина. Захожу в комнату, где Совет организовал свой боевой штаб и с умилением взираю на юного прапорщика, уже начавшего писать журнал военных действий, отмечая по часам сведения о том, что происходит в полках.

Возвращаюсь в штаб, где к вечеру у меня в большом кабинете настоящий базар: собираются почти все члены Правительства, считающие своей обязанностью мне давать советы. В углу Якубович с Романовским водят пальцами по плану Петрограда, рассуждая о том, куда следовало бы послать дозор, а куда — роту. Среди общей суматохи утешением служит веселое лицо Пальчинского да ироническая улыбка Переверзева, сидящего в кресле напротив моего письменного стола. От этого последнего исходит единственное разумное предложение, когда бы то ни было слышанное мною от члена Временного Правительства, а именно, — немедленно опубликовать все имеющиеся у нас документы, доказывающие связь большевиков с немецким шпионажем. Алексинский¹⁵⁷ взялся проредактировать соответственные разоблачения за собственной подписью. Поддерживаю идею Переверзева, и она приводится в исполнение.

Все присутствующие, по-видимому, ожидают от меня каких-то «решительных» действий, но я, рискуя подвергнуться жестокой критике за бездействие власти, никаких особенно активных мер не принимаю. Удивительно, как мало людей понимают то, что я называю «психологическим пульсом событий». Всякий наблюдательный военный человек чутьем должен улавливать минуту, когда настроение публики с обеих

сторон достигло благоприятной точки напряжения, — положительной для вас и отрицательной для противника. Я определенно чувствую, что минута эта далеко не наступила. Но даже переходя на более реальную почву, если бы я сейчас вывел те пехотные части, на которые я рассчитываю, и встретил бы большевиков вооруженным сопротивлением одновременно в различных частях города, трудно было бы руководить разрозненными действиями. Атмосфера, очевидно, сложится неблагоприятно для меня, затеявшего братоубийственное побоище, да кроме того я не совсем уверен в надежности даже самых верных частей после усиленной большевистской агитации последних дней.

Ввиду всего этого — требую только, чтобы пехота сидела по казармам в боевой готовности. Вызываю казаков да пару эскадронов 9-го запасного кавалерийского полка, поместив их во дворе и в проездах Зимнего дворца. Кроме того, делаю распоряжение о вызове пехотных юнкерских училищ, с тем, чтобы из них организовать охрану штаба, телефонной станции и проч., а также сформировать юнкерский резерв в Зимнем дворце. Не хочу начинать боя юнкерами и казаками, чтобы не создалась контрреволюционная обстановка. Приглашаю к штабу своих друзей — гвардейских конно-артиллеристов из Павловска, с несколькими орудиями. Вообще, я враг применения пушек в городе, но для морального впечатления, быть может, они понадобятся, а артиллерийскими училищами в Петрограде воспользоваться не могу, так как в Михайловском неблагополучно, ибо орудия находятся в руках большевистски настроенной солдатской прислуги, которая не дает их запрячь, а Константиновскому училищу я задал специальную задачу — дать бой с позиции в Галерной гавани в том случае.

если из Кронштадта появятся какие-нибудь мелкие военные суда противника.

Глубоко убежден, что большевики растеряются от отсутствия всякого сопротивления и пойдут вперед, нервно ожидая какой-нибудь скрытой пакости, а затем совершат какое-нибудь насилие или другую оплошность, а тогда я смогу повернуть общественное мнение казармы определенно на свою сторону и атаковать врага. Заканчиваю мелкие распоряжения о дозорах на Петергофском шоссе для предупреждения о возможном наступлении 2-го Пулеметного полка из Ораниенбаума, сговариваюсь с Советом о дежурстве броневиков у Тавриды и у штаба, предупреждаю городские власти быть готовыми всякую минуту развести мосты, потушить электричество, убрать трамваи и проч., а затем ложусь часок-другой поспать, получив приятное известие, что у моих ближайших соседей, преображенцев на Миллионной, настроение твердое и хорошее.

Утром Петроград производит впечатление мертвого города. Испуганный обыватель спрятался, войска сидят по казармам. Только два ленинских броневых автомобиля разъезжают, очевидно, производя разведку, да несколько грузовиков, наполненных большевиками с пулеметами, катаются по опустелым улицам.

Начинается дело с небольшой перестрелки около штаба на Певческом мосту, где большевистский грузовик сделал несколько выстрелов неизвестно по кому. Спрятанная у меня во дворе дружина Георгиевского союза выскочила и после непродолжительного столкновения захватила грузовик. Большевики бежали, оставив, между прочим, пулемет, который торже-

ственно приволакивают ко мне, как первый трофей. Жалую его георгиевцам. Эти молодцы, упоенные победой, просят разрешения атаковать редакцию ленинской «Правды», находящуюся недалеко от штаба на Мойке. Благословляю их на это дело. Они выполняют его быстро, без кровопролития, несмотря на присутствие в редакции караула от сапер, и приволакивают в штаб корзины, наполненные большевистской литературой.

Тем временем обозначается наступление противника. Прибывают из Кронштадта на пароходах и буксирных баржах неприятельские отряды, численность коих исчисляется паникерами во много тысяч. Высадка происходит на Васильевском острове, где к кронштадтцам присоединяются финляндцы, солдаты 180-го запасного полка и прочая дрянь. Эта колонна, по-видимому, самая главная, берет направление на Таврический дворец. Туда же двигаются из Заречных частей вместе с вооруженными рабочими, солдаты 1-го запасного, 1-го пулеметного, Гренадерского и Московского, а с моей стороны, конечно, большое число Павловцев.

Итак, первая цель противника — захватить Тавриду, этот мозг всех народных движений, и, водворившись там, покорить все остальное. Как идея, довольно остроумно. По телефонным донесениям Никитина, в Совете царит паника невероятная. Одобряю усиления караула в Тавриде из ближайших частей, но опять-таки несмотря на назойливое жужжание всяких советчиков, отказываюсь от активных действий.

Однако, наконец, долгожданная психологически благоприятная минута наступает. Получается по телефону истерический вопль из Совета, где моряки

творят насилие и арестовали на дворе самого Чернова (жаль, не растерзали). Теперь я могу действовать в роли спасителя Совета и его великих принципов (можно будет потом спасенных и поприжать малость). Особенно забавно выходит, что я должен вызволять Чернова. Спешу вниз на площадь, приказываю конно-артиллерийскому командиру Ребиндеру¹⁵⁸ взять два орудия, сотню казаков прикрытия, идти на рысях по набережной и по Шпалерной к Думе, сняться с передков не доходя ее и, сделав одно возможно краткое предупреждение, или даже без этого, открыть огонь по толпе перед Таврическим дворцом. Кончаю внушительным повторением: «И огонь откройте». — Ребиндер со своим отрядом уносится. Если эта комбинация, наиболее быстрая, не удастся, пойду сам с юнкерами, преображенцами и казаками. Но почему Совет, имеющий пару броневигов, не открыл пулеметного огня для своей защиты — не понимаю. Вероятно, растерялся, или же все распоряжаются разом. Только что Ребиндер скрылся, как выбегает из штаба Якубович, этот главный сторонник активных действий, и восклицает: «Что ты делаешь? Останови их!» — Отвечаю, что никогда во всей своей жизни я не останавливал части, пущенной в бой, и теперь этого не сделаю.

Ребиндер, пройдя благополучно по набережной и достигнув пересечения Шпалерной с Литейным проспектом, вдруг подвергся обстрелу с обоих флангов. Говорят, будто стреляли большевики из окон, или какие-то солдаты из соседней улицы, но главный враг оказался на Литейном мосту, в лице десятка каких-то личностей в арестантских халатах, весьма умело орудовавших пулеметом. Ребиндер, несмотря на близкую дистанцию, снялся с передков и направил против них огонь. Первая шрапнель разорвалась где-то около

Петропавловской крепости, и, говорят, понизила настроение в доме Кшесинской, вторая разогнала какой-то митинг у Михайловского артиллерийского училища, из которого москвичи хотели тоже себе добыть артиллерию, не зная, что снаряды я давно припрятал, а третий выстрел попал в самую середину арестантов-пулеметчиков и, уложив 8 человек на месте, рассеял остальных. Но кроме таких, чисто местных результатов, эти три выстрела произвели неожиданный переворот во всем ходе событий.

Толпа большевиков у Тавриды, услышав близкий артиллерийский огонь, пустилась в паническое бегство во все стороны, и через несколько минут вся местность, окружающая Думу, была очищена естественным порядком. Совет оказался спасенным, о чем мне не без иронии донес Никитин. Не обошлось, к сожалению, без жертв с нашей стороны. Насколько помню, убитых у казаков было 6, у конно-артиллеристов 4, много среди них раненых, и погибло столько лошадей, что даже нельзя было сразу вывезти орудий после боя. Когда Ребиндер возвращается с докладом, горячо его благодарю и отпускаю домой, крепко рассчитывая на то, что больше артиллерии применять не придется.

Большевики, рассеявшись по городу, учиняют мелкие перестрелки в разных углах. Местами пулеметы, запрятанные в домах, стреляют из окон. Между прочим, два юнкера в Зимнем дворце были ранены такими выстрелами с противоположного берега реки. Но все эти скандалы довольно быстро ликвидируются посылкой грузовиков с посаженными на них юнкерами и георгиевцами. Прислушиваясь к голосу казарм, убеждаюсь, что после посрамления большевиков благоприятное настроение в 1-й дивизии растет с поразни-

тельной быстротой, и я начинаю чувствовать почву под ногами. Но вечер и ночь все-таки проходят довольно тревожно: большевики продолжают поднимать неожиданную пальбу то тут, то там, наводя панику на обывателя, а когда ружейная трескотня раздастся около самой Дворцовой площади, все, продолжающие сидеть в моем кабинете члены правительства, чувствуют себя скверно, несмотря на присутствие крупного юнкерского караула, выставившего пулеметы в окнах нижнего этажа штаба.

Электричество в городе потушено, некоторые мосты разведены, на других поставлены сильные заставы. От времени до времени влетают паникеры с известием, что появилась где-нибудь крупная неприятельская колонна, но это, по проверке, неизменно оказывается вымыслом. Сiju всю ночь у письменного стола, совещаясь то с Пальчинским, то с Балабиным, то с Паршиным. Телефонный аппарат передо мной звонит почти непрерывно. К полуночи как будто наступило успокоение. Князь Львов, избравший себе ночлег поблизости в Министерстве иностранных дел, и Терещенко последний раз вызывает меня по телефону и предлагает выпустить воззвание Временного Правительства. Рекомендую ему лечь спать. Эти воззвания давно всем приелись. Говорю Пальчинскому, что сейчас самый подходящий документ — был бы короткий приказ за моей подписью в том духе, что мол «всех к черту, — слушаться моей команды», а затем приступить к беспощадному истреблению большевиков.

Эти господа в растерянности. Совет слегка пострамлен. В войсках настроение благоприятное. Разоблачения Алексинского произвели сильное впечатле-

ние. Минута такая, что можно что угодно сделать, но не могу же я идти против правительства, а оно несомненно будет миндальничать. Со вздохом отворачиваюсь от письменного стола и вижу в углу кабинета умилительную картину: на моем большом турецком диване спит Церетели¹⁵⁹, а упершись ногами ему в живот, лежа в поперечном направлении, храпит Чернов. Рядом в кресле дремлет обер-прокурор Святейшего Синода. Спите, вершители судеб Земли Русской!

К утру выясняется, что какие-то остатки разбитых большевиков собрались в районе дома Кшесинской и заняли свой конец Троицкого моста. В этих же местах собрались Кронштадтские моряки. Они, в числе нескольких сот, проникли в восточную часть Петропавловской крепости и, рассчитывая на симпатию арсенальных рабочих, а может быть и стрелков, думают занять всю крепость и там обороняться. Необходимо немедленно всю эту публику ликвидировать. По моему мнению, особенного труда в этом не будет: дух у большевиков пониженный, они утомлены блужданием по городу в течение суток; вожаки, по-видимому, потерялись, Ленин, по слухам, бежал в Финляндию.

Поручаю операцию против Петропавловской крепости Кузьмину, который жалуется, что я ему не даю никакого дела, и жаждет военных лавров. Он располагается в Мраморном дворце, откуда руководит боевыми действиями. Как только начинается наступление его отряда, большевики очищают Троицкий мост. Вскоре получаю донесение, что дом Кшесинской занят правительственными войсками, а затем моряки в крепости выражают желание сдаться. Приказываю их переписать, отобрать у них оружие, а затем отпустить на все четыре стороны. Если арестовы-

вать всех участников восстания, никаких тюрем не хватит. Правительство, совместно с Советом, составило юридическую комиссию для разборки всего дела и привлечения к ответственности зачинщиков. Пускай разбираются.

Около полудня сажусь в автомобиль и еду в крепость. Там из калитки выпускают поодиночке последних моряков. Вид у них приниженный. Отправляюсь к Апухтину, который мне рассказывает все, что ему пришлось пережить за эти дни, и приглашает меня завтракать. Откуда-то появляется бутылка шампанского, и за оживленным обменом впечатлений проходит то, что милейшая жена Апухтина называет «пиром победителя у побежденных». После завтрака отправляюсь осмотреть дом Кшесинской. Воображаю грусть очаровательной владелицы, если бы она могла видеть, во что большевики превратили ее уютное жилище. Сделано интересное открытие: в одной из комнат большевистского штаба оказался склад черносотенной литературы. Здорово. Беру из этого склада пачку открыток с изображениями еврейского собрания, совершающего ритуальное кровопускание христианскому младенцу, разложенному на столе. Раздаю эти открытки журналистам.

Тем временем в штабе получилось известие, что Керенский для подавления беспорядков в столице направил с фронта отряд, в составе пехотной бригады, кавалерийской дивизии и батальона самокатчиков. Прекрасно, но в душе торжествую, что все восстание ликвидировано собственными средствами, для более наглядного доказательства этого факта, первой прибывающей части, батальону самокатчиков, назначаю стоянку в доме Кшесинской.

Организация прибывающего отряда довольно оригинальна: во главе его поставлен некий прапорщик Мазуренко¹⁶⁰, с подполковником Параделовым в роли начальника штаба. Свое собственное назначение командующим войсками, хотя и с генеральскими погонами, я иногда склонен считать чрезмерно революционным, но если подчинять бригадных командиров прапорщику, даже популярному среди комитетчиков, то после этого никакой дисциплины в войсках быть не может. Как Керенский этого не понимает?

Получаю бумажку от правительства, что Мазуренке приказано «согласовать свои действия с моими». Вопрос о естественном его подчинении мне обойден молчанием. Какая ерунда. Сообщаю это Якубовичу. Он негодует и берется эту ошибку исправить. Появляется Мазуренко, коему я отвожу помещение у себя в штабе.

Он, по-видимому, сильно разочарован, узнав, что ему собственно делать нечего. В виде утешения предлагаю использовать его кавалерию для окончательного водворения порядка в некоторых загородных местах, например, на пороховых заводах и в Сестрорецке. В этом последнем пункте вооруженные рабочие попытались захватить укрепления, но потерпели неудачу, а когда я послал гарнизону подмогу, рабочие выдали все имеющееся у них оружие.

Пользуясь этим прецедентом, я решил обезоружить петроградские заводы, где благоразумные элементы стали под шумок присылать мне депутации, обещаясь показать тайные склады оружия, но правительство запротестовало, объявив мне, что всякий гражданин имеет право владеть оружием, и мои уверения, что почти все винтовки — казенные, краденыс

или незаконно приобретенные от солдат, остались гласом вопиющего в пустыне. Не угодно ли действовать с поддержкой такого правительства... Одно присутствие их коллегии в моем штабе крайне неудобно. Хотя я и отвел им отдельную комнату с телефоном, а у дверей своего кабинета поставил часового от юнкеров, с приказанием решительно никого не впускать без благословения дежурного адъютанта, однако, господа министры теребят меня нещадно и беспрестанно вмешиваются в дела, их не касающиеся.

Но если правительство меня удручает, зато войска радуют. Преображенцы, а за ними остальные части 1-й дивизии решили переформироваться в резервные полки. Мое долготерпение вознаграждено. Солдаты очень заинтересованы документами Алексинского, и со всех сторон меня спрашивают: «правда ли это?». Отвечаю, что это далеко еще не все, что нам известно.

Помню несколько фактов, характеризующих солдатское настроение духа этих дней. Однажды стою на лестнице штаба в то время, как по ней поднимаются великие народные деятели: Либер¹⁶¹ и Гоц¹⁶². Слышу в группе стоящих внизу солдат громкий возглас: «У! жида проклятые». — С улыбкой замечаю: «Ваши же избранники!»

Другой раз, подходя к штабу, вижу какое-то крупное волнение в толпе солдат-преображенцев из соседней казармы и запасных кавалеристов из резерва в Зимнем дворце. Оказывается, солдаты узнали проходившего знаменитого большевика Каменева¹⁶³ (настоящей фамилии его не помню) и хотели его тут же растерзать. Только под влиянием более умеренно настроенных офицеров дело ограничилось арестом и водворением под караул в штаб. Однако вижу, что стра-

сти далеко не улеглись, а потому обращаюсь к толпе, состоящей, главным образом, из преображенцев, с успокоительной речью, обещаясь дело разобрать и, во всяком случае, не выпускать Каменева без предупреждения о том преображенцев. Кончаю тем, что они могут быть спокойны, ибо за всю свою службу я никогда ни одного солдата не обманул. Народ довольно спокойно расходится, повторяя убедительные просьбы не выпускать Каменева. Вхожу в штаб, где нахожу сию личность, сидящую в кабинете дежурного генерала в весьма трепетном состоянии. Гуляю по комнате, невольно напевая слова кавказской песни: «нам каждый гость дарован Богом, какой бы ни был он среды». Делаю распоряжение, чтобы «гостя» никуда не выпускали, и с веселым сердцем удаляюсь. Удивительная вещь народная психология.

При этих обстоятельствах весьма незавидный прием встречает депутация сапер, явившаяся ко мне с бумажкой от батальонного комитета с целью выяснить, почему был «снят» их караул в редакции «Правды» накануне. Гневно заявляю: «Не вы должны такие вопросы задавать, а я должен вас спросить, как вы смели, где бы то ни было выставить караул без ведома Штаба? Удивляюсь вашей дерзости. Кругом!». Позднее явилась другая депутация от тех же сапер, — извиниться за происшедшее недоразумение. — То-то.

В шестом часу вечера приходит ко мне милейший Гоц, очень хорошо поработавший эти дни, и просит меня отпустить Каменева. Отвечаю, что меня лично его судьба мало интересует, но что я обещался преображенцам не выпускать его без их ведома, обманывать их я не намерен, уговаривать их сменить гнев на милость я тоже не собираюсь, однако, если ему хочет-

ся добиться освобождения Каменева, предлагаю ему зайти сейчас вместе со мной к Преображенцам и с ними потолковать. Собираем представителей тех рот, солдаты коих участвовали в аресте Каменева, и Гоц начинает красноречиво доказывать, что такой арест является незаконным насилием, что мы должны, наоборот, устанавливать закономерный порядок, что, совершая подобные насилия, мы превращаемся во врагов революции и т. д., и т. д. Я сижу безучастно в уголку, покуривая одну папироску за другой, и с удовольствием наблюдаю весьма ироническую улыбку на преображенских рожах. Среди них находится только один (к сожалению офицер), поддерживающий Гоца, зато остальные ораторы злобны до невероятия, и Гоцу приходится из солдатских уст слышать чрезвычайно жестокий вариант на тему, что насилие нужно встречать насилием. Но он не унывает, собираясь, очевидно, взять публику измором. Я нем, как рыба, но решаю, что, если преображенцы все-таки упрутся, то тогда, в конце концов, я попрошу их выпустить Каменева на том основании, что мне некогда со всякой дрянью возиться и что это дело гражданских властей. Несомненно, тогда дело кончится смехом. Однако, и без того, по обращенным ко мне взглядам вижу, что солдаты учитывают мое отношение к этому делу. Кончается все совершенно по-русски: с добродушной улыбкой, махнув рукой, преображенцы заявляют: «А ну его». Тогда я тоже с улыбкой говорю, что вполне сочувствую их воззрению, и теперь я выпущу Каменева, достаточно натерпевшегося за этот день спасительного страха. И действительно, мне совсем не хочется держать его в штабе до Второго Пришествия, а настроение в казарме на Миллионной превзошло все мои ожидания. Рагозин выпускает Каменева с черного хода и отправляет его домой на моем автомобиле. Ка-

ково великодушие победителей.

Сознаюсь, что во время заседания у преображенцев, несмотря на мою искреннюю симпатию к личности Гоца, как деятельного работника по сохранению порядка, я позволил себе два раза обратиться к нему не с обычным «товарищ Гоц», а с произнесением его имени и отчества «Абрам Рафаилович», что было тотчас замечено собранием. Ничего против Гоца не имею, наоборот, но уж очень обидно, что после революции не русские люди являются народными руководителями, а множество евреев и грузин, вроде Церетели и Чхеидзе. В частности, что касается евреев, то если теперь среди консервативных элементов начинает расти антисемитизм, то сами евреи в этом виноваты. Уж очень много их набралось во всех революционных комитетах, и это начинает публику раздражать, а среди большевистских главарей их процент, кажется, недалек от 100.

Наступает столь памятное мне 6-ое июля. Столпотворение в штабе, по обыкновению, великое. Заработала составленная по моему приказанию юридическая комиссия для расследования восстания и привлечения к ответственности виновных. Арестованных приволакивают в огромном числе. Кого только солдаты не хватают и не тащат в штаб? Немного напоминает манию арестов в первые дни революции. Всякий старается поймать большевика, ставшего теперь в народном представлении германским наймитом. Самого Керенского растерзали бы, если бы, например, получили бы более широкое распространение сведения, циркулирующие в публике, о том, будто он состоял в былые дни юрисконсультom немецкой фирмы Шпана, оказавшейся впоследствии шпионским учреждением.

У солдат чувство, что их хотели обмануть, и они ретивы до крайности. Юнкера же проявляют такое рвение, что мне приходится их неоднократно успокаивать. Предвижу, что контрреволюционные приемы — прикладами по большевистским физиономиям — будут поставлены в вину мне, а потому усиленно прошу правительство отвести для комиссии другое помещение и подальше от штаба, куда можно было бы направить волну арестованных. Доказываю, что и места в штабе нет, особенно после того, как я приютил и Временное Правительство и штаб Мазуренко. Обещаются исполнить мою просьбу, но время проходит, и некоторые члены Совета начинают приходить ко мне с жалобами на произвольные аресты вполне благонадежных советчиков, совершаемые иногда и не без физического воздействия. Совет, по-видимому, оправился от паники и, видя, что теперь события решаются в моем кабинете, а не в Таврическом дворце, хочет восстановить свою власть.

Сознаюсь, что за последние дни мне по необходимости пришлось слегка игнорировать сидевших у меня двух дежурных членов Совета, — не было времени, да и не к чему было с ними совещаться. Только иногда я ставил их в известность о наиболее крупных распоряжениях, как об уже совершившихся фактах. Среди общей сумятицы приятно смотреть на сияющее лицо Никитина, взявшего под свое надежное крыло из толпы арестованных большевиков многих хорошо известных и опасных немецких шпионов.

Около полудня получаю зашифрованную телеграмму от Керенского, что он приезжает сегодня перед вечером и желает, чтобы ему была устроена торжественная встреча: у вокзала должен быть выстроен от-

ряд Ребиндера, а все войска, прибывшие в Петроград с фронта, нужно поставить шпалерами от вокзала до места нахождения правительства. Восхитительно! Однако, я не согласен обидеть те столичные части, которые в восстании не участвовали, придав въезду Керенского характер торжества фронтовых войск над пetersбургским гарнизоном. Да, кроме того, как бы редко шпалеры ни ставить, а фронтовыми частями заполнить весь путь от вокзала до штаба никак нельзя. Поэтому назначаю для встречи полки 1-й дивизии в добавление к отряду Мазуренко.

Строевое отделение штаба погружается в столь знакомую при старом режиме работу, вымерять расстояния по городскому плану для распределения полков. Дело выполняется быстро, и я, закончив все распоряжения, сижу у письменного стола, веселясь мыслями о том, как Совет посмотрит на этот наполеоновский въезд в покоренную столицу.

Вдруг открывается дверь и влетает взволнованный Скобелев¹⁶⁴ с вопросом: «Правда ли, что Вы для приезда Керенского выставляете войска по улицам?» — Отвечаю, что правда и что я на это получил приказание. Показываю телеграмму. Он хочет ее взять, но я ее из рук не выпускаю. Тогда он быстро удаляется, и через несколько минут меня приглашают в комнату Временного Правительства.

Налицо почти все министры. Церетели заканчивает телефонный разговор на грузинском языке, вероятно, с Чхеидзе, после чего князь Львов мне задает вопрос о торжественной встрече Керенского. Протягиваю ему телеграмму. Он ее внимательно читает, а потом мне говорит, что Временное Правительство имело суждение по этому делу и решило, что Александр Фе-

дорович, находясь на фронте, не отдает себе отчета в политическом настроении города, что такое торжество несвоевременно и что поэтому его следует отменить. Ясно, Совет запугал.

Возражаю, что, по моему мнению, политическое настроение весьма благополучно, но что дело не в этом, а что весь вопрос для меня сводится к тому, что, получив приказание своего прямого начальника, военного министра, я не представляю себе, как я могу его не исполнить. Тогда вскакивает Церетели и торжественно меня вопрошает: «Иначе говоря, Вы, генерал, отказываетесь подчиниться повелению Временного Правительства?» Отвечаю, что за всю мою службу мне не приходилось встречаться с таким конфликтом властей, но что встречу я отменю, если князь Львов сообразоволен собственноручно на телеграмме военного министра написать постановление правительства и под ним подписаться. Присовокупляю, что, согласно уставу, я всегда провожаю и встречаю военного министра с почетным караулом, а на этот раз вместо почетного караула я поставлю на Царскосельском вокзале за решеткой около царского павильона отряд Ребиндера, так как Керенский, по-видимому, хочет раньше всего этих людей поблагодарить.

Против этого, конечно, никто протестовать не может, а князь Львов под текстом телеграммы выписывает, что правительство, обсудив вопрос, постановило: заключающееся в этой телеграмме приказание отменить и ставит под постановлением свою подпись. Я удовлетворяюсь, кладу драгоценный документ в карман и ухожу. Встречу отменяю, за исключением казаков и конно-артиллеристов. А все-таки жаль, что правительство у меня в штабе. Не будь этого, никогда

бы они меня вовремя не поймали, встреча бы состоялась, что было бы очень полезно для войск, а потом, какой бы вышел интересный треугольный конфликт между правительством, Советом и Керенским.

Еду встречать Керенского. В ожидании поезда беседую с казаками и конно-артиллеристами. Эти молодцы, оказывается, отказались от получения каких бы то ни было крестов и медалей, хотя я и предложил командирам представить к наградам раненых и наиболее отличившихся.

Подходит поезд. Вхожу вместе с остальными встречающими в министерский вагон и рапортую, что порядок в городе восстановлен. Происходит неожиданная сцена: Керенский обращается к Якубовичу и благодарит его за проявленную им энергию при подавлении беспорядков, — (он-то при чем?) — а, затем, повернувшись ко мне, заявляет: «А вам я ставлю в вину, что при выполнении ваших обязанностей вы слишком считались с мнением Совета солдатских и рабочих депутатов». — Здорово. — Я в бешенстве, во-первых, за несправедливость, а во-вторых, за нетактичность. Если военный министр желает ругаться с командующим войсками, — приличнее было бы это сделать с глазу на глаз, а не в присутствии дюжины свидетелей. На его выходку отвечаю гробовым молчанием и ухожу, решив немедленно подать в отставку.

Становлюсь, по положению, на фланге Ребиндеровского отряда и в ожидании выхода Керенского рассказываю казачьим офицерам то, что произошло (не секрет, раз присутствовало человек 10). Они в негодовании. Но их командир, Траилин, сильно меня уговаривает не подавать в отставку, доказывая, что

собака лает, ветер носит, что войска ко мне успели привыкнуть, что они мне доверяют, что не нужно ставить крест на все мною достигнутое в этом направлении, и что пользу, которую я могу таким образом принести, нельзя приносить в жертву чувству личной обиды и т. д.

Выходит Керенский и, по обыкновению, не вглядываясь в лица казаков, на которых он мог бы кое-что прочесть, здоровается с ними. «Здравствуйте, казаки» — вместо неизменного «здравствуйте, товарищи». — Знаменательно. Затем он самодовольно проходит по фронту конно-артиллеристов, вероятно, совершенно упуская из виду, что за 5-минутное счастье его лицезреть им приходится заплатить ценой 30-верстного путешествия из Павловска, с предстоящим туда возвращением в темноте. Такие вещи принимались иногда в соображение даже при старом режиме. Красно-речивая благодарность за их подвиги, которую, впрочем, из-за глубины конного строя, могут слышать лишь немногие, вызывает «ура» качества ниже среднего. Керенский отъезжает. Публика на площади устраивает ему оvation. А когда несколько минут позже я отъезжаю, публика, состоящая из ликующих обывателей, орет восторженно и неудержимо, приветствуя во мне покорителя большевиков и восстановителя порядка.

Возвращаюсь в штаб, где Керенский уже сцепился с Временным Правительством. Сначала не без ехидства сообщаю дежурным членам Совета, к чему мое дружелюбное отношение к ним привело, а затем, полюбовавшись их недоумением, заявляю Пальчинскому и Туманову, что несмотря на мои нравственные обязательства по отношению к компании младотурок,

вытащивших меня в Петроград, я выносить отношения ко мне Керенского больше не намерен и подаю в отставку. Они усиленно меня убеждают этого не делать, приводя, примерно, те же доводы, что и Трайлин, что нельзя общую пользу ставить в зависимость от личных чувств. Из разговоров с ними выясняется многое: во-первых, в продолжении беспорядков мне некогда было заниматься писанием донесений Керенскому, кроме того, считая, что Якубович является заместителем военного министра, я его держал в курсе событий и не заботился о том, в каком духе он пишет свои донесения. В результате Керенский, получив от меня всего пару телеграмм, а от Якубовича, вероятно, множество, да еще неизвестно с каким освещением, вынес впечатление, что я ничего не делаю, а распоряжается Якубович. Во-вторых, мне сообщают, что сильно подработал Керенского против меня Терещенко, почему-то, по-видимому, меня не взлюбивший.

Все эти данные еще более усиливают мое желание унести ноги от политической грязи. Но Пальчинский вдруг приводит ко мне в кабинет Керенского и начинает его отчитывать, говоря, что он понятия не имеет о действительном ходе событий в Петрограде, что он ко мне несправедлив и т. д. К великому моему изумлению, Керенский смущенным молчанием встречает резкую отповедь Пальчинского, а затем подходит ко мне и извинительно протягивает мне руку. Заключая с ним мир, хотя убежден, что ненадолго. После его удаления Пальчинский с улыбкой мне говорит: «Видишь ли, когда мне нужно, я многое могу с ним сделать». Недоумеваю.

Мое личное мнение, что Керенский просто на мне сорвал свою злость за провал какой-то его комбина-

ции. Вероятнее всего, что, уезжая на фронт, за несколько дней до восстания, он прекрасно знал о большевистских планах и рассчитывал на то, что большевики изничтожат Совет, а тогда, покорив буйную столицу при помощи войск с фронта, он вознесется до роли спасителя Отечества, отделавшись от Совета и показав слабость правительства (попутно и мою, конечно). Этот план я разрушил, покончив дело своими средствами. Тем не менее он, очевидно, захотел создать в умах публики впечатление, будто он спас положение, и с этой целью заказал торжественную встречу при участии одних только фронтовых войск. Но и тут я его невольно подвел.

После примирения я ему показал его телеграмму с постановлением правительства, так как он, по всем вероятностям, решил, что я отменил встречу под давлением Совета. Наконец, беспорядки не привели к конфликту между мной и благоразумными элементами Совета, а на такой конфликт, как я уже упомянул, Керенский давно в тайниках своей души, наверно, надеялся. Таким образом, из восстания большевиков ему ничего не очистилось, наоборот, городское население скорее склонно поставить ему в вину его отсутствие из столицы во время беспорядков, неизбежность коих была ясна всякому.

Понятно, что он зол, и после меня испытать его ярость приходится Временному Правительству. На господ министров он орет так, что через две комнаты слышно, а между тем стены штаба основательные. Его крики неожиданно заглушаются звуками трубачей с Дворцовой площади. Оказывается, проходит один из прибывших с фронта полков, ябургские уланы¹⁶⁵. Мое кавалерийское сердце радуется. Несмотря на

темноту, посылаю приказание полку остановиться перед штабом и построиться. Выхожу. Беру лошадь у одного из унтер-офицеров и объезжаю фронт, здороваясь с эскадронами. Лицо командира в темноте не разобрал, но некоторые ноты в его голосе мне кажутся знакомыми, и вдруг узнаю в нем старейшего приятеля, бывшего конно-гренадера, Скуратова. Кидаемся друг другу да шею. Вскоре выходит Керенский и говорит полку речь, которую я, стоя на фланге, совершенно не слышу, как, впрочем, и большинство солдат. Полк уходит.

Возвращаюсь в штаб, где усиленно проповедуется мысль о том, что нужно арестовать всех большевистских руководителей. Присоединяюсь к этой мысли, хотя убежден, что, в конечном исходе, это ни к чему не приведет, ибо правительство никогда не сможет составить судилища, достаточно решительного, чтобы воздать этим господам должное и расправиться с ними так, как они бы с нами расправились, а непродолжительный арест, сопровождаемый торжественным освобождением, только послужит к их возвеличению. Единственное правильное решение было бы покончить с ними самосудом, что при данном настроении солдат и юнкеров очень легко устроить. Если бы дело касалось меня одного, я бы, конечно, ни минуты не задумался бы, даже зная, что потом пришлось бы навсегда поссориться и с правительством, и с Советом. Но не могу же я подвергнуть риску крупных неприятностей своих ближайших помощников, а также исполнителей.

Все-таки, не без удовольствия, принимаю из рук Керенского список 20-ти с лишним большевиков, подлежащих аресту, с Лениным и Троцким¹⁶⁶ во главс.

Список составлен в штабе и одобрен правительством. Балабин и Никитин торжествуют. Последний имеет очень точные данные о месте нахождения разных большевиков и, хотя многие, как известно, удрали в Кронштадт или в Финляндию, однако список городских квартир, занятых большевиками, довольно обширен. Балабин сейчас же рассылает на автомобилях офицеров с юнкерскими конвоями. Офицер, отправляющийся в Териоки с надеждой поймать Ленина, меня спрашивает, желаю ли я получить этого господина в цельном виде, или в разобранном... Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу.

Только что рассылка автомобилей закончилась, как Керенский возвращается ко мне в кабинет и говорит, что арест Троцкого и Стеклова¹⁶⁷ нужно отменить, так как они — члены Совета. Недурно! Особенно, если вспомнить, что мне было поставлено в вину чрезмерное уважение к Совету. Отвечаю, что офицеры, коим поручены эти аресты, уже уехали и догнать их нет возможности. Керенский быстро удаляется и куда-то уносится на автомобиле. А на следующий день Балабин мне докладывает, что офицер, явившийся в квартиру Троцкого для его ареста, нашел там Керенского, который мой ордер об аресте отменил¹⁶⁸. Куда девались грозные речи Керенского о необходимости твердой власти! Лишний раз убеждаюсь, что у большевиков есть какой-то таинственный способ воздействия на Керенского, более могущественный, чем у Пальчинского.

Для характеристики того, как ведутся дела у Керенского в морском ведомстве, приведу следующий образец: когда я обезоружил моряков в Петропавлов-

ской крепости, явился ко мне Лебедев, заместитель Керенского по должности морского министра, и спросил, что я намерен с ними делать. Отвечаю, что решил их отпустить на все четыре стороны и что, по моим сведениям, они собираются воссесть на свои баржи и пароходы для возвращения восвояси. Держать их в городе нет смысла: чем скорее они уберутся, тем лучше, и даже, быть может, их появление в Кронштадте, без оружия и со срамом, покажет тамошним республиканцам несвоевременность десантных операций против столицы при теперешнем настроении ее гарнизона.

Лебедев возражает, что с такой точкой зрения он не согласен, и что он сейчас вызовет из Ревеля миноносец и потопит всех кронштадцев на пути домой. Отвечаю, что, если это ему удастся, я со своей стороны могу только искренне сочувствовать такому способу питания рыбок Финского залива.

Но дело оказывается далеко не простым. Начинается с того, что на беспроволочном аппарате в Адмиралтействе товарищ-телеграфист отказывается передать шифрованную депешу, если ему не сообщат ее содержание. Товарища выгоняют, а депешу передает офицер. Но в Ревеле получивший ее товарищ поспешил в комитет с этим подозрительным документом. Что произошло, мне неизвестно. Кажется, офицеры, под страхом смертной казни, расшифровали в присутствии комитетчиков, и содержание депеши стало известным. Во всяком случае, несчастный адмирал Вердеревский¹⁶⁹ не имел никакой возможности исполнить приказание. Но если бы миноносец и был бы послан, глубоко убежден, что он огня по кронштадцам не открыл бы. Мораль: по нынешним временам, раньше.

чем отдать приказание, нужно основательно взвесить шансы на его выполнение, а то даром осрамишься.

Вместо миноносца появилась депутация от флота требовать от Лебедева объяснений по поводу его контрреволюционных действий. Он попросил меня депутацию арестовать, что и было исполнено. Затем появился на Неве крейсер «Аврора», — требовать объяснений по поводу ареста депутации, но беспечно пристал к Английской набережной, после чего все товарищи на нем легкомысленно завалились спать. Я отправился ночью с георгиевцами и юнкерами, занял набережную около крейсера, поставив два броневых автомобиля в таком положении, чтобы, в случае необходимости, окатить пулеметами палубу крейсера и не позволить товарищам ни отчалить, ни открыть боевых действий. После этого представители морского ведомства отправились к ним для переговоров и все обошлось без кровопролития.

Финал всего скандала, уже после прибытия Керенского, принял неожиданную форму. Как-то рано утром приехал ко мне Лебедев и сообщил, что Вердеревский приезжает к Керенскому для объяснений и что меня просят сделать распоряжение об его аресте в ту минуту, когда он будет выходить из кабинета министра. Мне приходится примериться к обстоятельствам и признать приказание Керенского равносильным Высочайшему повелению, необходимому, по положению, для ареста такого высокого чина.

Наряжаю тактичного офицера из штаба с парой юнкеров, подписываю ордер, и адмирал, за неисполнение приказа министра, попадает в Комендантское Управление¹⁷⁰... А Троцкий на свободе. Вместо потопления кронштадцев получилось только даль-

нейшее расшатывание власти и дисциплины.

Тем временем аресты большевиков дают Никитину обильную жатву. К сожалению, офицер, ловивший Ленина, прибыл в Терриоки через полчаса после того, как большевистский герой бежал куда-то дальше¹⁷¹. Однако, на даче, где он перед этим находился, оказался Стеклов, который, ввиду такого очевидно-преступного сообщества, был «приглашен» в штаб под конвоем для объяснений, но не арестован. Получив из Терриок донесение по телефону, еду к Керенскому спросить, что делать со знаменитым Нахамкесом? Он настаивает на том, чтобы его не арестовывать, а пригласить в штаб прокурора для его допроса. Воздерживаюсь от личного участия и предоставляю все дело Балабину и Никитину. В штаб прикатывает из Совета Чхеидзе с двумя подручными, чтобы присутствовать при допросе. Это сильно подбадривает Стеклова.

Сей нахал начинает с протеста против насильственного приглашения в штаб его, «представителя Совета Рабочих и Солдатских Депутатов всяя Руси» (дословно), и вообще ведет себя крайне развязно. Однако, сильно сбавляет тон, когда Никитин ему напоминает, что, по достоверным, имеющимся у нас сведениям, он такого-то числа на заводе Леснера призывал рабочих к вооруженному восстанию, а такого-то числа делал то же самое в другом месте. Тем не менее, запуганный прокурор не решается сделать постановление об его аресте, как зачинщика восстания, и Балабину приходится его отпустить, а меня лишают права производить аресты.

В беседе с Керенским выясняю дальнейший план действий. Я хочу из частей, принимавших участие в

восстании, расформировать 1-й пулеметный полк, гренадеров и москвичей, а затем добраться до запасных пехотных полков. Потом, сплавивши всю дрянь из остальных полков, зажечь новой жизнью. Не говорю, конечно, о своей заветной мечте, — добиться впоследствии перевыборов в Совет, намекнув солдатам, что Совет не может являться выразителем мнения гарнизона в его новом, очищенном виде. Керенский вдобавок настаивает на расформировании остальных полков 2-й дивизии. Однако, я протестую, особенно в отношении павловцев. Памятуя, чем полк был в старые времена, сильно надеюсь, что мне удастся их привести в христианскую веру. Керенский с моими доводами, наконец, соглашается.

Обсуждаем, куда девать солдат, подлежащих высылке из столицы. Портить и без того разваливающийся фронт посылкой туда всей дряни — нежелательно. Предлагаю отправить их на постройку Мурманской железной дороги, но Якубович в конце концов что-то придумывает. В заключение Керенский настоятельно от меня требует расформирования броневого автомобильного отряда и отправки всех машин на фронт. Говорю, что это трудно, так как в отношении их придаться не к чему: они во время восстания вели себя очень корректно, хотя, конечно, знаю, что они больше в руках Совета, чем в моих. — Обещаюсь над этим вопросом подумать.

Возвращаюсь в штаб, где ко мне приходит Авксентьев¹⁷² и Гоц с парой представителей Совета. Они меня просят сообщить новости. Говорю им о предстоящем расформировании частей и не скрываю о намерениях Керенского по отношению к броневикам, что их приводит в неопишемую тоску. Все равно уб-

рать броневики без их ведома невысказуемо, а в глубине души рассчитываю, что мое сообщение о броневиках поведет к конфликту между Керенским и Советом, после чего, может быть, наступит конец несносной двуличной политики обеих сторон по отношению друг к другу. Во всяком случае, благоразумная часть Совета, столь честно мне помогавшая, не сможет сказать, что я участвовал в тайном заговоре против них.

Приступаю к расформированию 1-го пулеметного полка. Посылаю за командиром и вручаю ему приказ о расформировании. Он, кажется, не особенно опечален. Требую, чтобы полк явился без оружия на Дворцовую площадь, а чтобы все пулеметы и ручное оружие было доставлено на двуколки и сложено во дворе Зимнего дворца. Оказывается, доблестные защитники революции за время беспорядков потеряли что-то около 30-ти пулеметов, со времени же большевистского поражения по ночам трепещут, ожидая внезапно нападения с моей стороны, и выставляют ко всем воротам сильные караулы с пулеметами, а весьма многие разбежались.

При таком настроении, естественно, что, получив мое приказание и промитинговав всю ночь, господа пулеметчики постановляют беспрекословно подчиниться моим требованиям. Устраиваю им торжественную встречу, выстроив на одной стороне площади несколько эскадронов кавалерии и самокатчиков от фронтовых войск, а на другой — части 1-й дивизии. Обхожу войска, здороваюсь и принимаю впервые рапорт от переформированного «Гвардии резервного Преображенского полка».

Объяснив, что мы начинаем новую жизнь, я, обходя фронт, с улыбкой придираюсь то к расстегнутой

пуговице, то к плохо пригнанному поясу. У солдат физиономии веселые, настроение великолепное. Приходят пулеметчики, а за ними повозки с имуществом. Из списочного состава 19 тысяч оказалось налицо тысяч 7-8. Казаки после ухода полка обшарили казармы и пригнали еще партию оставшихся. Окруженные строем войск, пулеметчики сконфуженно стоят у Александровской колонны. Пока идет сдача оружия, комиссия по разбору беспорядков, составив несколько мелких подкомиссий, производит быстрый допрос пулеметчиков по ротам, с целью выяснить картину участия полка в восстании и задержать наиболее виновных. Очевидно, главные зачинщики скрылись. Предвидя, что дело займет несколько часов, совершаю маленькую прогулку верхом по городу, во время которой замечаю удивительный случай: два солдата стали мне во фронт. Рагозин предлагает их арестовать, как контрреволюционеров¹⁷³.

Что настроение в войсках не понижается, ясно, например, из такого факта: однажды поздно ночью мне докладывают, что конно-артиллеристы арестовали в Павловске знаменитую Суменсон, легкомысленно поселившуюся где-то около их казарм, и привезли ее в штаб, но желают непременно видеть меня. Выхожу к ним и вижу уныло сидящую в углу г-жу Суменсон в крайне печальном виде: вся в синяках и кровоподтеках, лицо распухло, — словом, избитая до неузнаваемости.

Конно-артиллеристы очень твердо, но со злобными нотами в голосах, заявляют мне, что они теперь не верят ни правительству, ни Совету, так как оба эти учреждения только покровительствуют немецким шпионам, а потому Гвардейская конная артиллерия

решила свою драгоценную добычу передать лично мне, крепко надеясь на то, что я по крайней мере не выпущу эту мерзавку на следующий же день. Обещаю им, что, пока я стою у власти, она выпущена не будет, сердечно благодарю их за правильное понимание долга и за оказанную моей контрразведке услугу, но заканчиваю тем, что бабу так бить не следовало бы. Вижу по солдатским лицам, что госпожа Суменсон отделалась, по их мнению, еще слишком легко, а потому на этой подробности не настаиваю. Никитин принимает арестованную вместе с найденным в ее квартире чемоданом и, поблагодарив еще раз артиллеристов, отпускаю их домой.

В 3 часа ночи еду в Пересыльную тюрьму. Проверяю караул. Потом убеждаюсь в наличии госпожи Суменсон, заглянув в дверное окошко ее номера: она спит без всяких одежд, — вдобавок, скинув одеяло и, по-видимому, солдатские кулаки оставили следы не только на ее лице. Вернувшись в штаб, посылаю в Павловск телеграмму, сообщая конно-артиллеристам порядок окарауливания их крестницы: пускай знают, что к данному обещанию я не отношусь легкомысленно.

Сообразуясь с этими новыми веяниями в казармах, я начинаю выпускать когти. Посылаю одну сотню казаков навестить товарищей-сорокалетних на Семеновском плацу. Этого оказывается вполне достаточно, и знаменитая республика ликвидируется во мгновение ока. Ее подданные быстро нагромождаются на поезда и исчезают в туманной дали, — куда? — не мое дело.

Потом приглашаю командира стрелков 3-го полка и предлагаю ему немедленно собрать всю его компа-

нию в Царском Селе, удалив, таким образом, из столицы стрелков из Петропавловской крепости и из казарм на Гороховой около Мариинского дворца. Говорю, что прямых доказательств их участия в восстании у меня нет, но большевистские тенденции их мне достаточно известны, а потому сосредоточение их в здоровой атмосфере царскосельского гарнизона будет им очень полезно. Такое распоряжение, конечно, идет в разрез с точкой зрения Совета на святость постановления о невыводе из столицы войск, участвовавших в революции, но раз, с благословения правительства, я расформирую несколько полков за участие в восстании, никто из-за нескольких рот ко мне не придерется, а для очистки столицы от ненадежных войск эта мера необходима.

Между прочим, в 3-м стрелковом произошел любопытный случай: один из офицеров, председатель солдатского комитета на Гороховой, торжественно принес мне однажды резолюцию стрелков — беспрекословно и свято, при всяких обстоятельствах, исполнять только мои приказания. После восстания выяснилось, что чуть ли не в тот же день комитет стрелков в Петропавловской крепости вынес постановление о беспрекословном подчинении одному только Ленину, причем это постановление было написано рукой того же офицера, что и резолюция на Гороховой.

Будучи допрошен по поводу такого курьеза, находчивый юноша объяснил, что в Петропавловской крепости он только присутствовал и в прениях не участвовал, но что ввиду отсутствия грамотных сочленов комитет попросил его записать постановление. Эта уловка не спасает его от моего гнева, и он отправляется под арест в Комендантское Управление вместе с

другими офицерами, проявившими провокаторские наклонности во время восстания. Об их аресте, с объяснением причин, отдаю в приказе по округу.

Вообще тон приказов меняю резко. Издаю один, где требую большей аккуратности при несении караульной службы, говоря, что необходимо немедленно со всех постов скамейки, табуретки и «прочую дрянь» убрать; заканчиваю требованием, чтобы солдаты ходили прилично одетыми и с погонами, «дабы можно было во всякое время отличить солдата от беглого арестанта».

Злые языки совершенно неосновательно решили, что я намекаю на тужурку без погон, носимую Керенским, но больше всех обиделся Кузьмин, заявивший мне, что среди арестантов бывают очень порядочные люди. Прошу его припомнить собственные его арестантские дни при старом режиме и спрашиваю, имел ли он тогда воинский вид. Создается, что нет, и ничего после этого не может возразить против редакции моего приказа.

Керенский, слава Богу, на свой счет моих слов не принял; наоборот, прислал ко мне Якубовича с выражением полного удовольствия по поводу моих приказов и обещанием всякой поддержки, если я буду действовать столь энергично. По-видимому, в Довмине они считают словесные и письменные извержения за истинное проявление деятельности.

Говорю, что подобные приказы я и перед восстанием мог бы писать дюжинами, но тогда они бы не соответствовали настроению, — никто бы их не исполнял и я приучил бы солдат смотреть на мои приказы, как на воззвания Временного Правительства. А

теперь я убежден, что они будут прочтены и исполнены. За обещанную поддержку сердечно благодарю, и даже кончаем разговор объятиями, несмотря на то, что на младотурецкие совещания у Пальчинского Якубович больше не приглашается после его двусмысленного поведения по отношению ко мне в дни восстания.

Быть может, Керенский, действительно, одумался и с ним можно будет работать. Слухи про нашу ссору распространились в публике, и кое-какие намеки появились в газетах. По моему требованию, Кабинет военного министра¹⁷⁴ написал официальное опровержение, доказывая, что, наоборот, мною очень довольны. Но даже участие Терещенко, по-видимому, стало известным. Сужу по тому, что, совершив однажды поздно вечером объезд города на машине броневое отряда, и при возвращении в штаб, проезжая мимо фасада Министерства иностранных дел, я услышал из уст автомобильного офицера забавное предложение: «А не прикажете ли выкатить пару броневиков и хорошенько обстрелять это учреждение?» Отказываюсь от любезного предложения.

Другой результат всех этих слухов проявился в том, что как-то ночью получаю таинственное приглашение на закрытое заседание главарей казачьего съезда на Надеждинской. Ничтоже сумняшеся, еду. Они меня просят осветить им политическое положение. Говорю, что раз заседание келейно, то я могу по дружбе это сделать, и весьма откровенно выкладываю им многое. Они очень благодарят, но, видимо, я на них нагнал некоторую тоску. Очевидно, огромное большинство Керенского недолюбливает, но последние его сторонники убеждаются в его непригодности

на роли «спасителя Отечества». Кое-кто из более горячих голов говорит о необходимости грозного протеста от лица всего казачества. Указываю на вероятную бесполезность такого шага, соединенную с опасностью попасть в контрреволюционеры, хотя, конечно, попытка не пытка. Мое всегдашнее мнение таково, что в столице им нельзя ничего сделать и что главная их задача — охранять объединенное казачество от проникновения большевизма. Представители молодежи, по-видимому, ожидали от меня более энергичного поощрения на решительные действия. Однако, расстаемся с массой взаимных любезностей.

После большевистского восстания произошли перемены в правительстве. Керенский вытурил Переверзева, не знаю в точности, за что, быть может, за обнаружение шпионских документов, столь сильно скомпрометировавших господ большевиков. Во всяком случае, я по телефону выражаю ему свои симпатии, говоря, что, вероятно, и я сам скоро уйду с арены за борьбу с темными силами. Об уходе князя Львова и вознесении Керенского в председатели Совета¹⁷⁵ я узнал довольно странным образом: вошел ко мне в кабинет прокурор Синода Львов¹⁷⁶ и торжественно заявил: «Наша взяла». Никак я не мог сначала уразуметь, что сей государственный муж разумел под словами «наша», и был крайне удивлен, выяснив, что победа Керенского соответствует заветным стремлениям обер-прокурора.

В связи с переменой в психологии петроградского гарнизона очень было мне любопытно наблюдать настроение войск, прибывших с фронта. Вскоре после их прихода, в Преображенском полку состоялось собрание представителей всех полковых комитетов, как

фронтовых войск, так и столичных, куда я, конечно, поехал.

Совет прислал нескольких из своих говорунов, которые приветствовали представителей вновь прибывших войск и побеседовали на тему о демократическом единении, но вдруг на трибуну взошел Алексинский и, повернувшись к кучке членов Совета, начал жестоко их отчитывать, красноречиво доказывая, что единения быть не может и что мы Россию не спасем, пока Совет в своей среде укрывает большевиков. Пускай изгонит из Таврического дворца эти гнусные элементы, — тогда мы сможем протянуть Совету нашу руку для совместной работы по установлению порядка на Руси. Пока это не сделано, все речи членов Совета он считает лживыми и фальшивыми.

Речь Алексинского вышла блестящей и была покрыта таким дружным громом рукоплесканий, что мое сердце возрадовалось, чувствуя близость минуты, когда можно будет подбить публику на перевыборы в Совет, без опасения на то, что гнусные элементы опять в него проскочат. Когда Алексинский сходит с трибуны, крепко жму ему руку. Господа советчики пробуют ему возражать, но неубедительно, и ясно, что симпатии слушателей не на их стороне. Потом я захожу на трибуну и, подвергнувшись горячей овации, заявляю, что я пришел сюда с целью дать вновь прибывшим беспристрастное освещение происшедших в столице событий, а потому прошу мне задавать вопросы. Очень люблю этот способ, всегда дающий вам правильное представление о том, чем ваша аудитория заинтересована.

В данном случае первым вопросом является сле-

дующий: «На какие строевые части столичного гарнизона я мог вполне рассчитывать перед началом восстания?» — Твердо отвечаю: — «На две: 1-й и 4-й Донские казачьи полки». — Среди депутатов 1-й дивизии сильное волнение, и один из преображенцев не выдерживает и встает с вопросом: «А мы?» — Обращаясь в их сторону и улыбаясь, говорю: «Вы, друзья мои, преображенцы, хорошо меня знаете, и я вас знаю, из-за моего заявления мы не поссоримся. Пожалуйста, скажите мне совсем по совести: если бы в самом начале беспорядков я бы вас вызвал с приказанием встретить идущих к Таврическому дворцу большевиков и остановить их огнем, мог ли я быть совсем уверен, что все ваши роты выйдут на это дело беспрекословно?» Смущенное молчание является красноречивым ответом. — «Вот видите ли», — говорю я и перехожу к следующему вопросу: «Какие части в Петрограде присягали Временному Правительству?» — Отвечаю: «Две: 1-й и 4-й Донской казачьи полки». — Против этого факта никто возразить не может. Фронтовые депутаты улыбаются. Всех остальных вопросов не помню, но ясно одно, — что господа с фронта относятся свысока к петроградцам, кичась своей благонадежностью. Поэтому, раньше чем покинуть трибуну, произношу несколько защитительных слов, оправдывая поведение столичных войск особенностями их бытовых условий.

Фронтовые войска сначала очень ретивы в борьбе с большевизмом, заманивают в казармы ораторов, где подвергают их избиению и пр. Но не проходит и недели, как является Скуратов с мольбой поскорее отпустить его полк обратно на фронт, так как под влиянием всяких агитаторов начался развал. Оказывается, что войска, прибывшие с фронта, еще гораздо более по-

датливы к вредной пропаганде, чем мои, привыкшие со дня революции митинговать чуть ли не ежедневно и выслушивать всяких ораторов десятками. Большевизм — болезнь, и вы можете быть более или менее гарантированы от сюрпризов только с войсками, переболевшими ею.

Однако сюрпризами угощают меня не только большевики. Совершенно неожиданно довольно злостный сюрприз мне преподносят господа украинцы. Нужно заметить, что с первых же дней моего командования в Петрограде у меня с ними установились отношения хорошие. Началось с просьб — во всех полках сосредоточить украинцев в известных ротах. Мне такая идея понравилась в предвидении того, что самолюбивые хохлы заведут в своих ротах такой порядок, что кацапам станет совестно. Но когда я об этом заикнулся в Довмине, Якубович пришел в ярость, доказывая мне, что такая мера идет вразрез с точкой зрения правительства на украинский вопрос и что я не должен интересы своего гарнизона ставить выше интересов государственных. Тем не менее, я по секрету и на словах сообщил командирам положение вещей и разрешил неофициально образовывать украинские роты, обязавшись, в случае скандала, взять всю ответственность на себя.

Малороссия оправдала мои надежды, и первая хохляцкая рота в Царском Селе постановила нести караульную службу по строгим правилам старого устава и задолго до моего приказа убрала с постов все скамейки, часовые перестали курить и проч., а начальник гарнизона стал восторженно отзываться об украинской дисциплине.

Некоторое время все шло благополучно. Потом

разразился легкий скандал в том же Царском Селе, где очень большой процент гарнизона состоял из малороссов. Не удовлетворясь формированием рот, они задумали сосредоточиться в одном из стрелковых батальонов, превратив его целиком в украинский. Я с этим не мог согласиться, так как подобное переформирование провести келейно было невозможно. А между тем слухи об этой комбинации достигли Гатчины, где в одной из вновь формируемых для фронта артиллерийских батарей, состоявшей почти исключительно из украинцев, все они поголовно бежали в Царское для поступления в украинский стрелковый полк.

Приходится лететь на автомобиле в Царское, где на квартире коменданта собираю главарей местной рады. Если иногда бывает трудно урезонить великорусское собрание, то малороссы, с их природным упрямством, представляют собой в этом отношении материал еще гораздо более неприятный. В Царском дело затягивается на несколько часов. Особенно упорен некий коренастый и усатый стрелковый унтер, прозванный мною Гетманом Царкосельским. Он принимал деятельное участие в формировании первой украинской роты и теперь твердит, что я имел случай убедиться в успешности первого опыта, а потому должен согласиться на дальнейшую национализацию. Да кроме того Центральная Рада¹⁷⁷ этого требует.

Переговоры осложняются явным сочувствием офицерского состава, видящего в малороссах оплот для наведения порядка. Однако, после некоторых уступок с обеих сторон, продолжительные прения заканчиваются к обоюдному удовольствию. Наступает опять затишье в украинских делах, а затем получается сюрприз, о коем я упомянул выше.

Как-то утром мне доносят из Семеновского полка, что маршевая рота, приготовленная к отправке на фронт для укомплектования действующего полка, задержана вследствие протеста украинцев. Я в ярости, так как отправка маршевых рот сильно помогает разгрузке столицы от лишних войск, а кроме того полки 1-й дивизии никогда не жаловались на качество присылаемых укомплектований, как то неизменно делали полки 2-й дивизии. Поэтому задерживать приток свежих сил в 1-ю дивизию на фронте крайне нежелательно.

Еду к семеновцам, собираю полковой комитет и предлагаю украинцам объяснить, в чем дело. Оказывается, они получили предписание от Петроградской Рады, являющееся последствием инструкции из Киева и заключающееся в том, чтобы не допускать отправки на фронт солдат из украинцев до тех пор, пока правительство не согласится с требованиями Центральной Рады. Приготовленная к отправке рота семеновцев включает в своих рядах 30% украинцев, а потому они не могут допустить ее выезда из столицы. Меня лично они, мол, очень любят и уважают, но должны повиноваться требованиям Петроградской Рады.

После этого господам украинцам приходится выслушать довольно резкую отповедь от некоторых русских членов комитета, а затем я говорю, что раз они сваливают всю ответственность на Петроградскую Раду, то я желаю потолковать с этим учреждением и спрашиваю, когда оно собирается. Оказывается, будет заседание сегодня же в 8 часов вечера в Морском кадетском корпусе. Прошу предупредить Раду о моем посещении и удаляюсь, подвергнувшись, по обыкновению, дружественной демонстрации семеновского

комитета.

Еду в Довмин понюхать высшую политическую атмосферу. Узнаю, что у правительства, действительно, сильный конфликт с Центральной Радой, стремящейся чуть ли не к полной автономии, что кое-кто из министров уже в Киеве переговаривается и что только что получена конфиденциальная телеграмма о достигнутом соглашении, причем конечно правительство сильно сдало по всем пунктам, в том числе и в вопросе об украинских частях: они будут формироваться везде и чуть ли не под наблюдением военного секретариата Рады, который будет сноситься со штабами фронтов и округов. — Недурно.

Я умиляюсь от такого постоянства во взглядах правительства и радуюсь, что предугадал формирование украинских частей. Содержание телеграммы конечно секрет, пока весь состав правительства не обсудит достигнутого соглашения, но результат предстоящего обсуждения предугадать нетрудно. Намотав все это себе на ус, еду вечером в заседание Рады.

Собирается человек 10-15 главарей, по-видимому, составляющих исполнительный комитет, и я излагаю им свою точку зрения. Говорю, что я всегда был сторонником единоплеменности в составе войсковых частей, что, провоевав на фронте с кавказскими туземцами, еще тверже убедился в правильности такой системы, а потому, прибыв в Петроград, я поддержал идею формирования украинских частей, независимо от каких-либо политических течений. Таким образом я тогда им оказал услугу, вопреки ясно выраженному желанию правительства, а теперь я у них прошу услуги — не задерживать отправки укомплектований на фронт, даже если это не вполне соответствует желани-

ям Центральной Рады. Прибавляю к этому, что хотя я прошу оставить вопрос, так сказать, в плоскости моих личных отношений с ними, однако думаю, что им не придется раскаяться, исполнив мою просьбу, так как у меня имеются точные сведения, заставляющие ожидать в самые ближайшие дни благополучного окончания конфликта между правительством и Центральной Радой. После этого говорю, что им, вероятно, удобнее будет обсудить вопрос без меня, и уйду в соседнюю комнату, где болтается масса всяких хохлов.

Через несколько минут выходят члены комитета и объявляют, что они решили, в виде особого исключения, нарушить требование Центральной Рады и исполнить мое желание об отправке семеновской роты. Благодарю и остаюсь у них еще с полчаса для дружеского собеседования.

Между прочим, много от хохлов мне приходится слышать о Якубовиче, которого они ругают нещадно, говоря, что пока он не был товарищем министра, Рада не имела более деятельного сотрудника, чем он, а что теперь, вознесясь, он не только перестал им помогать, но даже всячески душит их самые естественные стремления. Стараюсь им доказать, что товарищу министра, в интересах дела, приходится жертвовать узконациональными воззрениями для более широких государственных идеалов. Однако мои доводы в защиту Якубовича производят мало впечатления. Потолковав с украинцами, возвращаюсь в штаб. Сообщаю семеновцам постановление Рады, и на следующее утро рота благополучно отправляется, что и требовалось доказать.

После подавления большевистского восстания буржуи подняли голову. Подписка в пользу семей

убитых во время беспорядков дала более 200 тысяч рублей, так что каждая вдова получила около 30 тысяч. Говорят, многие жены на Дону молят Бога о продолжении беспорядков в столице. Насколько помню, инициатива подписки исходила из Экономического клуба, ставшего местом партии и. и. (испуганных интеллигентов). Зашевелился и старый комитет¹⁷⁸ Государственной Думы, пытающийся доказать, что Правительство Керенского — учреждение незаконнорожденное, ибо, в противоположность кабинету князя Львова, оно сформировано без санкции Думы. А до созыва Учредительного Собрания нужно считать Думу единственным законным представительным собранием в России, но об ее существовании все позабыли.

Большевики тоже не дремлют. Оправившись от страха и видя, что правительство склонно с ними деликатничать, они опять подняли голову. Готовя новый скандал, они, по-видимому, хотят сначала полонить Совет, но не вооруженной силой, а мирным проникновением. Число представителей как в рабочей секции, так и в солдатской, переходящих на сторону большевиков, все увеличивается. Причины такого явления мне не совсем ясны: не знаю, кроются ли они в неудовольствии правительством, или просто в немецких деньгах. Начиная унывать, так как хорошим настроением в войсках нужно пользоваться без промедления, а очистить Совет путем перевыборов можно, если правительство быстро разберет дело восстания и круто расправится с зачинщиками. Однако шансов на такой исход мало, а между тем, если не заткнуть глотку Троцкому, солдаты скоро придут к убеждению, что раз он не пострадал за восстание, значит, он прав.

Большевики сильно работают и против меня, до-

казывая мою жестокость и контрреволюционность. Пока эта пропаганда в хороших полках не производит впечатления, но если не реагировать, какие могут получиться последствия в ближайшем будущем? Многие меня подбивают действовать без поддержки правительства и даже наперекор его желаниям, но на это я отнюдь не согласен. Довольно и без того беспорядка.

При таких условиях мне скорее следует благодарить судьбу за то, что получился разрыв между Керенским и мною и наступил конец моей деятельности в Петрограде, а произошло это следующим образом.

Однажды поздней ночью получаю приглашение немедленно прибыть в Мариинский дворец. Приезжаю. Правительство заседает, и меня просят подождать. Нахожу генерала Апушкина, тоже ожидающего. По протекции старых дворцовых лакеев получаю чай и беседую с Апушкиным. Оказывается, что после позорных скандалов на фронте, когда Корнилов приказал расстреливать беглецов, правительство, скрипя сердце, решило наконец поступиться своими заветными идеалами и попросило Апушкина, как главу военно-судного управления¹⁷⁹, заготовить проект введения смертной казни на фронте для нарушителей военного долга. Проект готов, и Апушкин принес его для прочтения. Между прочим, ввиду того, что Петроград по закону считается на театре военных действий, генерал предлагает и в столице применять смертную казнь за вооруженное восстание, как на фронте. Радуюсь, но сомневаюсь, чтобы прошло. Апушкина скоро просят в заседание правительства. Остается он там сравнительно недолго и, выходя, разводит руками. Оказывается, проект его забраковали. Попросили переделать на более мягкий тон, а про смертную казнь в столице

и слышать не хотят. Значит, последняя надежда на укрощение большевиков пропала.

Заседание кончено, члены правительства расходятся, а Керенский отводит меня к углу стола, где усаживаемся втроем с Якубовичем, и обращается ко мне с заявлением, что он мне не может больше доверять, так как его распоряжение об отправке на фронт броневых автомобилей стало известным членам Совета (кажется, ему здорово попало от Чхеидзе). Хотелось бы возразить, что без ведома Совета довольно трудно было бы убрать броневики, но молчу. Керенский продолжает, говоря, что публика возмущена контрреволюционными приемами, применяемыми к арестованным в моем штабе (это я предвидел, но до сих пор не мог из штаба выселить правительственную комиссию), а затем он делает замечание, что вообще он недоволен моею деятельностью и с улыбкой прибавляет: «Да, кажется, и Вы недовольны мною за недостаточное уважение к Совету». — Ввиду этого он меня просит подать ему рапорт с пожеланием быть переведенным на фронт. Отказываюсь и прошу меня отпустить в отставку, но он на это не соглашается, говоря, что мои военные таланты необходимо применить на фронте. Может быть, он боится, что, уйдя в отставку, я погружусь в политику и его подведу. Сторговываемся на том, что я буду отчислен в распоряжение военного министра и возьму отпуск для весьма необходимого отдыха. Что же касается назначения на фронт, то, по моему мнению, это касается Верховного главнокомандующего, а поэтому говорю, что по этому вопросу я с главнокомандующим переговорю лично. Разговор кончен. Выходим.

Якубович меня уверяет, что он ничего об этом не

знал и что для всех явилось полным сюрпризом заявление Керенского в заседании правительства, что он решил меня отправить на фронт, а на мое место назначить Эрдели¹⁸⁰.

Отвечаю, что мне лично очень приятно уйти от столичных дрызг, обидно только ставить крест на результате моей двухмесячной работы, и незавидно будет положение моего преемника, которому придется начинать все дело с начала и добиваться доверия войск при весьма сложной обстановке. В передней Мариинского дворца, отряхая прах от ног своих, покидаю, надеюсь навсегда, «совет нечестивых», именуемый Временным Правительством.

Еду в штаб для некоторых спешных распоряжений в связи с моим уходом. Необходимо, например, отменить назначенный на утро смотр Николаевскому кавалерийскому училищу. Эти мододцы, оказывается, на меня в обиде, что я их не применил во время восстания. Хотел их подбодрить и объяснить, что всегда считал их своим последним и самым надежным резервом, к которому, слава Богу, не пришлось прибегнуть. Есть и другие мелочи, о которых нужно позаботиться.

В штабе известие о моем уходе производит сильное впечатление: публика волнуется, некоторые горячие головы предлагают немедленно арестовать правительство, убить Керенского, меня объявить диктатором и т. д.

Рагозин предлагает свои услуги с тем, чтобы немедленно поехать к Керенскому, якобы с срочным поручением из штаба, и его застрелить... Прошу всех успокоиться и, видя, что больше всех кипятится Паршин, предлагаю ему для охлаждения прокатиться со

мной на автомобиле. Несмотря на поздний час, везу его к Пальчинскому, в твердом убеждении, что сей мудрец найдет подходящее направление для взволнованных страстей, губительное влияние коих начинает даже во мне поселять сомнение в правильности моего непротивления злу. Вытаскиваем оракула из кровати, усаживаемся, и Паршин начинает с жаром доказывать необходимость государственного переворота.

Пальчинский его хладнокровно выслушивает, а потом отвечает: — «Иначе говоря, ты желаешь видеть Петра Александровича в роли генерала на белой лошади. А я тебе скажу, что он для этой роли совершенно не годится и главным образом потому, что он сам этого не хочет». — Паршин убежден. А я добавляю, что мое диктаторство, при самых удачных условиях, вероятно, недели через две закончилось бы преждевременной насильственной кончиной и не меня одного, а многих.

Все равно пользы от переворота не будет, ибо если ликвидировать Совет, то нужно ликвидировать и правительство, а если я захвачу власть и сформирую свое правительство, то нужно сговариваться со Ставкой. По частным же сведениям из Ставки знаю, что на Брусилова рассчитывать нечего; наоборот, он меня объявит контрреволюционером и двинет на меня войска с фронта, а в гражданской войне шансы не на моей стороне. Во-первых, будет несомненно железнодорожная забастовка, а продовольствия у меня в столице на 10 дней, во-вторых, из 300-тысячного гарнизона я могу рассчитывать на 5, остальных большевики немедленно поднимут против меня. Кроме того, не особенно красиво затевать гражданскую войну, когда война на фронте не закончена. Да, наконец, во имя

чего? Единственные лозунги, за которыми публика сейчас пойдет, это лозунги большевиков и, главным образом, «долой войну», а под этот девиз становиться никак не могу. Словом, несмотря на всю заманчивость такого предприятия, приходится от него отказаться.

Возвращаюсь в штаб. Узнаю, будто кто-то собирается у преображенцев на Миллионной собрать представителей полковых комитетов и подбить их на какие-то насильственные меры. Посылаю туда офицера предъявить, в случае надобности, категорическое требование от меня успокоиться.

На следующий день приходится провести некоторое время в штабе, заканчивая свои дела. Отдаю приказ о сдаче временного командования Кузьмину (верх революционности — поручик будет командовать округом), пишу очень корректный прощальный приказ и т. д. Между прочим, задумываюсь над представлением командира 1-го Донского полка Траилина к производству в генерал-майоры. Если Керенский получит ходатайство за моей подписью, то он еще способен, пожалуй, упереться. Поэтому предлагаю Кузьмину подписать представление и повезти лично к Керенскому, где объяснить на словах заслуги Траилина во время беспорядков, а также, что его производство несомненно произведет среди казаков впечатление, благоприятное для Керенского. Уловка удастся, и в тот же день поздравляю Траилина с генеральским чином.

Много труда встречаю в отбитии атак любопытных газетчиков, стремящихся узнать причины моего ухода. Прошу их успокоиться, поменьше об этом писать и отказываюсь сообщить что бы то ни было, находя, что бесполезные газетные пересуды о недоразу-

нениях между Керенским и мною только внесут лишнее смятение в обывательские умы, и без того взволнованные.

Встречаю на лестнице в штабе «Гетмана Царско-сельского». Он с хитрой улыбкой мне говорит, что, кажется, Рада потребует отправки всех украинских частей в Малороссию для ее защиты. Напоминаю ему мое основное условие, поставленное при самом начале формирования украинских рот, что я на это дело соглашаюсь, только если украинцы обещаются никогда не поднимать вопроса об уходе этих рот на родину, так как я их желаю иметь в столице в роли образцовых и надежных частей. «Гетман» не без остроумия мне возражает, что это был договор украинцев лично со мной, а что теперь, раз я уже больше не Главнокомандующий войсками округа, они считают себя свободными от всяких обязательств. Ловко.

Чрезвычайно трогательно выходит мое прощание с чинами штаба. Они все собираются в большой приемной, говорят тепло и душевно, у некоторых на глазах слезы. Горячо их благодарю и прошу не слишком принимать к сердцу мой уход, так как в тяжелые минуты, переживаемые Россией, нужно работать, не покладая рук и не позволяя чувствам личных симпатий или антипатий влиять на общую пользу дела.

Покончив дела в штабе, задумываюсь над тем, кому следовало бы сделать прощальные визиты и решаю посетить только двух лиц, — Родзянко и Чхеидзе, как представителей власти законной и власти фактической. Что же касается членов правительства, предоставляю церкви возглашать им многолетие, без уразумения той иронии, которая заключается в парадок-

сальном противоречии самих слов: «Многая лета «временному» Правительству».

Еду в Таврический дворец, где нахожу Чхеидзе. При прощании он мне очень горячо жмет руку с пожеланием всяких успехов в будущем. После этого заезжаю на Фурштадтскую к Родзянке. Не нахожу его дома. Оставляю карточку и возвращаюсь восвояси, но не проходит и часа, как Родзянко приезжает ко мне. В продолжительной беседе излагаю ему все свои злоключения и печальные наблюдения, сводящиеся к тому, что я готов был всячески Керенского поддерживать в надежде на то, что он спасет Россию, но теперь убедился в полной его непригодности на такую роль. — Он не умеет разбираться в людях, плохо ориентируется в настроениях масс, особенно солдатских, не имеет достаточно дипломатического такта, чтобы скрывать своего двуличия, к сожалению, иногда необходимого на политическом поприще, и наконец за последнее время слишком, по-видимому, занят мыслью о собственном величии. Его слишком очевидное и честолобное стремление стать самодержавным диктатором понемногу охлаждает симпатии даже самых горячих его сторонников. Словом, для управления страной недостаточно одного только красноречия, хотя бы и выдающегося.

Родзянко, знающий лучше меня внутреннее состояние России, еще более пессимистичен, предвидит колоссальный развал и кончает наше собеседование советом мне ехать на Дон к Каледину¹⁸¹, говоря, что единственная надежда на спасение в Новочеркасске, куда и он сам рассчитывает скоро переселиться. — Отвечаю, что этот совет буду иметь в виду, но теперь хочу немного отдохнуть в деревне, ибо чувствую себя

страшно измотанным после двухмесячной петроградской трепки. Прощаемся очень сердечно. Родзянко уезжает.

Получаю дружеское предостережение из прокурорских кругов, будто Керенский собирается меня арестовать, вероятно, в связи с выступлением в штабе, происшедшем ночью при известии о моем уходе. Считаю его вполне способным на такую пакость, хотя бы с целью дискредитировать меня в солдатских умах, обвинением в контрреволюционности. Поэтому, получив по телефону приглашение от великого князя Михаила Александровича обедать у него, так как, мол я теперь не являюсь больше официальным лицом, принужден ответить, что совместная трапеза, к сожалению, нежелательна, ибо может навлечь неприятные последствия не только на меня, но и на Его Высочество.

Решаю уехать 15-го июля. В этот день как раз назначены торжественные похороны казаков, убитых во время восстания. Мне не хочется быть в столице во время этой церемонии, так как, с одной стороны, при моей дружбе с казаками, мне неудобно отсутствовать, а с другой, совершенно не желаю встречаться с Керенским и его приспешниками. Поэтому накануне вечером заезжаю в Исаакиевский собор, где возлагаю венок около казачьих гробов и объясняю офицерам, что уезжаю завтра утром. Из этих похорон правительство устраивает грандиозную манифестацию (своей силы, что ли?): участвуют эскадроны и роты от всех частей гарнизона, депутации и проч. Похороны погибших конно-артиллеристов произошли ранее в Павловске при моем участии с меньшим торжеством, но с большей задушевностью.

Утром 15-го отъезжаю от штаба на автомобиле. Для прощальных почестей выстроен караул от литовцев и самовольно прибывших юнкеров Николаевского училища. Говорю несколько теплых слов и, облобызав Балабина, укатываю. На Гороховой встречаю семеновцев, идущих на казачьи похороны. Обращаюсь к ним: «Прощайте, друзья семеновцы», и получаю в ответ симпатичное: «Счастливого пути». Вспоминаю, как 2 месяца тому назад первое приветствие мне в столице исходило от почетного караула тех же семеновцев.

Еду в Лугу и водворяюсь на мирное житье у берегов Черемнецкого озера.

Предаюсь животному существованию: ем, сплю, гуляю под древними березами, а по вечерам гляжу на старые портреты, стараясь угадать, что подумал бы, например, прадед Андрей Петрович, если бы мог увидеть судьбу своего потомка.

Иногда приезжают с новостями из города, то Разгозин, то Масленников, отец коего, между прочим, в собрании членов Государственной Думы произнес речь, критикуя правительство Керенского, и говоря, что я пострадал за то, что подавил большевиков. Оказывается, теперь правительство вместо борьбы с большевистской опасностью усердно занялось более легким делом подавления несуществующей контрреволюции. Особенно старается Кузьмин, совершающий массу бестактностей — сначала, при аресте Гурко¹⁸², за письмо написанное им Царю после отречения, затем при домашнем аресте великого князя Павла Александровича, с приставлением караула, и т. д. Кузьмин же производит расследование по поводу происшествий в штабе, когда узнали ночью о моем уходе. Но де-

ло кончается ничем. Забавен рассказ Рагозина о том, как Кузьмин в день похорон казаков объезжал войска у Исаакиевского собора, ухитрившись приблизиться так, что никто его не заметил, и здороваясь с спешенными сотнями, стоявшими «вольно».

Эрдели от командования петроградскими войсками благоразумно отказался, и Керенский вышел из затруднения, назначив Васильковского, физиономия коего ему понравилась во время приема депутации георгиевских кавалеров. Одно у Васильковского преимущество, что он родственник Балабина и, может быть, будет поэтому его слушаться.

На фронте тем временем произошли исторические скандалы у Калуша и Тарнополя. Керенский, разочаровавшись в Брусилове, вышиб его еще гораздо более бесцеремонно, чем меня. Правительство ухватилося за Корнилова, желая назначить его Верховным главнокомандующим, но он поставил условием введение смертной казни и проч. Министры разругались. Керенский обиделся и уехал в Финляндию. Россия на несколько дней осталась без главы правительства и без Верховного главнокомандующего. Потом все уладилось, условия Корнилова были приняты, назначение его состоялось, и Керенский, подобно Борису Годунову¹⁸³, милостиво вернулся к своим присмирившим боярам. Он, по-видимому, вообще собирается идти по стопам этого знаменитого авантюриста. Весьма характерно переселение в Зимний Дворец, в царские покои, хотя Рагозин уверяет, что я являюсь виной этому, так как, благодаря мне, центр событий перенесся на Дворцовую площадь, и что Керенский это учел. Достоверно одно, что он сам шутит над своей подписью, которую из-за торопливости сократил до одной буквы

«К» с неопределенным хвостиком. Теперь он говорит, что «А. К.» очень похоже на «Александр IV». Его адъютанты стали носить аксельбанты по образцу флигель-адъютантских, а один из них, говоря про флаги, недавно заявил, что Керенскому так «эти красные тряпки» надоели, что он хочет Андреевский флаг сделать национальным. Красная тряпка на Зимнем Дворце при каждом отъезде Керенского из города опускается, как в былые дни Императорский Штандарт, и голый флагшток свидетельствует об отсутствии Хозяина Земли Русской¹⁸⁴ из столицы.

Красная тряпочка на автомобиле Керенского заменена флагом морского министра. Все это, конечно, мелочи, но мелочи знаменательные. А если верить сплетням, то новый Борис Годунов подыскивает себе Ирину. Скоропалительно состоялся его развод с женой, которая, по слухам, ругает его на всех перекрестках, говоря, что небось пока он был скромным присяжным поверенным, так и она была хороша, а теперь и т. д. Встретил ее раз за чаем у Кузьмина, вид у нее невеселый. После развода все ожидали, что он женится на артистке Тиме, к которой, по-видимому, питал нежные чувства, но это не произошло. Наоборот, госпожа Тиме пропечатала в газетах негодующее опровержение подобным слухам. Теперь получают туманные сведения, будто Керенский совещался с обер-прокурором Синода о возможности его брака с одной из царских дочерей. Привожу эти сплетни, чтобы показать, в каком направлении работали обывательские языки.

Когда, в довершение всех мер против контрреволюции, состоялась отправка Царя с семейством в Тобольск, будто бы вместе с тем для большей их безо-

пасности, Керенский на прощание сказал Царю, что, вероятно, в декабре ему можно будет вернуться. Опять — таки, если верить слухам, Керенский уверен в том, что Учредительное Собрание возложит на его главу президентский цилиндр, который можно будет легко заменить Шапкой Мономаха¹⁸⁵, особенно породнившись с Царской Семейей.

КОРНИЛОВЩИНА.

Пробыв в деревне около двух недель, вернулся в Петроград в последних числах июля и сразу слег от какой-то желудочной компликации. Провалился с неделю в постели. Навещавшие меня младотурки ничего утешительного не сообщили.

Внутренняя политика продолжает пребывать в хаотическом состоянии, но все взоры обращены на фронт в надежде, что Корнилов спасет положение.

Между прочим, заходит ко мне Смольянинов, работавший в первые дни революции в Военной комиссии, а потом заседавший в Довмине, где Гучков ему поручил ведать прессой. После ухода Гучкова его положение, как представителя «Нового Времени»¹⁸⁶, стало в Довмине довольно неприятным, и он уехал на фронт, где командовал саперной ротой в армии у Корнилова, с которым у него установились очень хорошие отношения. Теперь он собирается в Ставку для устройства каких-то личных дел. Решаем ехать вместе, и 5-го августа садимся в штабной вагон, охраняемый старыми жандармами из Ставки, получившими какое-то новое наименование и одевшими желтые погоны.

На следующий день с большим опозданием при-

езжаем в Могилев. На вокзале сутолока. Встречаю Замойского, уезжающего в Киев, и многих изгнанников, болтающихся в Ставке в ожидании корниловских милостей. Еду в штаб, где захожу к Лукомскому. Он считает, что для меня самым естественным назначением было бы командование кавалерийским корпусом, но рекомендует поговорить лично с Корниловым.

Отправляюсь к Голицыну, лично состоящему при Верховном и, кажется, пользующемуся особым его доверием. Встречает он меня чрезвычайно радушно. Толкуем на политические темы. Общий вывод, который и следовало ожидать в этом доме, таков, что единственное спасение Отечества заключается в Корнилове. В подтверждение этого мне показывают телеграммы, получаемые со всех концов России. Вскоре Голицын отправляется к Корнилову и возвращается ко мне с просьбой явиться в 9 часов вечера. Навещаю нескольких приятелей в Ставке, пью чай у Добржияловского¹⁸⁷, где выслушиваю много интересных анекдотов о выходках Керенского по отношению к Брусилову, о том, как с прибытием Корнилова был приведен к Иисусу местный Совет, с которым Брусилов чрезмерно якшался, о том, как текинцы¹⁸⁸ навели страх на могилевских демократов и проч. Настроение в штабе весьма реакционное. Не берусь судить, имеется ли достаточно оснований для такого отношения к делу. Будущее покажет.

Вечером к назначенному часу возвращаюсь в дом Верховного. Вхожу в кабинет и с наслаждением приветствую милейшего Лавра Георгиевича. Усаживаемся. Рассказываю ему вкратце свою петроградскую эпопею и кончаю заявлением, что моя дальнейшая судьба в его руках. Он отвечает, что очень рад моему

приезду, так как он имеет для меня в виду назначение, на которое он затруднился бы выбрать кого бы то ни было, кроме меня. Оказывается, задумана крупная совместная с англичанами операция на Персидском и Месопотамском фронте¹⁸⁹. Корнилов хочет для этого собрать значительную кавалерийскую массу и поставить меня во главе ее, с подчинением английскому главнокомандующему в Месопотамии, генералу Мод. По его мнению, я самый подходящий для такой комбинации человек, так как, с одной стороны, во мне есть необходимый для такой крупной кавалерийской операции авантюристический дух, а с другой, никто лучше моего не знает английский язык, а также британские обычаи и порядки, благодаря чему будут избегнуты дипломатические трения.

Корнилов говорит далее, что подготовка к этой операции будет закончена, примерно, в октябре и что, может быть, до того он найдет мне занятие на фронте месяца на два. Благодарю его за доверие. Разговор переходит на туземцев. Корнилов, смеясь, меня спрашивает, почему Багратион так меня не любит и называет всех против меня. Рассказываю ему гучковскую историю об отрешении Багратиона, в которой подозревается мое участие. Помню, расставаясь с Корниловым, я ему сказал: «После Вас я командовал 3-й ротой 1-го Туркестанского стрелкового батальона, после Вас я командовал войсками Петроградского округа, но после Вас в этом кресле сидеть, слава Богу, никогда не буду».

Выхожу в приемную, где застаю Смольянинова, ожидающего очереди. Он мне сообщает, что, когда Голицын получил телеграмму, предупреждавшую его о нашем приезде, и доложил об этом Корнилову, по-

следний сказал ему: «Видите ли, как к нам слетаются порядочные люди».

Возвращаюсь на вокзал спать в один из штабных вагонов. Прежде они содержались в большой чистоте, но победа демократии отразилась и здесь необычайным нашествием клопов. На сон грядущий толкую с Смольяниновым. У него была с Корниловым беседа интересная.

Утром предупреждаю в штабе, чтобы меня, в случае надобности, искали через Туманова, а затем уезжаю обратно в Петроград.

По возвращении в Петроград еду с вокзала в Довмин, где мне сообщают, что Клембовский — главнокомандующий Северным фронтом — мне предлагает принять 6-й Сибирский корпус в Риге. Категорически отказываюсь, (заявив, что имею определенные указания на этот счет от самого Верховного). При неизбежности падения Риги и скверных путях отступления это остроумный прием, чтобы от меня отделаться навсегда.

Предаюсь бездействию, обдумывая вопрос о переселении в Персию. Иногда по вечерам младотурки собираются у Пальчинского. Последний о моем удалении на Восток и слышать не хочет, уверяя, что моя роль в революции еще не закончена, на что возражаю, что и так с меня вполне достаточно. Однажды, идучи к нему, по обыкновению, разговорился с извозчиком. Перед фасадом Зимнего дворца мой собеседник, грозно потрясая кулаком, с жаром заявил, что, по его мнению, Николая II следовало расстрелять на Марсовом поле, и на мой вопрос, за что, ответил с негодованием: — «За то, что теперь из-за него в Зимнем Дворце та-

кие рожи сидят». Оригинальная форма консерватизма. Очевидно, кто-нибудь из современных деятелей вышел из другого подъезда, оставив возницу без денежного вознаграждения на противоположной стороне здания.

Приехал с фронта Гучков и просил меня заехать. Его рассказы про Калушский скандал ужасны. Недоразумение у него вышло с Багратионом, запротестовавшим против его поступления в дивизию, хотя татары выразили согласие на его прием в полк¹⁹⁰. Гучков ругает Багратиона нещадно, говоря, что полки хороши, но нетерпим начальник конной дивизии, во время боя сидящий в глубоком тылу, даже без связи со своими полками. Жалко, что не вышиб его сразу после революции и даже делает намеки на то, что мне следовало тогда его просветить насчет столь вопиющей боевой непригодности моего начальника дивизии. Зато хвалит Одинцова¹⁹¹. Толкуем про его политику, и, когда я выражаю удивление по поводу пассивности его единомышленников, Гучков мне отвечает, что все равно предотвратить всеобщий развал и жестокий голод невозможно.

Выходя от Гучкова, не могу удержаться от посещения его соседа Родзянко. Нахожу старика погруженным в глубочайший пессимизм. Он с отчаянием говорит: «Россия погибла. Ничего нельзя сделать».

Как-то заходит ко мне Никитин. Он рассказывает про сильное негодование в контрразведке из-за того, что теперь Миронов имеет *carte blanche* от Керенского совать нос всюду и заставляет контрразведку работать для внутренней политики, чтобы задушить гидру контрреволюции, а сие в корне противоречит этическим правилам штабной контрразведки. Далее Ники-

тин сообщает, что сомнений в подозрительной деятельности Чернова нет никаких и что необходимо об этом предупредить Корнилова, как раз сегодня приезжающего в Петроград. Берусь это сделать, и в седьмом часу еду на Царскосельский вокзал.

Поезд Корнилова прибыл. Всюду текинские часовые. Настроение свиты нервное — боятся покушения. Попадаю как раз к обеду. Корнилов усаживает меня рядом с собой; по другую сторону от меня Васильковский. Смеемся по поводу редкого сочетания трех главнокомандующих Петроградским округом, сидящих рядом в хронологическом порядке. Вспоминаем, что Корнилов пробыл в этой должности два месяца, я — тоже, гадаем о том, сколько времени продержится Васильковский. Беседа переходит на стратегические темы. Корнилов бодр и полон надежд. После обеда он уводит меня в салон и говорит, что сейчас он производит некоторую перетасовку начальства, после которой пошлет меня в Персию, и просит меня приехать в Ставку через две недели. Предупреждаю его о ненадежности Чернова и рекомендую в заседании правительства воздержаться от чрезмерной откровенности на стратегические темы. Корнилов смеется и отвечает: «Очень благодарен, но я уже это предупреждение получил от некоторых членов Временного Правительства». Хороша компания.

Ровно через две недели еду вторично в Ставку, на этот раз с Никитиным, который не может больше выдержать петроградской обстановки и хочет устроиться начальником штаба Туземной дивизии. На вокзале видим Савинкова¹⁹², едущего с тем же поездом, что и мы, в Ставку. Его провожает Васильковский.

Садимся в вагон. Никитин мне сообщает, что Ва-

сильковский ему сказал, будто Савинков едет в Ставку в сопровождении Миронова, дабы произвести там обыски и аресты среди чинов штаба, состоящих членами офицерского союза и подозреваемых в контрреволюционной деятельности. Васильковский просит Никитина немедленно по приезде предупредить всех друзей в Ставке. Решаем, что с вокзала Никитин поедет с этой целью к Добржияловскому в Отдел военных сообщений, а я в генерал-квартирмейстерство к Романовскому¹⁹³ и Плющiku¹⁹⁴.

В районе Дно на всех вокзалах представители «дикой дивизии». Между прочим, забавно, что перед отъездом из Петрограда, когда я спросил Туманова о цели сосредоточения двух кавалерийских корпусов около Дно, он страшно удивился и сказал, что первый раз об этом слышит, что по его сведениям и Савинков, ныне военный министр, об этом ничего не знает... Довольно странно, когда петроградские кабаки полны офицеров из туземных полков, от которых можно узнать все подробности этого сосредоточения, хотя и существует какой-то приказ не показываться им в столице в слишком большом количестве. На одном из станционных буфетов сталкиваюсь с Мироновым. Притворяюсь удивленным и спрашиваю, куда он едет. Отвечает, что в Ставку для обсуждения мер по объединению контрразведки. — Восхитительно.

По приезде в Могилев качу в штаб¹⁹⁵. Иду к Романовскому и передаю ему и Плющiku предупреждение Васильковского. Оба они смеются и говорят, что получили это предупреждение за два часа до прихода петроградского поезда, что Миронов может обшарить весь штаб, но ничего не найдет и что, кроме того, Корнилов страшно разозлился и заявил, что никаких

обысков или арестов в штабе он не допустит.

Захожу к Голицыну. Настроение в доме Верховного напряженное, меня просят зайти вечером. Голицын, как и в первый раз, распространяется на тему о том, что вся Россия ждет спасения от Корнилова. Обедаю у Добржияловского. Настроение явно контрреволюционное. Его жена, оказывается, по вечерам открывает окна на улицу и на фортепиано играет «Боже Царя храни»¹⁹⁶. Естественно, что Миронов всполошился.

Вечером иду к Корнилову. Он мне говорит, что теперь уже очень скоро я ему понадоблюсь, просит меня ехать в Петроград, никуда оттуда не отлучаться и ждать его распоряжений. Затем он меня спрашивает: «А очень они меня там недолюбливают?» — Отвечаю, что, по моему мнению, «они» его побаиваются и всячески стараются подорвать его авторитет обвинениями в контрреволюционности. Смеется. После краткой беседы на политические темы расстаемся, не подозревая, что больше на этом свете беседовать не придется.

В вагоне Никитин мне рассказывает, что «Дикая Дивизия» развернута в корпус с присоединением Осетинского и 1-го Дагестанского полков¹⁹⁷. Жалко, что сунули осетин, а не текинцев, как я всегда хотел. Оказывается, Багратион и Гагарин вызваны в Ставку. Что-то носится в воздухе, но что — не понять. День прошел благополучно, без обысков и арестов, что Ставка склонна считать победой Корнилова над Савинковым. Говорят, они столковались, а не разругались, как того все ожидали утром. Слава Богу.

На следующий день забираемся в поезд — ехать в столицу. Приезжает Савинков, Корнилов его провожает, отношения между ними, по-видимому, друже-

ские. Корнилов бодр и весел. Перед самым отходом нашего поезда приходит поезд из Петрограда, из него выезжает Львов Синодский¹⁹⁸. Здравуюсь с ним, выражая удивление по поводу его появления в Могилеве, но он бормочет, что у него тут есть дела, и скоропалительно исчезает.

В поезде беседую с одним из главарей Георгиевского союза, который мне рассказывает, что, узнав о моем уходе, Совет Союза имел весьма продолжительное совещание, обсуждая вопрос о свержении правительства. Но, к счастью, они пришли к решению оставить меня в покое. А затем он прибавляет, что георгиевцы установили такое наблюдение за Советом, что в случае каких-нибудь происшествий в столице никто из Смольного не уйдет живым.

Вечером собираемся у Пальчинского. Я рассказываю свои впечатления о Ставке. Толкуем о всяких вещах. Между прочим, Пальчинский рассказывает, что после ареста Гурко Савинков хотел и меня выслать за границу по подозрению в контрреволюционности, но Пальчинский запротестовал, говоря, что совершенно уверен в моей непричастности к каким бы то ни было комплотам, а Савинков возразил, что ведь он и Азефу¹⁹⁹ верил. Однако, все-таки меня не выслал. Забавно.

Проходит дня два, а затем около полуночи в ночь с субботы на воскресенье прикатывает ко мне Туманов, вытаскивает меня из кровати и сообщает, что Керенский просит меня немедленно приехать в Зимний дворец. Садимся в автомобиль. Туманов говорит, что Корнилов с двумя конными корпусами идет на Петроград и спрашивает меня, не согласился бы я сейчас принять опять командование Петроградскими вой-

сками для защиты столицы от контрреволюционного набега, ибо Васильковским недовольны.

Не знаю, исходит ли это предложение от самого Керенского или от младотурок, однако отвечаю, что какова бы обстановка ни была, я против Корнилова ни под каким видом не пойду, прибавляю к этому, что теперь вся моя работа в петроградских войсках пошла насмарку и они опять всецело в руках Совета. Наконец, совершенно не представляю себе возможности вести петроградские полки в бой, быть может, против своих же татар. Словом, категорически отказываюсь от абсурдного предложения. Туманов тогда ограничивается просьбой принять участие в совещании в Зимнем дворце. Ничем не рискую, наоборот, интересно послушать.

Приезжаем. Забавно, что караул во дворце, держит украинская рота стрелков из Царского Села, и знаменитый «Гетман Царскосельский» встречает меня с улыбкой, иронически замечая: «Небось, когда страшно стало, то послали за Вашей первой украинской ротой». — Собираемся: Пальчинский, Туманов, Барановский, Багратуни²⁰⁰ (ныне начальник штаба округа). Я начинаю с заявления, что все происходящее мне кажется весьма странным, ибо Корнилова я много лет знаю и не могу себе представить его в роли политического авантюриста, что тут, наверное, кроется какое-то недоразумение, и что следовало бы послать кого-нибудь сейчас же на паровоз к Корнилову переговорить. Вдруг Барановский мне возражает, что с Корниловым никакие переговоры невозможны, ибо он оскорбил Верховную Власть. При такой постановке вопроса со стороны Военного кабинета Керенского спорить бесполезно, хотя бы напоминанием о всех ос-

корблениях Верховной Власти со стороны большевиков, столь кротно перенесенных этой властью. Умолкаю.

Все ожидают окончания заседания Временного Правительства. Там происходит крупная ругань, окончившаяся удалением Чернова из заседания. Около двух часов ночи господа министры расходятся, кажется, по обыкновению, предоставив Керенскому какие-то чрезвычайные полномочия. Наконец, появляется и он с Савинковым. Сначала он нам рассказывает свой разговор с Львовым и со смехом говорит: «Ловко я их подловил, притворившись с ними заодно, — они себя и выдали с головой». — Нахожу приемы Верховной Власти довольно оригинальными. Поди, разбери, когда он изволит притворяться, а когда нет. Сажусь в кресло. Слева от меня Пальчинский, справа на диване Керенский. Наклоняюсь к Пальчинскому, продолжая доказывать, что тут кроется какое-то недоразумение и что вооруженный конфликт, наверное, можно избежать.

Вдруг Керенский, услышав мои слова, вскакивает и с жаром мне возражает: — «Никакого недоразумения нет, все ясно, вот на этой телеграфной ленте у меня несомненные доказательства Корниловской преступности. Прав был Брусилов, говоривший про Корнилова, что у него львиное сердце, но баранья голова». — После этой тирады, несколько меня не убавившей, Керенский снова разваливается на диване. Барановский с Багратуни сочиняют какое-то радио «всем, всем, всем», об измене Корнилова, но дело подвигается медленно, так как все лезут с советами. Появляется Кузьмин, которого я встречаю вопросом: «Ну, как, душишь гидру?» — Все смеются.

Кузьмин предлагает немедленно арестовать Совет казачьего союза. Чтобы их спасти, считая, что они на свободе полезней, я задаю вопрос о том, какое это произведет впечатление в казачьих полках на корниловской стороне, и сейчас же предложение Кузьмина отвергается.

Приходит Миронов. Его встречает Керенский возгласом: «А, вот и Фуше»²⁰¹. — Он делает таинственное лицо, но, по-видимому, ничего интересного не знает. Багратуни говорит, будто он слышал, что Крымов в городе, в Астории, кто-то кидается проверить, — оказывается вздор. Удивляюсь, что не видать Васильковского. Может быть, он организывает защиту столицы, но про него, по-видимому, все позабыли, и Багратуни с Кузьминым как будто распоряжаются без него.

Наконец, радио закончено. Объявляется, что Корнилов изменник²⁰², предписывается Лукомскому принять временно верховное командование и т. д. Керенский одобряет текст и собирается его отправить. Я замечаю, что неудобно отрешать Верховного без ведома военного министра, а его в комнате как раз нет, Савинкова всюду разыскивают, но, кажется, в конце концов посылают радио без него. Седьмой час утра. Идем в комнаты Керенского пить чай с черным хлебом. Не могу удержаться, чтобы не сказать громко Пальчинскому: «И подумать, что я был в Ставке в четверг и если бы я там застрял еще на два дня, то, может быть, сейчас я бы шел вместе с туземцами выпускать вам кишки». Около 7-ми часов Туманов отвозит меня домой. Вероятно, после моего скептического отношения ко всему происходящему теперь уже меня оставят в покое.

Проходит два тревожных дня. Шансы на успех у Корнилова большие. Не говоря уже о георгиевцах и юнкерах, но даже преображенцы и семеновцы построены противоправительственно. Надежды контрреволюционеров сильны, особенно когда вдруг раздается артиллерийская стрельба, но потом оказывается, палят из крепости по случаю наводнения. Потом узнаем про провал всей комбинации. Уж больно плохо она была организована. Между Крымовым и Багратионом не было никакой связи, а Багратион с Гатовским, по обыкновению, сидели в Дно, когда Гагарин воевал впереди Вырицы и чуть не был арестован осетинами. Зачем в такую операцию брать мало знакомые войска. Князь Магалов²⁰³ с татарами неся впереди, но принужден был остановиться, получив на то несколько категорических приказаний.

Туманов мне рассказывает о том, как Алексеев отказался от верховного командования и как Керенский соизволил взять на себя эту должность. Жалеем Крымова. Про его самоубийство ходят легенды: говорят, будто его прикончили, что вполне возможно²⁰⁴.

Багратион приехал с делегацией к Керенскому извиняться и уверять, что он знать не знал и ведать не ведал, что Корнилов хотел свергнуть правительство. Керенский сильно возмутился, ибо разговоры Багратиона по телеграфу со Ставкой известны и отрекаться ему от Корнилова бесполезно. Встречаю Султан-Крым-Гирея, приехавшего с полковыми туземными делегациями. Он говорит, что Багратиона в Петрограде несколько раз арестовывали и таскали в Совет. Иду к Туманову и прошу распорядиться, чтобы старика не обижали. Какие бы его прегрешения ни были, самоуправству Совета нужно положить предел. При

мне Туманов ругает их по телефону. Обещаются таких вещей больше не делать.

Между тем Пальчинский назначен Петроградским военным губернатором. Он, по требованию Керенского, оделся в куртку хаки и засел в штабе округа. Его приемы наведения порядка возбудили сильное негодование в левых кругах, и большевистская пресса его травит всю. Как-то вечером захожу к нему. На лестнице штаба вижу сборище туземцев, спрашиваю, в чем дело. Говорят, это депутация туземных полков, прибывшая с Багратионом. Вижу чиновника Данилова, знаменитого нашего демократа, спрашиваю его, кто приехал от татар, и узнаю, что депутации присланы от всех полков, кроме татарского, отказавшегося послать делегатов на том основании, что, мол, извиняться нам нечего, ибо мы только исполняли приказание начальников и, кроме того, прекрасно знали, на что шли. Такое благородство радует мое сердце.

Однажды Пальчинский просит меня заехать и сообщает, что Керенский решил отставить Багратиона и командира 1-й дивизии Гагарина и назначить меня командиром Туземного корпуса. Я очень рад, ибо все-таки с туземцами сейчас приятней, чем с другими войсками и, кроме того, одна из мер Керенского для остановки туземцев, когда они шли на Петроград, заключалась в том, что им было обещано отправить их немедленно на отдых на Кавказ, а ехать подальше от столицы мне кажется весьма своевременным.

У Пальчинского встречаю депутацию от Мусульманского Союза²⁰⁵. Эти господа начинают мне предъявлять требование о том, что я должен чуть ли не весь командный состав подобрать из мусульман. Весьма вежливо отвечаю им, что давать преимущество сквер-

ному мусульманскому командиру перед хорошим православным, служившим в дивизии, я никак не могу, да, кроме того, я в туземных полках принцип национализации отчасти понимаю, но принцип мусульманизации никак допустить не могу, ибо, например, среди кабардинцев и осетин много православных.

На следующий день, 2-го сентября, Туманов мне вручает приказ о моем назначении.

Захожу в Мусульманский комитет еще поговорить. Атмосфера несимпатичная: верховодят казанские татары с панисламистическими тенденциями да политиканствующие осетины. Заявляю, что моя программа во многом совпадает с их программой, например, в смысле замены русских туземцами в специальных командах, — пулеметных, связи и проч., и даже, отчасти, в постепенной национализации офицерского состава, но против травли русских офицеров, служивших в туземных полках во время войны — я буду горячо протестовать и что вообще обо всех этих вопросах я считаю, что мне нужно скорее считаться с мнением Союза горских племен²⁰⁶, а не с ними. Кончаем, в общем, миролюбиво.

Еду на станцию Дно принимать корпус. В Вырице ко мне присоединяются Гагарин и Магалов, которые мне рассказывают, какая была у них каша во время корниловского наступления и как Багратион с Гатовским прошлепали всю операцию.

На станции Дно погружаюсь в штабные бумаги, беседую с полковыми командирами и ориентируюсь в настроениях. Хуже всего у осетин. Они дошли чуть ли не до выборного начала в отношении сотенных и полковых командиров, и все начальство у них интригует

друг против друга, подлизываясь к всадникам. В других полках более или менее благополучно. Есть в некоторых частях, особенно у дагестанцев, интриги против русских офицеров, но в общем положение лучше, чем я мог ожидать. У татар, черкесов и кабардинцев совсем хорошо.

Доходят слухи, что Керенский, несмотря на данное обещание, собирается нас держать около столицы. Это вызывает всеобщее негодование. Так как Керенский приезжает этой ночью в Ставку, сажаю ему в вагон Никитина и от него на следующий день узнаю, что Керенскому, действительно, очень хотелось сохранить под рукой нашу контрреволюционную силу, но, выслушав наши доводы, он сдался; а доводы следующие: во-первых, уже после Калушского скандала было постановление всех туземных комитетов не вмешиваться во внутреннюю российскую политику, а Багратион этим постановлением пренебрег, приняв участие в корниловском походе. Во-вторых, в район Дно постоянно прибывают из столицы агитаторы, подрывающие дисциплину, и в результате начались грабежи. В-третьих, если не будет исполнено обещание — отправить их на Кавказ — туземцы окончательно перестанут начальству верить. Наконец, настроение таково, что, если нам не дадут эшелонов, мы пойдем домой походным порядком через всю Россию, и она этот поход не скоро забудет.

Хотя Керенский и согласился, но наряд на эшелоны не получается. Качу обратно в Петроград с Никитиным. Там мы дело налаживаем быстро, и 9-го сентября возвращаюсь в Дно для последних распоряжений. Между прочим, совершаю прогулку верхом в 80 верст, повидаться с дагестанцами; они квартируют в

имении Новосильцевых. Полковник Хаджи-Мурат²⁰⁷ меня встречает с удивлением, что я, дескать, за корпусный командир, совершающий 30-верстные переходы верхом. Отвечаю, что не принадлежу к числу лиц, считающих, что высокий чин может передвигаться только в автомобиле.

Провожу приятный день и вечер в старом помещицком доме. Моя кума Елизавета Дмитриевна сильно постарела, все жалеют, что дагестанцы уйдут — все-таки мужики их боятся.

Рано утром уезжаю обратно в Дно, где я получаю телеграмму от Архангельского, что приказом 9 сентября я утвержден в должности корпусного командира с производством в генерал-лейтенанты.

Закончив все распоряжения по погрузке, еду в Петроград. Кончаю личные дела, прощаюсь с родными и знакомыми. Весьма забавно мое прощание с новым военным министром Верховским. Спрашиваю его, не может ли он мне дать каких-нибудь общих политических указаний для моего поведения среди туземцев на Кавказе. Он разводит руками и рекомендует мне действовать по собственному усмотрению. А затем он, в свою очередь, задает мне и Туманову вопрос: — «А что, если будет большевистское правительство, оставаться мне военным министром, или нет?» Обсуждаем этот вопрос, но я в душе решаю, что, если военный министр говорит о таких вещах, то счастлив мой Бог, что я уезжаю из Петрограда. Туманов очень хочет поступить ко мне начальником штаба корпуса, но в конце концов приходит к убеждению, что ему неловко бросать Керенского и что он должен с ним остаться до конца. Не мог, бедняга, предвидеть, что его щепетильность будет ему стоить жизни, а Керенский

спасет свою голову.

Назначаю отъезд на 16-е сентября. Мне дают отдельный вагон, и я усаживаюсь в сопровождении Никитина, Масленникова и моего старого значкового унтер-офицера Керима, ныне вместо полкового значка таскающего корпусный бунчук. Напутствуемый благими пожеланиями младотурок, отплываю. Пальчинский продолжает упорно твердить, что моя роль еще не кончена. Но я с легким сердцем покидаю столицу, где столько пришлось пережить всяких пакостей за эти исторические шесть месяцев. Все равно теперь Временное Правительство обречено на гибель, и поддерживать его далее является предприятием чересчур неблагодарным.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА НА КАВКАЗЕ.

По приезде во Владикавказ распределяю стоянки частей корпуса так, чтобы каждый полк находился на территории того племени, из которого он сформирован. Отдыхать, так отдыхать поближе к дому. Во Владикавказе, кроме штаба корпуса и хозяйственных учреждений, ставлю запасные пулеметные команды, все полковые учебные команды, запасные сотни, свой личный конвой и т. д., словом, устраиваю себе маленький, но крепкий резерв на случай беспорядков.

Политическое положение довольно оригинальное, ибо Владикавказ является одновременно столицей двух автономных держав: Терского казачьего войска²⁰⁸ и Союза горских племен. Этот союз был составлен из представителей Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии, Кабарды и черкесских племен, но последние, находясь на Кубани, были, кроме того, объединены с Кубанским казачьим правительством²⁰⁹. Союз именовал себя Горской республикой²¹⁰, хотя определить государственные границы этого государства не всякий мог бы. Председателем республики был избран мой старый приятель Чермоев. Злые языки говорят, что он был единогласно выбран на этот высокий пост только потому, что съехавшиеся в одном из чеченских аулов представители горских племен решали этот вопрос на

большом митинге на базарной площади. Когда была выставлена кандидатура Чермоева, то несогласным с нею было предложено сесть, а согласным стоять. На базарной площади была грязь по колено, и весьма естественно, никто сесть не пожелал. Как же верить после этого народным волеизъявлениям, если чистота штанов ставится выше политических убеждений.

Как бы то ни было, а Чермоев со своей трудной задачей справляется очень хорошо. Терским атаманом состоит Караулов. Предвижу, что и с тем и с другим всегда могу сговориться, и стараюсь на будущее смотреть розово.

Оказывается, что горцы совместно с казаками образовали объединенное Терско-Дагестанское правительство²¹¹, и сие правительство постановило назначить меня главнокомандующим всех вооруженных сил своей территории, как туземных, так и казачьих, и русских строевых. Получается оригинальная картина: с одной стороны, как командир Кавказского Туземного конного корпуса, я подчинен штабу Кавказского фронта, ибо война-то еще не кончена, а с другой стороны, я военачальник самостоятельной державы. Сношусь по телеграфному проводу с Тифлисом и получаю от своего начальства полное благословение на службу в автономном государстве. Деньги и все виды довольствия, однако, буду получать от старых интендантских учреждений, продолжающих еще существовать. Вопрос осложняется еще тем, что один из моих полков, Татарский, стоит в Елисаветполе, на территории другого государства, а именно Закавказского Союза²¹², а Черкесский в пределах Кубанского государства²¹³. Казачьи части подчиняются мне только в оперативном смысле, да и то по малости; в их внут-

ренную жизнь совершенно не вмешиваюсь, и все вопросы решаются дружескими разговорами с Карауловым; русскими частями управляю через вновь устроенный штаб командующего войсками Терско-Дагестанской области, а туземными через свой старый штаб корпуса, словом воплощаю в своем лице какую-то фантастическую русско-туземно-казачью троицу, к сожалению, не имеющую главной прерогативы Божественной Троицы — совершать чудеса для приведения в порядок земного хаоса. А хаос — невероятный! Грабежам и междоусобным браням нет конца, разные правительства издают декреты, пишут воззвания и занимаются дипломатической перепиской друг с другом, но жизнь и, весьма притом бурная, идет своим чередом, а во многих местах власть фактически захвачена комитетами с определенно большевистскими тенденциями.

Несколько дней после приезда мне приходится выступать с программной речью на съезде представителей горских племен. Говорю им, что туземные полки, призванные к жизни правительственным распоряжением в далеком Петрограде, ныне волею судеб должны стать их национальными войсками для сохранения порядка на территории своих племен в период общего развала. Полки эти на войне показали необычайную доблесть, они пришли с фронта в прекрасном виде и нужно их в этом виде сохранить. Я вполне сочувствую принципу национальных войсковых формирований и доказал это даже в Петрограде, образовав там украинские части, но никак не могу допустить принципа полной национализации офицерского состава и считаю сохранение русских офицеров необходимым для пользы дела, да и не могут же благородные горцы считать чужими тех офицеров, кото-

рые на войне проливали свою кровь вместе с туземными всадниками и совместно с ними создавали славу кавказских полков. Моя речь неоднократно прерывается бурными рукоплесканиями, но цену народным восторгам я теперь знаю.

Собираю во Владикавказе командиров туземных полков и обсуждаю с ними положение. Они в общем оптимистичны, но совершенно ясно, что всюду интриги против русского офицерского состава ведутся определенно, и для меня очевидно, что чем дальше, тем будет хуже.

Вообще национальные тенденции в разных углах принимают все более и более агрессивный характер. Особенно плохо дело между терскими казаками и ингушами, главным образом, из-за земель, отобранных у ингушей в пользу казаков при покорении Кавказа. Картина борьбы между ними получается такая: обыкновенно в воскресенье казаки, подвыпив, совместно с артиллеристами русских частей, расквартированных в их станицах, выкатывают пушку и начинают угощать шрапнелью ингушские аулы, а затем мирно заваливаются спать. В понедельник ингуши производят мобилизацию и переходят в энергичную контратаку на казаков, вторник идет война, а в среду заключается перемирие, и прикатывают во Владикавказ делегации обеих сторон, каждая к своему правительству, с горькими жалобами на противную сторону. В четверг происходят дипломатические переговоры, в пятницу заключают мир, в субботу депутаты разъезжаются после торжественных клятв в вечной дружбе, а в воскресенье вся история начинается сначала. Иногда, конечно, бывают более продолжительные периоды мира, исчисляющиеся, однако, все-таки днями, но в общем

совместная жизнь казаков и ингушей протекает по аналогичной схеме, а мое положение, как главнокомандующего вооруженными силами обеих воюющих сторон, довольно оригинально и, пожалуй, в истории невиданное.

Русские части, рассыпанные по моей территории и состоящие, главным образом, из дружин ополчения, сформированных во время войны для несения гарнизонной и караульной службы в тылу, распропагандированы большевиками вовсю, и с ними у меня много возни.

У казаков старики, остававшиеся дома, настроены скорей консервативно, но молодежь, возвращающаяся с фронта, очень ненадежна и пропитана большевистскими идеями.

Большевики основали свой центр в Моздоке и отсюда ведут энергичную пропаганду, имеющую успех и среди туземцев, где в беспокойной молодежи тоже находятся для этого благоприятно настроенные элементы; но тут большевики, несмотря на свой интернационализм, сильно играют на узко националистических тенденциях. Объезжаю постепенно свои туземные полки, навещаю дагестанцев в Хасав-Юрте, чеченцев в Грозном, кабардинцев в Нальчике. Предпринимаю путешествие в Закавказье, чтобы повидать татар в Елисаветполе, где провожу приятный день среди старых соратников. По дороге в Баку попадаю на съезд представителей всех мусульманских племен, где нахожу настроение весьма... самостийное, скорее панисламистическое. В Тифлисе нахожу в штабе полное уныние, фронт окончательно разваливается, дезертирство идет не отдельными личностями, а целыми полками и дивизиями, и вся эта масса самовольно демобилизо-

ванных хлынула в тыл и творит всякие бесчинства, за-
пужая все и без того скудные пути сообщения Кав-
казского фронта.

Наконец, еду на Кубань посмотреть Черкесский полк и завести дружбу с Кубанским начальством. Попадаю как раз на торжество воцарения Филимонова²¹⁴ атаманом. Церемония весьма внушительная, особенно, когда председатель войскового круга вручает вновь избранному атаману старинную булаву, чуть ли не Екатерининских времен, с соответственным наставлением.

На Кубани сравнительно тихо, с туземцами отношения хорошие, немножко скандалят иногородние да казачья молодежь с фронта, но в общем пока благополучно. По дороге в Екатеринодар останавливаюсь в одной из Кубанских станиц, избравшей меня своим казаком на том основании, что мои предки служили в Запорожской Сечи и один из них был даже войсковым писарем. Встречают меня торжественно и ведут к обедне, во время которой замечаю, что священник поминает «воинов, за Веру, Царя и Отечество живот свой на поле брани положивших». Когда после обедни я выражаю свое удивление по поводу сохранения в богослужении прекрасной молитвы, ныне считающейся контрреволюционной, станичный атаман весьма резонно мне объясняет, что за Царя-то и клали свои животы, а когда Его не стало, то животов никто больше не клал и что посему нельзя вводить изменений в старинной формуле и сие станичному попу внушено. Молодчина.

Кроме мирных поездок для осмотра полков, приходится предпринимать и боевые, к сожалению, не особенно удачные.

Одна из них заключалась в том, что 39-я пехотная дивизия сорвалась с фронта, засела в поезде и под угрозой смерти заставила железнодорожный персонал ее везти на север. Творя по дороге всякие бесчинства, она благополучно проследовала через Закавказье и стала приближаться к Петровску. На Кубани и на Тереке все взволновались, ибо появление этой орды на Северном Кавказе внесло бы слишком много оживления в нашу и без того достаточно беспокойную жизнь.

Получаю серию панических телеграмм и вырабатываю план действий. Решаю дать бой у Хасав-Юрта, собрав там чеченцев и дагестанцев, подтянув туда донскую артиллерию, входившую в состав моего корпуса и стоявшую в станице Прохладной, а также попросив помощи у терских и кубанских казаков. Терцы уклоняются, а кубанцы, в пределы коих, по слухам, и направляется буйная дивизия, предлагают мне взять кубанские казачьи эшелоны, идущие как раз впереди 39-й дивизии, остановить их в Хасав-Юрте и принять под свое начальство. Для того, чтобы уговорить казаков в случае каких-либо сомнений, мне присылают в подмогу двух делегатов от кубанского войскового круга, еду с ними в Хасав-Юрт.

Когда подходят один за другим казачьи эшелоны, я их останавливаю, но рожи казаков мне совсем не нравятся. Они категорически отказываются от боевых действий против 39-й дивизии, заявляя, что если солдаты этой дивизии действительно являются опасностью для Кубани, то лучше им, казакам, вернуться в свои станицы и там, в случае надобности, дать отпор этой угрозе, которая, в конце концов, им кажется довольно сомнительной. Бедные депутаты войскового круга всю ночь ходят по вагонам, митингуют и ста-

раются подбодрить своих единоплеменников, но ничего не выходит, и они, наконец, возвращаются ко мне в полной тоске и, разводя руками, признаются в полной неудаче своей миссии. Приходится казачьи эшелоны пропустить дальше.

Что же касается туземцев, то тут я сразу выясняю их настроение: они драться совсем не желают, предпочитая мирно пропустить 39-ю дивизию, которая, очевидно, собирается скандалить не на их территории, а где-то дальше. Непосредственных же выгод, конечно, извлечь нельзя, наоборот: остановленная 39-я дивизия начнет им чинить неприятности, которые пускай лучше падут на чью-нибудь другую голову. Вполне логично.

Словом, не нахожу решительно никого, кто бы разделял мою воинственную точку зрения на 39-ю дивизию. Поэтому отменяю подготовленное сосредоточение и возвращаюсь во Владикавказ, а 39-ю дивизию пропускаю, и она оседает, главным образом, в Армавире, значительно там подкрепив большевиков.

Другая экспедиция, тоже окончившаяся неудачей, была предпринята против большевистского броневго поезда. После того, как советская власть окончательно утвердилась в Баку, большевики направили все свои усилия на то, чтобы развалить северный Кавказ, и для этого они, между прочим, послали броневой поезд прокатиться по Владикавказской железной дороге, отчасти, с целью разведывательной, отчасти, с целью пропагандной, но вместе с тем и для того, чтобы увеличить существовавший беспорядок. Для достижения последнего пункта этой программы был применен способ довольно простой, а именно: обстрел туземных селений, расположенных вдоль железнодорожной ли-

нии, главным образом, в Чечне.

Получив донесение об этих безобразиях, я понесся в Грозный, около которого большевистский поезд оперировал. Переговорив там с начальством и с туземцами, решил сделать попытку перехватить большевиков в Гудермесе и прокатил туда на лошадях, оставив свой вагон в Грозном, дабы замести собственные следы.

Приехав в Гудермес, собрал чеченских местных главарей и начал их подбадривать на активные действия, т. е. разрушение железнодорожного пути и бой; некоторый энтузиазм нахожу у молодежи, но старики боятся национального вопроса, чтобы не создалось впечатление войны туземцев против русских. Они непременно хотят привлечь к операции казаков из близлежащей станицы, но на это шансов, конечно, нет никаких, ибо не таковы отношения между казаками и туземцами, чтобы совместные действия против русских были возможны. Чувствуется, кроме того, надежда, что большевики, поскандалив, уйдут восвояси.

Совещание затягивается до двух часов ночи. Замечаю, что уважаемый чеченский мулла Дени-Шейх*) упорно молчит. В конце концов, говорю, что хотел бы слышать его мнение, в надежде, что он меня поддержит, но получается неожиданный конфуз.

Мулла начинает с продолжительных комплиментов по адресу моей мудрости и доблести, а затем заявляет: — «Аллаху угодно было теперь насрать на человечество какое-то огульное сумасшествие, и пока Всемогущий не решит это сумасшествие вновь удалить,

*) Впоследствии расстрелян большевиками.

даже такие люди, как наш генерал, ничего поделать не могут, ибо на то Божественная воля». — Если вдуматься, пожалуй, мулла прав. Во всяком случае, ясно, что дальнейшее разглагольствование бесполезно, закрываю заседание, заваливаюсь спать, а на следующее утро возвращаюсь во Владикавказ. Большевистский же поезд, вероятно, все-таки опасаясь каких-нибудь пакостей с моей стороны, укатывает в Баку.

Развал все увеличивается. Наша тройка, Чермоев, Караулов и я, делаем что можем, но теория чеченского муллы, по-видимому, более правильна. Наконец, происходит трагическое убийство Караулова. Он поехал в Прохладную — встретить один из терских казачьих полков, вернувшихся с фронта, и пока его вагон стоял на запасном станционном пути, он был окружен толпой солдат ополченской дружины, находившейся в Прохладной, которые, не без поддержки прохладненских казаков, открыли огонь по вагону, изрешетили его совершенно, убив находившихся внутри Караулова и его брата.

Меня вызвал на прямой телеграфный провод командир Донского артиллерийского дивизиона, стоявшего в Прохладной, и подробно изложил все происшествие. Беру телеграфную ленту и спешу в атаманский дворец, где как раз заседает войсковой круг. Вхожу и прошу у председателя слова вне очереди. Когда я казакам сообщаю, что их атаман убит, негодование велико и бурно, некоторые даже не хотят мне верить. Затем начинают высказываться всякие предложения, клонящиеся, в общем, к тому, чтобы немедленно командировать из Владикавказа в Прохладную обе конвойные сотни, (бывшие Конвоя Его Величества), чтобы наказать виновных или, по крайней мере,

их арестовать и привезти тело атамана.

Происходит неожиданный инцидент. Офицер, командовавший этими сотнями, просит превратить заседание в закрытое. Удаляют посторонних лиц, газетных корреспондентов, дактилографов и проч., а затем доблестный командир обращается к войсковому кругу с очень резкой речью, приблизительно такого содержания:*) «В былые времена, когда я, как офицер Конвой Его Величества, ездил по станицам набирать казаков в Конвой, то за мной не знали, как ухаживать, и взятки предлагали, чтобы того или иного казака принять в Конвой. Теперь, когда мы, конвойцы, появляемся в станицах, нас всячески ругают и, в лучшем случае, обзывают контрреволюционерами и опричниками, а когда атамана убили, то к нам обращаются за помощью. При этих условиях особенной охоты у нас нет играть роль карательного отряда».

Члены круга начинают протестовать, расточая всякие комплименты конвойцам, и инцидент ликвидируется с вынесением постановления — конвойцев отправить. Но тут возникает второй инцидент, не менее характерный.

Председатель круга задает вопрос: «А кто будет охранять войсковой Круг, если конвойцев отправят в Прохладную?» — В нем, очевидно, заговорил страх и небезосновательный, перед возможностью какой-нибудь враждебной демонстрации со стороны туземцев. Тут я спасаю положение и гордо заявляю, что ответственность за безопасность круга беру на себя и буду его охранять туземными частями. Немножко для

*) Да простит он меня за разглашение тайны закрытых дверей, но близка уже 10-летняя давность.

круга унижительно, но приходится согласиться и выразить мне от лица круга благодарность.

Конвойцы отправляются и привозят тела убитых, а также нескольких арестованных ополченцев Уфимской дружины, которых заключают в темницу. Я пишу грозный, хотя собственно довольно бесполезный, приказ о расформировании Уфимской дружины, а затем устраиваю Караулову очень торжественные похороны, выстроив на улицах шпалеры от частей русских, туземных и казачьих. Перед похоронами объезжаю войска. У самого вокзала выстроены конвойцы; не без некоторого чувства грустной иронии взираю на стоящего в их рядах урядника, когда-то приходившего во главе депутации Конвоя в Государственную Думу и сославшегося тогда на авторитет Караулова.

Похороны проходят действительно очень торжественно. На могиле речи льются без конца. Так погиб первый выборный Терский атаман. Оказывается, что когда он после революции приехал во Владикавказ, ему была устроена необычайная орация, и его на руках несли от вокзала до атаманского дворца, но он тогда же сказал: «А, быть может, пройдет немного времени и вы, глядя на меня, будете кричать, распни его!» — Знал покойник, сколь ненадежна любовь толпы.

Перед надвигающимся развалом различные северо-кавказские правительства начинают пытаться создать какое-то объединение. Терек переговаривается с Кубанью, постепенно примыкает Дон, возникает идея крупного Юго-Восточного Союза. Делегаты разных правительств катаются взад и вперед и ведут весьма сложные дипломатические переговоры о том, какие права и преимущества и какие министерские портфели

будут предоставлены каждому в случае объединения.

После прибытия Алексева в Екатеринодар там происходит очередной съезд всяких делегатов, и отправившийся туда Чермоев сообщает мне по телеграфу, что Кубань с Терекком решили объединить военное командование на обеих территориях в моем лице. Благодарю за честь, но не вижу, к чему это приведет при наличии отдельных военных министров, когда даже Горская республика таковым обзавелась, да еще имеется авторитет атаманов. Масса властей, но никто не слушается, а действительная власть всюду быстро переходит в руки большевистских комитетов.

У меня назревает новая трагедия — отсутствие денег. Приходится бороться с разбоями, когда туземные всадники, не получающие жалования, весьма естественно склонны либо отправиться домой, либо самим пограбить.

Около нового года (1918) еду в Кисловодск, постараться там из запасных сотен Черкесского полка организовать оплот против Пятигорской советской республики²¹⁵; на обратном пути в Нальчике узнаю, что во Владикавказе в мое отсутствие все развалилось. Ингуши напали на город, казаки произвели контратаку, осетины вмешались в общую кашу, и пошла потеха. Мой штаб корпуса удрал в одном направлении, штаб 1-й дивизии в другом, запасные сотни тоже благополучно удалились в разные стороны, командир запасного полка на единственном имевшемся у меня броневом автомобиле уехал по Военно-Грузинской дороге в Тифлис, а мои корпусные склады разграблены дочиستا. Словом, у меня ничего не остается в смысле материальных средств для дальнейшей дея-

тельности, а в смысле моральных еще меньше, ибо казаков большевики очень ловко против меня подработали, доказывая, что я вооружаю туземцев, давая им возможность воевать против казачества, а туземцев распропагандировали не без участия некоторых из туземных националистов, доказывая, что я русский, и потому мои симпатии, в конце концов, естественно, не на их стороне.

При таких условиях решаю уклониться от всякого дальнейшего участия в политической и военной жизни Северного Кавказа и посылаю для корректности телеграмму в Тифлис, в штаб фронта, с изложением обстоятельств и просьбой освободить меня от должности командира корпуса, а затем сосредотачиваюсь на довольно трудной, но занимательной задаче — спасения собственной шкуры, ибо на железной дороге меня большевики подкарауливают, особенно в Прохладной, а из Нальчика ни на восток, ни на запад мне верхов нет никаких шансов выбраться в целости.

Дальнейшая моя судьба прямого отношения к революции не имеет; генерал в черкеске перестал существовать и его, слава Богу, никто не узнал ни в засаленном и небритом мещанине Петре Петухове, говорившем большевистские речи в вагоне третьего класса Владикавказской железной дороги, ни в благообразном, чисто выбритом американском миссионере с трубкой в зубах, не могшем ни в Баку, ни в Энбели ни одного слова ответить на вопросы красноармейцев из-за полного незнания русского языка. А в следующем своем воплощении, в виде кофейного плантатора, под далеким экватором, в восточной Африке, он составил эти заметки о том, что старый чеченский мулла считал затмением, временно ниспосланным Аллахом на человечество.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

При подготовке указателя фамилии и инициалы уточнялись по документам Российского государственного военно-исторического архива, в первую очередь, по фонду штаба Кавказской Туземной конной дивизии и послужным спискам офицеров и генералов.

Аверьянов П.И. 37, 43, 70

Авксентьев Н.Д. 156

Азеф Е.Ф. 192

Александра Михайловна 37

Алексеев М.В. 19, 22, 35, 40, 51, 54, 55, 80, 196,
214

Алексинский Г.А. 130, 136, 140, 164

Андогский А.И. 28

Апухтин 86, 87, 138

Апушкин В.А. 42, 172

Арсеньев Е.К. 60

Архангельский А.П. 37, 39, 40, 41, 54, 55, 58, 70,
87, 200

Баев В.А. 64

Багратион Д.П. 16, 17, 18, 44, 54, 55, 57, 58, 60,
61, 65, 66, 67, 68, 69, 186, 188,
191, 196, 197, 198, 199

Багратуни Я.Г. 193, 194, 195

Базили Н.А. 57

Балабин Ф.И. 39, 50, 69, 70, 71, 72, 77, 78, 83, 87,
90, 92, 106, 113, 136, 152, 155, 180,
181

Барановский В.Л. 68, 193, 194

Бекович-Черкасский 56, 60

Белькович Л.Н. 54, 123

Беляев В.В. 46, 47

Бенигсен А. 85

Березняк 114
 Берс 86
 Болдырев В.Г. 44, 45, 47
 Болотов В.В. 69
 Борис Владимирович 80
 Борис Годунов 181, 182
 Бочкарева М.Л. 97, 98, 99
 Брайтенфельс 21
 Брандман 59
 Брусилов А.А. 51, 55, 60, 65, 67, 68, 69, 71, 95, 99,
 175, 185, 194
 Валь В.В. 31
 Васильковский О.П. 181, 189, 190, 193, 195
 Вердеревский Д.Н. 153, 154
 Веретенников А.П. 65
 Верховский А.И. 39, 91, 200
 Вильтон 45, 47
 Витте С.Ю. 41
 Владимир Александрович 80
 Воейков В.Н. 21, 23, 86
 Вырубова А.А. 86
 Гагарин А.В. 66, 191, 196, 197, 198
 Гатовский С.Н. 68, 196, 198
 Гильбих В.П. 26, 37, 78
 Голицын 185, 186, 191
 Голицын Н.Д. 106
 Горгиджанов 30, 32
 Гоц А.Р. 140, 141, 142, 143, 156
 Грессер П.А. 31
 Грузинов А.Е. 42
 Гурко В.И. 180, 192
 Гучков А.И. 26, 28, 29, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 43,
 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54,
 55, 56, 57, 58, 62, 65, 66, 67, 79, 100,
 184, 188

Гушин 97
 Данилов 59, 62, 66, 197
 Данилов Ю.Н. 47
 Дени-шейх 210
 Добровольский А.А. 86
 Добржияловский Б.-А.А. 185, 190, 191
 Драгомиров А.М. 45, 47, 48
 Дурново П.П. 115, 118, 119, 121, 122
 Дутов А.И. 97
 Екатерина II 71, 81
 Ефремов И.Н. 45
 Замойский А.С. 19, 56, 185
 Иванов Н.И. 19, 22, 23, 31
 Каледин А.М. 178
 Каменев Л.Б. 140, 141, 142
 Кантакузин В.Г. 60
 Капнист Б.М. 44, 47
 Караулов М.А. 28, 33, 203, 204, 211, 213
 Келлер Ф.А. 50
 Керенский А.Ф. 51, 52, 55, 67, 68, 69, 70, 71, 80,
 81, 82, 86, 87, 88, 91, 94, 95, 97,
 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104,
 105, 115, 117, 121, 123, 124, 125,
 128, 138, 139, 143, 144, 145, 146,
 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153,
 154, 155, 156, 157, 161, 162, 163,
 171, 172, 173, 174, 176, 177, 178,
 179, 180, 181, 182, 183, 185, 188,
 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199,
 200
 Керим 201
 Кирилл Владимирович 28, 29
 Клейгельс Н.В. 31
 Клембовский В.Н. 18, 187
 Колышко 94

Колюбакин М. 59, 64
Кондзеровский П.К. 18
Константин Павлович 82
Копысов 59, 62
Корнилов Л.Г. 39, 50, 67, 83, 87, 88, 89, 92, 108,
110, 172, 181, 184, 185, 186, 187,
189, 190, 191, 192, 193, 194, 195,
196
Крылов К.А. 54
Крым Султан Гирей 63, 196
Крымов А.М. 43, 50, 195, 196
Кюба Е.П. 58
Кузьмин А.И. 69, 70, 71, 73, 74, 88, 117, 120, 126,
137, 161, 176, 180, 181, 182, 194, 195
Куропаткин А.Н. 37
Кутайсов К.П. 26
Кшесинская М.Ф. 86, 122, 135, 137, 138
Лебедев В.И. 39, 153, 154
Лебедев Д.К. 39
Ленин В.И. 86, 122, 137, 151, 152, 155, 160
Леснер 155
Либер М.И. 140
Литвинов А.И. 45, 47, 48
Лукомский А.С. 18, 56, 57, 185, 195
Львов В.Н. 163, 171, 192, 194
Львов Г.Е. 76, 115, 121, 136, 145, 146, 163
Любомиров 44, 55
Магалов Л.Л. 196, 198
Мазуренко Г.П. 139, 144, 145
Максимович 66
Маниковский А.А. 53
Мария Федоровна 101
Марсенго 57
Масленников М.А. 49, 113, 120, 180, 201
Меликов Н.Л. 45

Мерчули Г.А. 57, 62
 Микашевидзе А. 60
 Миронов Н.Д. 94, 188, 190, 191, 195
 Михаил Александрович 15, 17, 19, 34, 35, 52, 62,
 82, 179
 Михаил Николаевич 105
 Михневич Н.П. 37, 38
 Мод С. 186
 Мономах (Константин IX Мономах) 183
 Мышлаевский А.З. 37, 38, 39, 51
 Нахичеванский Хан Гусейн 114
 Никитин Б.В. 93, 94, 130, 133, 135, 144, 152, 155,
 159, 188, 189, 190, 191, 199, 201
 Николай II 187
 Николай Михайлович 81
 Николай Николаевич 34
 Новицкий В.Ф. 53, 55
 Новосильцевы 200
 Нокс А. 40, 94
 Ностиц Г.И. 90
 Одинцов С.И. 188
 Остен-Сакен В.Ф. 26, 28
 Павел Александрович 180
 Пальчинский П.И. 26, 27, 28, 10, 32, 37, 38, 39, 40,
 41, 51, 52, 58, 67, 70, 78, 104,
 106, 109, 130, 136, 148, 149,
 152, 162, 175, 187, 192, 193,
 194, 195, 197, 201
 Параделов 139
 Паршин 26, 31, 35, 90, 136, 174, 175
 Переверзев П.Н. 76, 80, 119, 120, 121, 123, 130, 163
 Петр I 71, 107
 Петухов П. 215
 Плющик-Плющевский Ю.Н. 190
 Поливанов А.А. 36, 37, 38

Поспелов П. 22
Потапов Н.М. 26, 35
Протопопов А.Д. 46
Рагозин А. 66, 67, 69, 72, 77, 98, 103, 108, 115, 120,
142, 158, 174, 180, 181
Радко-Дмитриев Р.Д. 44, 45, 46, 47
Раевский М.Ф. 45
Ребиндер С.А. 134, 135, 145, 146, 147
Ржевусский 69
Риттих А.А. 30
Родзянко М.В. 29, 33, 34, 35, 177, 178, 179, 188
Романовский Г.Д. 70, 124, 130
Романовский И.П. 190
Рубец-Масальский Ф.В. 39
Рузский Н.В. 44, 47
Савинков Б.В. 189, 190, 191, 192, 194, 195
Сахаров В.В. 38
Сергей Михайлович 57
Скобелев М.И. 145
Скотт Х. 96, 123
Скуратов К.Н. 151, 165
Смольянинов 184, 186, 187
Старосельский В.Д. 57, 60, 62
Стеклов (Нахамкес) Д.И. 152, 155
Суменсон Е.М. 93, 158, 159
Такаев А.Х. 64
Терещенко М.И. 108, 122, 136, 149, 162
Траилин А.А. 116, 147, 149, 176
Троцкий Л.Д. 151, 152, 154, 171
Туган-Барановский Л.С. 26, 37, 43, 49, 70
Туманов Г.Н. 26, 36, 37, 43, 51, 70, 78, 148, 187,
190, 192, 193, 195, 196, 197, 198, 200
Фазулла-Мирза 56
Фан-дер-Флит К.П. 83
Филимонов А.П. 207

Фредерикс В.Б. 21
Фуше Ж. 195
Хагондоков К.Н. 43
Хаджи-Мурат А.Х. 200
Церетели И.Г. 137, 143, 145, 146
Чиковани В.П. 64
Чермоев А.М.О. 202, 203, 211, 214
Чернов В.М. 91, 106, 122, 134, 137, 189, 194
Чхеидзе Н.С. 89, 90, 110, 143, 145, 155, 173, 177,
178
Шавельский Г.И. 21, 22, 49
Шварц А.В. 55
Шептицкий А. 52
Шметтов Э. фон (Schmettow E.) 20, 21
Шпан 143
Щербачев Д.Г. 68
Энгельгардт Б.А. 25, 35, 37, 38, 51
Эрдели И.Г. 174, 181
Юревич В.А. 31
Якубович Г.А. 26, 37, 39, 40, 43, 51, 70, 71, 78, 87,
91, 115, 117, 130, 134, 139, 147,
149, 156, 161, 162, 166, 170, 173,
174
Ярмонкин 25

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Кавказская Туземная конная дивизия состояла из трех бригад. В 1-ю бригаду входили Кабардинский и Чеченский конные полки; во 2-ю — 2-й Дагестанский и Татарский; в 3-ю — Ингушский и Черкесский. Дивизия входила в состав 2-го Кавалерийского корпуса, который действовал вначале в составе 8-й армии, а с 1915 г. в составе 9-й армии на Юго-Западном и Румынском фронтах.

2 Румынский фронт был образован в декабре 1916 г. из 4, 6, 9-й русских и 1, 2-й румынских армий. Номинально главнокомандующим армиями фронта был румынский король, фактически его помощники — русские генералы В.В. Сахаров (декабрь 1916 — апрель 1917) и Д.Г. Щербачев (апрель 1917 — март 1918).

3 Багратион Дмитрий Петрович (1863 — ?), сын грузинского князя. В годы первой мировой войны командовал 1-й бригадой Кавказской Туземной конной дивизии (1914 — 1915), этой же дивизией (1916 — 1917), 2-м Конным корпусом (1917). В мае — сентябре вновь начальник Кавказской Туземной конной дивизии, реорганизованной в корпус в августе 1917. После Октябрьской революции служил в Красной Армии. Генерал-лейтенант (1916).

4 Имеется в виду Юго-Западный фронт.

5 Ставка Верховного главнокомандующего была высшим органом управления действующей армией и местопребыванием Верховного главнокомандующего вооруженными силами России на театре военных действий. С 8 августа 1915 г. находилась в Могилеве.

6 Речь идет об Управлении генерал-квартирмейстера в Ставке Верховного главнокомандующего, которое разрабатывало планы боевых операций, собирало и обрабатывало сведения о расположении и действиях русской армии, ведало организацией связи, собирало информацию о противнике.

7 Генеральный штаб в русской армии — корпус офицеров, являвшийся вспомогательным органом командования по управлению войсками, а также выполнявший научную работу. Офицеры Генерального штаба несли службу в штабах соединений (до дивизий включительно), военных округов и крепостей, за рубежом в качестве военных агентов (атташе) и т.п. К началу первой мировой войны в Генеральном штабе числилось 1135 офицеров. С началом военных действий они заняли ключевые должности в полевом военном аппарате.

8 Лукомский Александр Сергеевич (1868 — 1939) родился в дворянской семье. В 1913 — 1916 гг. помощник начальника, затем начальник канцелярии Военного министерства, в апреле — ноябре 1916 г. командовал 32-й пехотной дивизией, начальник штаба 10-й армии. С октября 1916 г. генерал-квартирмейстер, а в июле — августе 1917 г. начальник штаба в Ставке Верховного главнокомандующего. В годы гражданской войны начальник штаба Добровольческой армии. С ноября 1920 г. в эмиграции. Генерал-лейтенант (1916).

9 Кондзеровский Петр Константинович (1869 — 1929) родился в дворянской семье. В 1914 — 1917 гг. дежурный генерал в Ставке Верховного главнокомандующего. В марте — апреле 1917 г. начальник Главного Штаба, затем член Военного совета Военного

министерства. После окончания гражданской войны в эмиграции. Генерал-лейтенант (1916).

10 Дежурством Половцов в данном случае называет Управление дежурного генерала в Ставке Верховного главнокомандующего. Управление ведало общими вопросами комплектования вооруженных сил и собирало сведения о степени обеспечения войск всеми видами довольствия.

11 Военные агенты — постоянные представители военного ведомства России в зарубежных странах. Как правило, они входили в состав персонала российских посольств. В данном случае речь идет о представителях иностранных союзных армий в Ставке Верховного главнокомандующего.

12 Клембовский Владислав Наполеонович (1860 — 1923) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны был начальником пехотной дивизии, с 13 декабря 1915 г. — штаба армий Юго-Западного фронта. С 31 мая 1917 г. главнокомандующий армиями Северного фронта. В дни корниловского мятежа исполнял должность Верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции служил в Красной Армии. Генерал от инфантерии (1915).

13 Замойский Адам Станиславович, граф, церемониймейстер высочайшего двора, флигель-адъютант (1916), корнет лейб-гвардии Уланского полка.

14 Собственный его императорского величества Конвой сформирован 1 мая 1828 г. и первоначально состоял из представителей знатных кавказских горцев. В середине XIX в. в его состав входили команды грузин, горцев, лезгин, мусульман. В 1863 г. в состав Конвоя была включена команда крымских татар. Все команды составили лейб-гвардии Кавказский эскад-

рон. Постепенно национальные команды расформировывались, и с 1891 г. по 1917 г. Конвой представлял собой обычную казачью часть в составе 1-й и 2-й Кубанских, 3-й и 4-й Терских сотен. В марте 1917 г. он был передан в штаб Верховного главнокомандующего и переименован в Конвой Верховного главнокомандующего.

15 Свита его императорского величества сформировалась в годы царствования Александра I и Николая I. В нее входили приближенные к императорам генералы и офицеры, имевшие специальные свитские звания флигель-адъютантов, свиты его величества генерал-майоров, свиты его величества контр-адмиралов и генерал-адъютантов.

16 Иванов Николай Иудович (1851 — 1919) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (1914 — 1916). В дни Февральской революции был направлен Николаем II с экспедицией в Петроград для подавления революционного движения. После Октябрьской революции командовал белоказачьей армией у атамана П.Н. Краснова. Генерал-адъютант (1907), генерал от артиллерии (1908).

17 Половцов указывает основные сражения в годы русско-японской войны: 13 — 21 августа 1904 г. в районе города Ляоян, 22 сентября — 4 октября 1904 г. у реки Шахэ, 6 — 25 февраля 1905 г. в районе города Мукден.

18 Алексеев Михаил Васильевич (1857 — 1918) родился в семье солдата. В годы первой мировой войны начальник штаба армий Юго-Западного фронта (1914 — 1915), начальник штаба в Ставке Верховного главнокомандующего (1915 — 1917), Верховный главно-

командующий в апреле — мае 1917 г. После Октябрьской революции один из основателей и военный руководитель Добровольческой армии. Генерал-адъютант. Генерал от инфантерии (1914).

19 Шметтов Эберхард (Schmettow Eberhard), граф, родился в 1861 г. В годы первой мировой войны командовал германской 8-й кавалерийской дивизией (1915 — 1916), 195-й пехотной дивизией в Галиции (сентябрь — октябрь 1916), 3-й кавалерийской дивизией в Трансильвании (октябрь 1916 — январь 1917), кавалерийским корпусом в Румынии (1917 — 1918). Генерал-лейтенант.

20 6 августа 1870 г. у городка Верте в ходе начавшейся франко-прусской войны произошло сражение, в котором участвовали части 3-й немецкой армии и французской Эльзасской армии.

21 Шавельский Георгий Иванович (1871 — 1951) родился в семье сельского дьячка. В 1911 — 1917 гг. протопресвитер военного и морского духовенства, профессор богословия. После Октябрьской революции в Добровольческой армии, а затем в эмиграции.

22 Воейков Владимир Николаевич (1868 — после 1930) родился в дворянской семье. В 1913 — 1917 гг. дворцовый комендант. После Октябрьской революции в эмиграции. Генерал-майор (1909).

23 Имеется в виду орден Святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени. Знаками ордена были восьмиконечная звезда с серебряными и золотыми лучами, золотой, покрытый красной финифтью крест и лента из трех полос (1-я степень) и двух полос (2-я степень). Крест носили на шее.

24 Половцов здесь не совсем точен. Отделы путей сообщения были при штабах фронтов, а в Ставке с января 1917 г. существовало Управление военных сообщений.

25 Временный комитет Государственной думы избран 27 февраля в составе 13 человек (председатель М.В. Родзянко). До 2 марта выполнял функции правительства.

26 Энгельгардт Борис Александрович (1877 — 1962) родился в дворянской семье. Депутат Государственной думы 4-го созыва. С 20 апреля 1916 г. состоял в распоряжении начальника Генерального штаба. В дни Февральской революции избран председателем военной комиссии Временного комитета Государственной думы. После Октябрьской революции сражался в Добровольческой армии, затем в эмиграции. После установления Советской власти в Латвии оказался в СССР. Отбывал административную ссылку в Хорезмской области. С 1946 г. жил в Риге. Полковник (1917).

27 Таврический дворец с 1906 г. место работы Государственной думы. В дни Февральской революции в нем проходили многочисленные митинги. До переезда в Смольный институт здесь находился Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. С августа 1917 г. правительство стало готовить дворец к созыву Учредительного собрания.

28 Остен-Сакен фон Владимир Федорович, барон, заведующий охраной Таврического дворца, генерал-майор.

29 Гучков Александр Иванович (1862 — 1936) родился в купеческой семье. В годы первой мировой войны председатель Центрального военно-промышленного комитета, член Государственного совета, ли-

дер партии октябристов. В марте — апреле 1917 г. военный и морской министр Временного правительства. После Октябрьской революции один из первых промышленников, который дал деньги А.И. Деникину на формирование Добровольческой армии. С 1919 г. в эмиграции.

30 Туманов Георгий Николаевич (1880 — 1917) родился в дворянской семье, князь. В годы первой мировой войны делопроизводитель Главного управления Генерального штаба, в мае — октябре 1917 г. помощник военного министра. Убит в дни Октябрьской революции. Генерал-майор (1917).

31 Якубович Григорий Андрианович (1880 — 1926) родился в семье потомственного почетного гражданина. В годы первой мировой войны и.д. штаб-офицера для поручений при штабе 43-го армейского корпуса, с сентября 1915 г. и.д. помощника делопроизводителя Главного управления Генерального штаба, после Февральской революции помощник военного министра. Генерал-майор (1917).

32 Туган-Барановский Лев Степанович (1880 — ?) родился в дворянской семье. В 1908 — 1917 гг. служил в Мобилизационном отделе Главного управления Генерального штаба. В мае — июне 1917 г. и.д. начальника канцелярии Военного министерства, затем член особой следственной комиссии для расследования злоупотреблений по военному ведомству. Полковник (1916).

33 Гильбих Владимир Петрович (1884 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны служил в Главном управлении Генерального штаба. С 10 августа 1916 г. и.д. начальника штаба 5-й Туркестанской стрелковой дивизии. Подполковник (1914).

34 Кутайсов Константин Павлович (1876 — ?), граф. В годы первой мировой войны командир лейб-гвардии 4-й батареи, затем 3-го дивизиона лейб-гвардии Конной артиллерии. Флигель-адъютант (1915), генерал-майор (1917).

35 Пальчинский Петр Иакимович (Акимович) (1875 — 1929) родился в семье богатого крестьянина. Инженер. После Февральской революции член военной комиссии Временного комитета Государственной думы, товарищ министра торговли и промышленности. После Октябрьской революции эксперт и консультант ряда советских учреждений по экономическим и техническим вопросам, член Научно-технического совета Высшего совета народного хозяйства СССР, профессор. Расстрелян по подозрению во вредительстве в советской промышленности. Реабилитирован посмертно.

36 Потапов Николай Михайлович (1871 — 1946) родился в дворянской семье. В 1903 — 1916 гг. военный агент в Черногории. В 1917 г. генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба. После Октябрьской революции служил в Красной Армии. Генерал-лейтенант (1917).

37 Временно исполняющий должность.

38 Протопопов Александр Дмитриевич (1866 — 1918) родился в дворянской семье. Депутат Государственной думы 4-го созыва, Корсунский уездный предводитель дворянства (1905 — 1916), Симбирский губернский предводитель дворянства (февраль — сентябрь 1916). С сентября 1916 управляющий, а с 20 декабря 1916 г. министр внутренних дел, шеф Отдельного корпуса жандармов. После Октябрьской револю-

ции расстрелян по приговору ВЧК. Действительный статский советник.

39 Завод Сан-Галли находился на Мойке 84, недалеко от Дома военного министра.

40 По-видимому, здесь речь идет о Николаевском кавалерийском училище.

41 Имеется в виду должность правителя дел Императорской Николаевской военной академии.

42 Андогский Александр Иванович (1876 — 1931) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны служил начальником 3-й гвардейской пехотной дивизии, командиром 151-го пехотного Пятигорского полка. В 1916 — 1917 гг. правитель дел, профессор, начальник Императорской Николаевской военной академии. После Октябрьской революции некоторое время служил в Красной Армии, затем в армии адмирала А.В. Колчака. Генерал-майор (1917).

43 Караулов Михаил Александрович (1878 — 1917) родился в семье зажиточного казака. Автор книг по истории терского казачества. Депутат Государственной думы 2-го и 4-го созывов. Временным правительством назначен областным комиссаром во Владикавказе. В марте 1917 г. избран атаманом Терского казачьего войска. 20 октября организовал Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей. 1-го декабря 1917 г. возглавил Терско-Дагестанское правительство. Убит в ходе столкновения с солдатами возвращавшегося с Кавказского фронта эшелона на станции Прохладная.

44 Родзянко Михаил Владимирович (1859 — 1924) родился в дворянской семье. Председатель Государственной думы 4-го созыва и Временного комитета Го-

сударственной думы. После Октябрьской революции в эмиграции. Камергер высочайшего двора, действительный статский советник.

45 Сатрапами в древнем и средневековом Иране называли наместников провинции (сатрапии). Половцов в данном случае употребляет слово в переносном смысле — администратор-самодур.

46 Риттих Александр Александрович (1868 — 1930) родился в дворянской семье. Товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (1912 — 1916). С 29 ноября 1916 г. управляющий, с 12 января 1917 г. министр земледелия. По должности руководителя Министерства земледелия — председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. После Октябрьской революции эмигрировал, был директором банка в Лондоне. Гофмейстер высочайшего двора, сенатор, тайный советник.

47 Юревич Вадим Александрович, экстраординарный профессор, доктор медицины, начальник кафедры заразных болезней, заведующий госпитальным отделением острозаразных болезней Императорской военно-медицинской академии, с 2-го марта градоначальник Петрограда.

48 Половцов вспоминает бывших градоначальников Петербурга: генерал-лейтенант фон Валь Виктор-Карл-Конрад-Вильгельм Вильгельмович, генерал-лейтенант Грессер Петр Аполлонович и генерал-адъютант, генерал от кавалерии Клейгельс Николай Васильевич.

49 Правительствующий Сенат, высший орган суда и надзора.

50 Святтейший Синод до восстановления в 1917 г. патриаршества был высшим органом управления Русской православной церкви.

51 Имеется в виду запасной батальон Кексгольмского полка, на базе которого летом 1917 г. стал создаваться Кексгольмский резервный полк; дислоцировался около Адмиралтейства.

52 Комиссия под председательством А.А. Поливанова была образована «для переработки законоположений и уставов в точном соответствии с новыми правовыми нормами».

53 Куропаткин Алексей Николаевич (1848 — 1925) родился в дворянской семье. В 1898 — 1904 гг. военный министр, затем командовал войсками в Маньчжурии во время русско-японской войны 1904 — 1905 гг. В 1916 — 1917 гг. туркестанский генерал-губернатор. После Октябрьской революции на преподавательской работе. Генерал от инфантерии (1900).

54 Поливанов Алексей Андреевич (1855 — 1920) родился в дворянской семье. В 1906 — 1912 гг. помощник военного министра, в 1915 — 1916 гг. военный министр. По должности руководителя Военного министерства с 17 августа 1915 г. — председатель Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. После Октябрьской революции в Красной Армии. Генерал от инфантерии (1911).

55 Мышлаевский Александр Захарьевич (1856 — 1920) родился в семье статского советника. В 1909 г. был начальником Главного Управления Генерального штаба. В 1915 — 1916 гг. главный начальник Кавказского военного округа, в 1917 г. командующий войсками Казанского военного округа. После Октябрь-

ской революции некоторое время служил в советских учреждениях. Генерал от инфантерии (1912).

56 Михневич Николай Петрович (1849 — ?) родился в дворянской семье. В 1911 — 1917 гг. начальник Главного штаба Военного министерства. После Октябрьской революции служил в Красной Армии. Генерал от инфантерии (1910).

57 Аверьянов Петр Иванович (1867 — 1921) родился в семье титулярного советника. С марта 1914 г. начальник штаба Иркутского военного округа, с августа 1916 г. и.д. начальника, затем начальник Главного управления Генерального штаба. С 15 мая 1917 г. Главный начальник снабжений Кавказского фронта. Генерал-лейтенант (1916).

58 Архангельский Алексей Петрович (1872 — 1959). В 1909 — 1917 гг. служил в Главном штабе: начальник отдела, и.д. дежурного генерала, с 9 мая 1917 г. и.д. начальника штаба. Генерал-лейтенант (1917).

59 Сахаров Владимир Викторович (1853 — 1920) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал 11-й армией, а в 1916 — 1917 гг. помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта. Генерал от кавалерии (1908).

60 28 февраля от имени военной комиссии Временного комитета Государственной думы за подписью М.В. Родзянко был отдан приказ, предлагавший солдатам немедленно вернуться в казармы и возвратить взятое в дни революции оружие. Уже вечером солдаты обратились в Петроградский Совет с протестом против этого приказа. Утром 1-го марта к председателю военной комиссии Б.А. Энгельгардту пришли выборные от 20 частей с весьма умеренным текстом проекта нового приказа, намного меньше затрагивающим ос-

новы воинской дисциплины, по сравнению с будущим «Приказом № 1». По существу речь шла только о выборности младших офицеров. Энгельгардт решил посоветоваться с членами Временного комитета и А.И. Гучковым. Все они высказались против. Тогда солдаты заявили, что «напишут сами». В тот же день на заседании Совета солдаты с возмущением рассказали о возвращавшихся офицерах, отбиравших оружие и устанавливавших старые порядки. Совет вначале решил обратиться к столичному гарнизону с воззванием. Но представители воинских частей высказались за то, чтобы оно было названо приказом, иначе солдаты не поймут его значение. Текст приказа был разработан выбранной Петросоветом специальной комиссией под руководством члена исполкома Н.Д. Соколова. На следующий день он был опубликован в газете «Известия» под названием «Приказ № 1 от 1 марта по гарнизону Петрограда». Уже 3 марта начальник Главного артиллерийского управления Военного министерства А.А. Маниковский послал записку во Временный комитет Государственной думы: «Крайне необходимо немедленно, то есть не теряя ни одной минуты, издать приказ от имени нового правительства — вместо гуляющего по рукам «Приказа № 1» — от Совета рабочих депутатов. Иначе нельзя работать». Подобную реакцию можно понять, ибо, как свидетельствует вся история, армия могла держаться только на строжайшей дисциплине, на принципе единоначалия. Приказ № 1 распространился по всей армии и в значительной степени способствовал потере контроля над армией со стороны офицеров.

ПРИКАЗ № 1 ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ.

«По гарнизону Петроградского округа всем солдатам

гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленно-го и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2-го сего марта.

3) Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4) Приказы военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5) Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам даже по их требованию.

6) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности встава-

ние во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7) Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов. Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов».

61 Рубец-Масальский Федор Васильевич (1865 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал бригадами в 7 и 14-й кавалерийских дивизиях. С 8 октября 1915 г. в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. С января 1917 г. председатель Главной военно-цензурной комиссии. С 21 апреля 1917 г. в распоряжении начальника Генерального штаба. Генерал-лейтенант (1917).

62 Корнилов Лавр Георгиевич (1870 — 1918) родился в семье коллежского секретаря, бывшего казачьего офицера. В годы первой мировой войны командовал 48-й пехотной дивизией. Попал в плен, бежал, назначен командиром 25-го армейского корпуса. После Февральской революции главнокомандующий войсками Петроградского военного округа. В мае — июле командовал 8-й армией. С 19 июля по 27 августа Верховный главнокомандующий. 25 августа отдал

приказ о движении верных ему войск на Петроград, потребовал отставки Временного правительства. Был арестован. После Октябрьской революции участвовал вместе с М.В. Алексеевым в формировании Добровольческой армии. Генерал от инфантерии (1917).

63 Балабин Филипп Иванович (1881 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал 3-м Донским казачьим полком, с 4 марта 1917 г. помощник начальника штаба Петроградского военного округа, с 12 июля 1917 г. в распоряжении начальника Генерального штаба. После Октябрьской революции в Красной Армии. Полковник (1915).

64 Верховский Александр Иванович (1886 — 1938) родился в дворянской семье. В первую мировую войну служил в штабах 22-го армейского корпуса, 9-й, затем 7-й армий. С января 1917 г. начальник штаба Черноморской дивизии. В мае — августе 1917 г. командующий войсками Московского военного округа. Осудил корниловский мятеж и с 30 августа военный министр. После Октябрьской революции служил в Красной Армии. В 1938 г. расстрелян. Реабилитирован посмертно. Генерал-майор (1917).

65 Лебедев Владимир Иванович в годы первой мировой войны эмигрант, вступил добровольцем во Французскую армию, воевал на салоницком фронте, с мая 1917 г. помощник военного и морского министра, в июле — августе 1917 г. управляющий Морским министерством. Лейтенант.

66 «Русский инвалид» — газета, официальный орган Военного министерства. В июле 1917 г. по «психологической потребности» ее переименовали в «Армию и флот свободной России». Газета из «военной» превратилась в «военную», «политическую» и «литера-

турную». С 1 апреля 1917 г. редактором газеты был генерал-майор Д.К. Лебедев.

67 Наштаюз — начальник штаба армий Юго-Западного фронта.

68 Речь идет о должности Верховного главнокомандующего.

69 Витте Сергей Юльевич (1849 — 1915), государственный деятель, в 1892 г. управляющий Министерством путей сообщения, в 1892 — 1903 гг. министр финансов, в 1903 — 1905 гг. председатель Комитета министров, в 1905 — 1906 гг. председатель Совета министров. Действительный тайный советник.

70 Грузинов Александр Евграфович (1873 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командир 22-й ополченческой легкой батареи, председатель Московской губернской земской управы (1915 — 1917). Весной 1917 г. командующий войсками Московского военного округа. Полковник (1913).

71 Апушкин Владимир Александрович (1868 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны служил в Главном военно-судном управлении Военного министерства, с марта 1917 г. начальник этого управления и главный военный прокурор. После Октябрьской революции служил в Красной Армии. Генерал-лейтенант (1917).

72 Хагондоков Константин Николаевич. В годы первой мировой войны командовал 2-й бригадой Кавказской Туземной конной дивизии, был начальником штаба 2-го кавалерийского корпуса. С января 1916 г. военный губернатор Амурской области и наказной атаман Амурского казачьего войска. С 21 октября

1917 г. в резерве чинов при штабе Кавказского военного округа. Генерал-майор (1915).

73 Крымов Александр Михайлович (1871 — 1917) родился в семье надворного советника. В годы первой мировой войны и.д. генерала для поручений при командующем 2-й армии, командир бригады во 2-й Кубанской казачьей дивизии, и.д. начальника штаба 3-го конного корпуса. В 1915 — 1917 гг. командовал Уссурийской конной бригадой (в декабре 1915 г. переформирована в дивизию). В августе 1917 г. командующий Отдельной армией. Активный участник корниловского мятежа, после провала которого покончил жизнь самоубийством.

74 Капнист Борис Михайлович (1888 — ?), граф. В годы первой мировой войны служил в 75-м пехотном Севастопольском полку. Поручик (1915).

75 Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич (1859 — 1918), болгарин, на службе в русской армии с 1887 г. В годы первой мировой войны командовал 3-й, затем 12-й армиями. С 20 июля 1917 г. в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа. Генерал-лейтенант (1914).

76 Рузский Николай Владимирович (1854 — 1918) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, командующий 6-й армией, главнокомандующий армиями Северного фронта. В апреле 1917 г. уволен по болезни. В сентябре 1918 г. попал в число заложников, взятых Красной Армией, и после мятежа И.Л. Сорокина расстрелян в Пятигорске. Генерал-адъютант (1914), генерал от инфантерии (1909).

77 Болдырев Василий Георгиевич (1875 — 1932) родился в дворянской семье. В годы первой мировой

войны командовал 30-м пехотным Полтавским полком, был начальником штаба 3-й гренадерской дивизии. С сентября 1916 г. генерал-квартирмейстер штаба армий Северного фронта. После Февральской революции командовал 43-м армейским корпусом. После Октябрьской революции боролся с Советской властью в Сибири и на Дальнем Востоке. После освобождения Владивостока арестован, вскоре признал Советскую власть и в 1926 г. амнистирован. Генерал-лейтенант (1917).

78 Драгомиров Абрам Михайлович (1868 — 1955) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал корпусом, армией, армиями Северного фронта. После Октябрьской революции боролся с Советской властью. Первый председатель Особого совещания (фактически глава правительства на Юге России) при А.И. Деникине. В эмиграции председатель Общества офицеров Генерального штаба. Генерал от кавалерии (1916).

79 Литвинов Александр Иванович (1853 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командующий 1-й армией. Генерал от кавалерии (1911).

80 Раевский Михаил Федорович (1875 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны и.д. старшего адъютанта разведывательного отделения, затем отдела генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии, с августа 1915 г. начальник авиационной группы в штабе 6-й армии. С октября 1916 г. делопроизводитель, с 26 августа 1917 г. помощник обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба. После Октябрьской революции служил в Красной Армии. Флигель-адъютант (1912), полковник (1913).

81 Меликов Николай Леванович (1867 — ?), князь. В годы первой мировой войны помощник командира 17-го драгунского Нижегородского полка по строевой части, с 27 марта 1915 г. командир 20-го драгунского Финляндского полка. Полковник (1911). Н.Л. Меликов в 1897 — 1898 гг. служил в одном полку с П.А. Половцовым.

82 Ефремов Иван Николаевич (1866 — после 1933) родился в дворянской семье. Землевладелец. Депутат Государственной думы 1, 3, 4-го созыва. Участвовал в создании Прогрессивной партии (1912). Летом 1917 г. возглавил ЦК Радикально-демократической партии. В июле — августе министр государственного призрения Временного правительства, затем чрезвычайный посланник и полномочный представитель Временного правительства в Швейцарии.

83 Беляев Владимир Васильевич (1868 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал 1-й бригадой 45-й пехотной дивизии. С 14 июля 1915 г. и.д. начальника штаба 13-й армии (7 августа 1915 г. переименована в 12-ю армию). С 10 апреля 1916 г. начальник штаба 12-й армии. Генерал-лейтенант (1916).

84 Имея семью из шести человек, В.В. Беляев имел все основания быть недовольным своим увольнением из армии.

85 Данилов Юрий Никифорович (1866 — 1937) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, командир 25-го армейского корпуса. С августа 1916 г. начальник штаба армий Северного фронта. После Февральской революции ко-

мандующий 5-й армии. После окончания гражданской войны в эмиграции. Генерал от инфантерии (1914).

86 Речь идет о подготовке заговора против Николая II группой представителей деловых кругов и либеральных политических партий. Первое заседание заговорщиков состоялось в октябре 1916 г. Рассматривались три варианта ареста царя: а) в Ставке, б) в Царском Селе, в) в поезде между Ставкой и Царским Селом. Было решено использовать третий вариант. Трудности возникли из-за отсутствия на железной дороге надежных людей. Позднее А.И. Гучков так подвел итоги всей заговорщической деятельности: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось».

87 Келлер Федор Августович (1857 — 1918), граф. В годы первой мировой войны командовал 3-м конным корпусом. После Февральской революции отказался присягать Временному правительству и вышел в отставку. В 1918 г. командовал войсками Украинской державы и в декабре того же года в Киеве убит петлюровцами. Генерал от кавалерии (1910).

88 Керенский Александр Федорович (1881 — 1970) родился в семье директора мужской Симбирской гимназии. Депутат Государственной думы 4-го созыва. Лидер фракции трудовиков, один из руководителей российского политического масонства. В дни Февральской революции вошел в состав Временного комитета Государственной думы. В марте — мае министр юстиции, в мае — августе 1917 г. военный и морской министр, с июля одновременно министр-председатель Временного правительства. После Октябрьской революции в эмиграции.

89 Брусилов Алексей Алексеевич (1853 — 1926) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал 8-й армией и войсками Юго-Западного фронта, осуществлявшими наступательные операции на русско-германском фронте (Брусиловский прорыв). В мае — июле 1917 г. Верховный главнокомандующий. С мая 1920 г. в Красной Армии. Генерал-адъютант (1915), генерал от кавалерии (1912).

90 Шептицкий Андрей (1865 — 1944) родился в дворянской семье. Церковный деятель, с 1899 г. епископ Станиславский, с 1900 г. архиепископ Львовский, с 1901 г. митрополит униатской церкви в Западной Украине. В годы первой мировой войны был осужден за призывы о присоединении Галиции к Австро-Венгрии. Находился под надзором полиции в Нижнем Новгороде и Курске, с сентября 1916 г. заточен в Спасо-Евфимиевский монастырь. 8 марта 1917 г. освобожден по предложению министра юстиции А.Ф. Керенского, вернулся во Львов, был одним из вдохновителей идеи создания Западно-Украинской народной республики, провозглашенной 1 ноября 1918 г.

91 Маниковский Алексей Алексеевич (1865 — 1920) родился в семье надворного советника. В годы первой мировой войны руководил Главным артиллерийским управлением Военного министерства. После Февральской революции помощник военного министра. После Октябрьской революции служил в Красной Армии. Генерал от артиллерии (1916).

92 Новицкий Василий Федорович (1869 — 1929). В годы первой мировой войны командовал стрелковой бригадой, пехотной дивизией, армейским корпусом. После Февральской революции помощник военного министра, затем командующий 12-й армией. После

Октябрьской революции служил в Красной Армии. Генерал-лейтенант (1917).

93 Весной 1917 г. было уволено или смещено со своих постов до 60% высших офицеров. Среди них 8 главнокомандующих армиями фронтов и командующих армиями, 35 командиров корпусов (из 68) и 75 начальников дивизий (из 240).

94 Возможно речь идет о генерал-лейтенанте (1912) Крылове Константине Александровиче, который с сентября 1915 г. командовал 33-м армейским корпусом.

95 Белькович Леонид Николаевич (1859 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал 57-й, затем 15-й пехотными дивизиями. С июля 1915 г. командир 41-го армейского корпуса, с 13 апреля 1917 г. командующий 7-й армией. Генерал от инфантерии (1916).

96 Шварц фон, Алексей Владимирович (1874 — ?) родился в семье титулярного советника. В годы первой мировой войны комендант Карсской крепости, главный руководитель по укреплению Эрзерумского района, начальник Трапезундского укрепленного района. С марта 1917 г. начальник Главного военнотехнического управления Военного министерства (Половцов дает старое название этого управления). После Октябрьской революции служил в Красной Армии. Генерал-лейтенант (1917).

97 Фазулла-Мирза Каджар (1872 — ?), персидский принц, сын Шахи-хана. Службу в русской армии начал в 1904 г. во 2-м Дагестанском конном полку, участвовал в русско-японской войне. В последующие го-

ды ротмистр 43-го драгунского Тверского полка. В 1917 г. командовал Чеченским полком в Кавказской Туземной конной дивизии. Полковник. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1650. Л. 135-150.

98 Бекович-Черкасский Федор Николаевич (1870 — ?). Из князей Терской области. С февраля 1916 г. командир Татарского конного полка. Полковник (1914).

99 Базили Николай Александрович (1883 — 1963). В годы первой мировой войны вице-директор, затем директор дипломатической канцелярии в Ставке Верховного главнокомандующего. С лета 1917 г. советник российского посольства в Париже. Статский советник.

100 Старосельский Всеволод Дмитриевич (1875 — ?). В годы первой мировой войны состоял адъютантом принца Александра Петровича Ольденбургского, с мая 1916 г. командир Кабардинского конного полка Кавказской Туземной конной дивизии. Полковник (1916).

101 Мерчули Георгий Алексеевич (1864 — ?) родился в дворянской семье. С сентября 1914 г. командовал Ингушским конным полком Кавказской туземной конной дивизии. Полковник (1910).

102 Кюба Евгений Петрович, владелец ресторана в Петрограде.

103 Данилов, чиновник военного времени, делопроизводитель инспекторской части штаба Кавказской Туземной конной дивизии, с 24 мая по 28 июля и.д. старшего адъютанта.

104 Выборные комитеты в войсках стали появляться сразу после Февральской революции. А.И. Гучков в своих воспоминаниях подчеркнул: «Перед Ставкой и

Военным министерством стал вопрос не о том, вводить ли в армии это революционное новшество, а о том, в состоянии ли мы их распустить. Все мы хорошо видели, что в этом отношении мы бессильны». Приказом временно исполняющего обязанности Верховного главнокомандующего М.В. Алексева от 30 марта 1917 г. было введено «Временное положение об организации чинов действующей армии и флота», которое закрепляло за офицерами 1/3 мест в комитетах всех степеней. В приказе по военному ведомству № 213 от 12 апреля было объявлено о создании в вооруженных силах войсковых комитетов рот, полков и армий. Приказом по военному ведомству № 271 от 8 мая создавались корпусные и дивизионные комитеты. Выборы в комитеты проводились на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Основная масса генералов и офицеров встретила появление комитетов враждебно.

105 Штабс-ротмистр Михаил Колюбакин (1885 — ?) был незадолго до описываемых событий призван из запаса и переведен из 12-го гусарского Ахтырского полка в Татарский конный полк.

106 Микашевидзе Аркадий родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны служил в 1-м Заамурском конном полку, с 1915 г. командовал 2-й сотней во 2-м Дагестанском конном полку Кавказской Туземной конной дивизии. Подполковник. В некоторых документах Главного штаба его фамилия пишется иначе: Микашавидзе. РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 35235. Л. 691-693.

107 Арсеньев Евгений Константинович (1873 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал лейб-гвардии 2-й бригадой 2-й ка-

валерийской дивизии, Кирасирским полком, генерал-майор (1914).

108 Кантакузин Владимир Георгиевич (1872 — ?) родился в дворянской семье, князь. В годы первой мировой войны командир 9-го конно-артиллерийского дивизиона. Полковник.

109 Султан Крым Гирей (1876 — ?). Из потомков крымских Гиреев. В годы первой мировой войны служил в 3-м гусарском Елисаветградском полку, затем в Черкесском конном полку Кавказской Туземной конной дивизии. В указанное Половцовым время был председателем дивизионного комитета. С 9 августа 1917 г. и.д. командира Черкесского конного полка. Полковник.

110 Чиковани Виссарион Павлович (1856 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал 2-й Кавказской бригадой государственного ополчения. Генерал-майор (1913). Конфликт Чиковани с горцами, видимо, произошел из-за прошлого этого генерала. В 1904 г. он и.д. батумского полицмейстера. В годы первой русской революции в составе 13-го лейб-гвардии Эриванского полка оказывал содействие гражданским властям в восстановлении порядка в Тифлисе, в районе Сурамского перевала, охранял дороги в Батуми и Поты.

111 Такаев Ахмет Хасакоевич (1873 — ?), сын капитана русской армии. В годы первой мировой войны командовал эскадрой в 3-м гусарском Елисаветградском полку. Полковник.

112 Баев Алексей Васильевич (1873 — ?), осетин, уроженец Терской области. В годы первой мировой войны и.д. начальника штаба 21-й пехотной дивизии, командир 12-го Финляндского полка. С 14 июня

1917 г. командующий Осетинской пешей бригадой. Полковник (1914).

113 Веретенников Алексей Порфирьевич (1860 — ?), военный инженер. Генерал-майор (1916).

114 Гагарин Александр Васильевич (1866 — ?), князь. В годы первой мировой войны командовал 9-м уланским Бугским полком, с октября 1915 г. — командир 3-й бригады Кавказской Туземной конной дивизии. 27 августа — 2 сентября 1917 г. командир Кавказского Туземного конного корпуса. Генерал-майор (1915).

115 Рагозин Александр ротмистр Татарского конного полка, летом 1917 г. состоял офицером для поручений при главнокомандующем войсками Петроградского военного округа.

116 Гатовский Владимир Николаевич (1879 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны служил в драгунском Приморском полку, с 5 июня 1917 г. начальник штаба Кавказской Туземной конной дивизии. Полковник (1912).

117 Барановский Владимир Львович (1878 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны занимал ряд штабных должностей в действующей армии. С сентября 1916 г. служил в Управлении генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего. С 6 мая начальник Кабинета военного министра, с 30 августа начальник Военного кабинета министра-председателя и Верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции служил в Красной Армии. Генерал-майор (1917).

118 Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857 — 1932) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал 9-м армейским корпусом, затем

11-й и 7-й армиями. С апреля 1917 г. помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта. После Октябрьской революции боролся с Советской властью, уполномоченный А.И. Деникина при французском правительстве. Генерал от инфантерии (1914).

119 Болотов Владимир Васильевич (1856 — ?). В годы русско-японской войны командир 1-й бригады 72-й пехотной дивизии. Генерал-майор (1904).

120 Заведующий передвижением войск отвечал за работу мобилизационного характера, перевозку воинских частей и грузов, вел учет подвижного состава, рабочих и служащих дорог, разрабатывал вопросы охраны железных дорог. Заведующими, как правило, назначались штаб-офицеры Генерального штаба. Каждый заведующий передвижением войск ведал 2-3 железнодорожными магистралями и несколькими второстепенными линиями общей протяженностью от 1,5 до 3 тыс. км.

121 Кузьмин Андрей Илларионович (1878 — ?) родился в семье подполковника. Служил в лейб-гвардии Егерском полку и 2-м резервном железнодорожном батальоне. В декабре 1905 г. уволен в запас железнодорожных войск. В мае 1917 г. назначен исполняющим должность помощника главнокомандующего войсками Петроградского военного округа. Капитан (1917).

122 Романовский Георгий Дмитриевич (1877 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны генерал-квартирмейстер штаба 7-й армии. С 23 октября 1916 г. и.д. начальника штаба 11-й армии, с 9 мая 1917 г. начальник Главного управления Генерального штаба. С 22 сентября в резерве чинов при штабе

Петроградского военного округа. Генерал-лейтенант (1917).

123 В мае 1917 г. Кронштадтский Совет отказался признавать власть Временного правительства и его комиссаров. Моряки Кронштадта участвовали во всех политических манифестациях в Петрограде, а в октябре — в свержении Временного правительства.

124 Переверзев Павел Николаевич (1871 — 1944), адвокат, депутат Государственной думы 4-го созыва, министр юстиции Временного правительства с 5 мая по 2 июля 1917 г.

125 Вместо Временного правительства Половцов здесь дает старое название правительства Российской империи.

126 Львов Георгий Евгеньевич (1861 — 1925), князь, крупный помещик. В годы первой мировой войны главноуполномоченный Всероссийского земского союза. Министр-председатель Временного правительства в марте — июле 1917 г. После Октябрьской революции в эмиграции.

127 Фан дер Флит Константин Петрович (1844 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны главный начальник Петроградского военного округа, затем командующий 6-й армией. С июня 1915 г. член Государственного совета. Генерал-адъютант (1915), генерал от артиллерии (1908).

128 Речь идет о штабс-капитане Апухтине, командовавшем с 6 мая по 1 июня 1917 г. запасным батальоном лейб-гвардии 4-го стрелкового полка.

129 Этот дом был построен в 1904 — 1906 гг. для балерины М.Ф. Кшесинской. 11 марта 1917 г. дом был покинут хозяйкой и с согласия Исполкома Петросове-

та занят солдатами автобронедивизиона под командованием Г.В. Есина, ставшего комендантом здания. В нем разместились Центральный и Петроградский комитеты партии большевиков, редакция газеты «Правда», большевистский солдатский клуб. Позднее Кшесинская возбудила судебный иск о возвращении ей особняка. Решение суда было в ее пользу, но большевики ему не подчинились. 6 июля здание было занято правительственными войсками.

130 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870 — 1924) родился в семье деятеля народного образования, дворянина. Много лет провел в эмиграции. В Россию вернулся в апреле 1917 г. Лидер партии большевиков, которая под его руководством стала к осени самой влиятельной и организованной силой в стране. После Октябрьской революции возглавил Совет Народных Комиссаров (правительство Советской России). Руководитель Совета рабочей и крестьянской обороны в годы гражданской войны, инициатор создания III-го Интернационала, основатель Союза Советских Социалистических Республик.

131 Чхеидзе Николай Семенович (1864 — 1926) родился в дворянской семье. После Февральской революции председатель Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, возглавил избранный съездом ВЦИК, видный деятель российской социал-демократии. После Октябрьской революции возглавил Закавказский Сейм, председатель грузинской делегации на Версальской конференции. С 1921 г. в эмиграции.

132 Ностиц Григорий Иванович (1862 — ?), граф, крупный помещик. В годы первой мировой войны начальник штаба Гвардейского корпуса. С августа

1915 г. в распоряжении начальника Генерального штаба. С 11 сентября 1917 г. в резерве чинов Петроградского военного округа. Свиты генерал-майор (1914), генерал-майор (1909).

133 Чернов Виктор Михайлович (1873 — 1952) родился в дворянской семье. Один из основателей Партии социалистов-революционеров, ее лидер и теоретик. С 5 мая по 28 августа 1917 г. министр земледелия Временного правительства. После Октябрьской революции в эмиграции.

134 2 мая 1917 г. было утверждено временное положение о контрразведывательной службе во внутреннем районе, согласно которому на начальников контрразведывательных отделений штабов округов возлагались следующие задачи: организация сети наблюдений на территории округов, обнаружение лиц, занимающихся шпионской деятельностью, производство расследований. На должности начальников таких отделений назначались, как правило, офицеры Генерального штаба, получившие военное или гражданское юридическое образование. Назначенный на эту должность в Петроградском военном округе Б.В. Никитин окончил Институт инженеров путей сообщения в Петербурге, в годы первой мировой войны был слушателем краткосрочных курсов при Императорской Николаевской военной академии. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1. Л. 59-60.

135 Никитин Борис Владимирович (1883 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны служил в Кабардинском конном полку. С 30 сентября 1916 г. помощник старшего адъютанта отдела генерал-квартирмейстера штаба 7-й армии, с 12 марта и.д. начальника контрразведывательного отделения штаба Петроградского военного округа. В сентябре 1917 г.

назначен начальником штаба Кавказского Туземного конного корпуса. Подполковник (1917).

136 А.Ф. Керенский знал социалиста-революционера Н.Д. Миронова еще по первой русской революции.

137 Контрразведывательное отделение штаба Петроградского военного округа было самым крупным по числу служащих. По штату оно состояло из: начальника, его 7 помощников, 5 чинов для поручений, делопроизводителя, 40 старших и 80 младших наблюдателей, 20 служащих канцелярии, архивариуса и его помощника, фотографа, 5 переводчиков, 2 шоферов и 3 сторожей. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 13. Д. 1. Л. 73.

138 Контан — ресторан на Мойке, 58, принадлежавший Альмиру Ивановичу Жуэну.

139 Половцов путает две американские миссии. Первая приехала в Россию в мае 1917 г. Ее возглавлял Элио Рут. В состав миссии входили Сайрус Мак-Кормик (миллионер, президент компании «Интернейшнл Хервестер компани»), Чарльз Р. Крейн (миллионер, личный друг президента В. Вильсона), Хью Скотт (генерал, начальник штаба американской армии), Джеймс Гленнон (адмирал, начальник управления военно-морских верфей) и другие лица. Почти одновременно с миссией Э. Рута в Россию приехала консультативная комиссия американских железнодорожных экспертов во главе с Джоном Стивенсом. Она изучала меры по увеличению пропускной способности Сибирской железной дороги и действительно обещала ходатайствовать о приобретении Россией в США 2 тыс. паровозов и 40 тыс. вагонов.

140 Дутов Александр Ильич (1891 — 1921). Председатель Совета «Союза казачьих войск». С сентября 1917 г. атаман Оренбургского казачьего войска. После

Октябрьской революции боролся с Советской властью, командовал Оренбургской казачьей дивизией у А.В. Колчака. Убит в Китае. Генерал-лейтенант (1919).

141 Союз георгиевских кавалеров образован в 1917 г. из Всероссийского объединения георгиевских кавалеров, созданного в 1915 г. Союз имел отделения на фронтах, флотилиях, в армиях, в некоторых городах. Исполнительным органом был Центральный Комитет во главе с капитаном Скаржинским. Члены Союза вели активную агитацию за продолжение войны и составляли ядро ударных частей и частей смерти. Союз активно участвовал в подготовке корниловского мятежа.

142 Формирование особых частей русской армии из добровольцев стало ответом командования на значительное падение дисциплины в войсках. В документах военного ведомства встречаются разные их наименования, но чаще всего упоминаются «ударные» и «добровольческие». Среди них выделялись батальоны из «волонтеров тыла» (учащаяся молодежь гражданских вузов и училищ, юнкера из военных училищ и школ прапорщиков, офицеры запасных частей и т.п.) и «части смерти», формировавшиеся из состава действующей армии. Отличительной чертой первых был красный круг на правом рукаве мундира с черным андреевским крестом. На фуражках вторых вместо кокарды был череп со скрещенными костями. Помимо этого существовали «штурмовые части», «партизанские», «национальные ударные части» и т.п. Генерал Д.Г. Щербачев писал в августе, что достаточно иметь хотя бы один «батальон смерти», но желательно по одному на каждый полк, так как настроение пехотных частей «весьма неустойчиво».

143 Бочкарева Мария Леонтьевна (1889 — 1919) родилась в крестьянской семье. В годы первой мировой войны унтер-офицер 28-го Полоцкого полка. В мае 1917 г. обратилась к женщинам с призывом образовывать женскую воинскую часть.

144 Половцов П.А. ошибается. Именно А.Ф. Керенский 21 июня зачитал приказ о производстве М.Л. Бочкаревой в прапорщики.

145 Половцов П.А. ошибается. Женский батальон М.Л. Бочкаревой воевал в составе 132-й пехотной дивизии 1-го Сибирского армейского корпуса. 25 октября 1917 г. батальон находился в резерве дивизии у деревни Оленец.

146 Первой владелицей этого дворца была дочь императора Николая I великая княжна Мария Николаевна (отсюда и название). Дворец был выкуплен в казну в 1884 году, когда отец автора мемуаров Александр Александрович Половцов был государственным секретарем (1883 — 1892).

147 Речь идет о последнем царском правительстве и его председателе Н.Д. Голицыне.

148 Масленников Михаил Александрович (1893 — ?) родился в семье коллежского советника. В годы первой мировой войны служил в 82-м пехотном полку. С 5 мая 1915 г. — в Кабардинском конном полку Кавказской Туземной конной дивизии. В 1917 г. адъютант П.А. Половцова, корнет.

149 Нахичеванский Хан Гусейн (1863 — ?). В годы первой мировой войны командовал 2-й гвардейской кавалерийской дивизией, гвардейским кавалерийским корпусом. Генерал-адъютант, генерал от кавалерии (1915).

150 К февралю 1917 г. дача принадлежала генерал-адъютанту П.П. Дурново. После Февральской революции на даче разместились правление профсоюзов Выборгского района, профсоюз булочников, Совет Петроградской народной милиции, рабочий клуб «Просвет», Петроградская федерация анархистов-коммунистов. Правительственные войска освободили дачу Дурново 19 июня.

151 Траилин Анатолий Александрович (1868 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны служил в лейб-гвардии Атаманском полку. В декабре 1915 г. назначен командиром 1-го Донского казачьего полка. Генерал-майор (1917).

152 Наступление русских войск началось на Юго-Западном фронте после двухдневной подготовки 18 июля и сначала развивалось успешно. Русские войска продвинулись на несколько десятков километров. Но к 30-му июня наступление захлебнулось. Наступательные операции срывались из-за нежелания солдат занять позиции и продолжать наступление. Многие части самовольно покидали передовую и уходили в тыл. К тому же прошли проливные дожди, которые резко повысили уровень воды в реках и озерах. 6 июля, перебросив дополнительные войска с Западного фронта, немецкое командование отдало приказ своим войскам перейти в наступление, которое продолжалось до 21 июля. 10 и 11 июля была прорвана оборона русских войск на Тарнопольском участке. Наступление русских войск на Западном и Румынском фронтах началось 9 июля, на Северном фронте 10 июля. Боевые действия на этих фронтах продолжались до 12 июля, когда Керенский от имени Временного правительства предложил прекратить наступление «в целях

сохранения боеспособности армии». В результате боев в июле 1917 г. Россия потеряла Галицию.

153 В ходе штурма дачи П.П. Дурново был убит один из руководителей анархистов Ш.А. Асин (Асин).

154 Терещенко Михаил Иванович (1886 — 1956) родился в семье сахарозаводчика. В 1915 — 1917 гг. председатель Киевского военно-промышленного комитета. После Февральской революции в составе Временного правительства (с 2 марта министр финансов, с 5 мая министр иностранных дел). После Октябрьской революции в эмиграции.

155 За 8 месяцев своего правления Временное правительство выпустило кредитных билетов почти на 9 млрд. рублей (царское правительство за 32 месяца войны выпустило их всего на 8,3 млрд. рублей). Суточный военный расход в первой половине 1917 г. в среднем составлял 55,5 млн. рублей, а в октябре 1917 г. достиг 82,3 млн. рублей.

156 Половцов ошибается. С 12 апреля 1912 г. Л.Н. Белькович уже командовал 7-й армией. РГВИА. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 126. Л. 13-14.

157 Алексинский Григорий Алексеевич (1879 — 1968?) родился в дворянской семье. Социал-демократ. В 1917 г. входил в руководство плехановской группы «Единство». После Октябрьской революции в эмиграции.

158 Ребиндер Сергей Александрович (1885 — ?), граф. В годы первой мировой войны служил в лейб-гвардии Конной артиллерии. Полковник (1916).

159 Церетели Ираклий Георгиевич (1881 — 1959) родился в дворянской семье. После Февральской рево-

люции товарищ председателя Президиума ВЦИК Советов 1-го созыва, социал-демократ, один из лидеров меньшевиков. С 5 мая по 2 июля 1917 г. министр почт и телеграфов. После Октябрьской революции был членом правительства Грузии. С 1921 г. в эмиграции.

160 Мазуренко Григорий Петрович, социал-демократ (меньшевик), член ВЦИК избранного 1-м Всероссийским съездом Советов, поручик (1917).

161 Либер (Гольдман) Михаил Исаакович (1880 — 1937) родился в семье коммерсанта. В 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета, товарищ председателя ВЦИК Советов 1-го созыва. После Октябрьской революции отошел от политической деятельности и был на хозяйственной работе. В 1937 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

162 Гоц Абрам Рафаилович (1882 — 1940) родился в купеческой семье. После Февральской революции лидер фракции эсеров в Петроградском Совете, входил в состав Президиума ВЦИК Советов 1-го созыва. После Октябрьской революции боролся с Советской властью. Неоднократно подвергался репрессиям. Умер в Красноярском лагере.

163 Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883 — 1936) родился в семье железнодорожника, один из лидеров большевиков. После Февральской революции член Исполкома Петроградского Совета, с 9 июля по 4 августа находился в тюрьме «Кресты». На VI-м съезде РСДРП(б) избран в состав Центрального Комитета. В октябре 1917 г. выступил против вооруженного восстания. Председатель II-го Съезда Советов. С октября 1918 г. председатель Московского Совета, в 1924 — 1926 гг. председатель Совета труда и обороны.

В 1936 г. приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

164 Скобелев Матвей Иванович (1885 — 1938) родился в семье промышленника. После Февральской революции товарищ председателя Петроградского Совета. Социал-демократ. С 5 мая по 26 августа министр труда во Временном правительстве. После Октябрьской революции боролся с Советской властью. В 1920 — 1925 гг. в эмиграции, затем вернулся в Москву и работал в советских учреждениях. В 1938 г. репрессирован. Реабилитирован посмертно.

165 14-й уланский Ямбургский полк был сформирован в 1806 г. (свое название получил в 1812). Во время первой мировой войны входил в состав 1-го кавалерийского корпуса и участвовал в боях на Северо-Западном (с августа 1915 г. — Северном) фронте. С 18 апреля 1917 г. командовал полком Константин Николаевич Скуратов (1874 — ?). В годы первой мировой войны служил в лейб-гвардии Конно-гвардейском полку. С марта 1915 г. помощник командира 5-го гусарского Александрийского полка по строевой части. В 1915 г. получил чин полковника. За боевые заслуги через год «даровано» старшинство в этом чине с 1913 г.

166 Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879 — 1940) родился в семье зажиточного землевладельца. В сентябре — октябре 1917 г. председатель Петроградского Совета, фактически руководитель Военно-революционного комитета. После Октябрьской революции нарком иностранных дел в Совете Народных Комиссаров. В годы гражданской войны председатель Революционного Военного Совета Республики, один из организаторов Красной Армии. В 1929 г. выслан из страны, а в 1940 г. убит агентом НКВД в Мексике.

167 Стеклов (Нахамкес) Юрий Михайлович (1873 — 1941). После Февральской революции член Исполкома Петросовета. Редактор газеты «Известия» в марте — мае 1917 г. и с октября 1917 г. по июнь 1925 г. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

168 Троцкий был тогда арестован и находился в тюрьме «Кресты».

169 Вердеревский Дмитрий Иванович (1873 — 1946). В апреле — мае 1917 г. начальник штаба, с 1 июня командующий Балтийским фронтом. 4 июля отказался выслать в Петроград миноносцы для борьбы с кронштадтскими матросами, опасаясь и дальше втягивать флот в политическую борьбу. 5 июля был арестован и отдан под суд. Контр-адмирал (1916).

170 30 августа Д.И. Вердеревский был назначен морским министром. После Октябрьской революции в эмиграции. Приветствовал победу Советской Армии в борьбе с фашизмом и незадолго до смерти принял советское гражданство.

171 В.И. Ленин скрывался после июльских событий в 32 км от Петрограда недалеко от поселка Разлив.

172 Авксентьев Николай Дмитриевич (1878 — 1943) родился в дворянской семье. Один из лидеров Партии социалистов-революционеров. После Февральской революции председатель Исполкома ВЦИК Совета крестьянских депутатов. С 24 июля по 2 сентября министр внутренних дел во Временном правительстве. С 7 октября председатель Временного Совета Российской Республики. После Октябрьской революции в эмиграции.

173 Приказ № 1 отменил вне службы обязательное вставание во фронт и отдавание чести. Половцов описывает этот эпизод с явной иронией.

174 Решение об учреждении Кабинета военного министра было принято 7 мая 1917 г. Он создавался «для более полного объединения деятельности главных управлений Военного министерства».

175 Здесь Половцов имеет в виду Временное правительство.

176 Львов Владимир Николаевич (1872 — 1934) родился в дворянской семье. В дни Февральской революции член Временного комитета Государственной думы. С 2 марта обер-прокурор Святейшего Синода. После Октябрьской революции в эмиграции, где примкнул к «сменовеховству». В 1922 г. вернулся в Советскую Россию, работал в Высшем церковном управлении.

177 Центральная Рада образована в марте 1917 г., первоначально общественный орган различных политических партий на Украине, который в июне избрал законодательный орган — Малую Раду и правительство — Генеральный секретариат. 10 июня Центральная Рада провозгласила автономию Украины, а 7 ноября 1917 г. объявила себя верховным органом Украинской народной республики.

178 Половцов имеет здесь в виду Временный комитет Государственной думы.

179 Главное военно-судное управление Военного министерства.

180 Эрдели Иван Георгиевич (1870 — 1939). В годы первой мировой войны начальник штаба 9-й армии, начальник 14-й кавалерийской, затем 64-й пехотной

дивизии. С марта 1917 г. командир 18-го армейского корпуса, с июня — командующий 11-й армией. Арестован за поддержку корниловского мятежа. После Октябрьской революции активный участник белогвардейского движения, Главнокомандующий на Кавказе, командующий войсками Терско-Дагестанского края. С 1920 г. в эмиграции. Генерал от инфантерии (1917).

181 Каледин Алексей Максимович (1861 — 1918) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны командовал 41-м и 12-м армейскими корпусами, 8-й армией. В июне 1917 г. на Большом войсковом круге избран атаманом Донского казачества. После Октябрьской революции объявил в Области Войска Донского военное положение и начал борьбу с местными Советами. После съезда фронтового казачества (10 — 11 января 1918), образовавшего Донской казачий Военно-революционный комитет, обратился к членам Войскового правительства с признанием бессмысленности дальнейшей борьбы с Советской властью, сложил с себя полномочия войскового атамана и застрелился. Генерал от кавалерии (1916).

182 Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович (1864 — 1937) — сын генерал-фельдмаршала И.В. Ромейко-Гурко. В годы первой мировой войны командовал 6-м армейским корпусом и Особой армией. С октября 1916 г. по февраль 1917 г. исполнял должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. В марте — мае 1917 г. главнокомандующий армиями Западного фронта. 21 июля арестован под предлогом его переписки с бывшим императором Николаем II. В сентябре 1917 г. уехал за границу. Генерал от кавалерии (1916).

183 Годунов Борис Федорович (ок. 1552 — 1605) русский царь в 1598 — 1605 гг.

184 Заполняя переписной лист проводившейся в 1897 г. всеобщей переписи населения, Николай II в графе о главном занятии написал о себе «Хозяин Земли Русской».

185 Половцов имеет в виду киевского князя Владимира II Мономаха, сына Всеволода Ярославовича и дочери византийского императора Константина IX Мономаха. С XIV в. существовал символ самодержавия в России — шапка Мономаха — среднеазиатской работы головной филигранный остроконечный убор с собольей опушкой, украшенный драгоценными камнями и крестом. По легенде конца XV в. этот головной убор был прислан византийским императором Владимиру II Мономаху.

186 «Новое время» — ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся в Петрограде с 1868 г. С 1915 г. ее редактором был Б.А. Суворин.

187 Добржияловский Борис-Август Антонович (1872 — 1917) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны служил в 20-м драгунском Финляндском полку. С января 1915 г. обер-офицер для поручений при штабе 11-го армейского корпуса, затем штаб-офицер для поручений при штабе 23-го армейского корпуса. 12 февраля 1917 г. назначен и.д. начальника отделения связи отдела воинского движения Управления начальника военных сообщений театра военных действий штаба Верховного главнокомандующего. Полковник (1917).

188 Текинцы — рядовые Текинского конного полка, который ведет свою историю с 24 февраля 1885 г., когда была создана Туркменская конная милиция, пре-

образованная в 1892 г. в конно-иррегулярный дивизион, а в 1911 г. переименованная в конный дивизион. С началом первой мировой войны дивизион был преобразован в Туркменский конный полк из 4-х эскадронов и в составе 1-го Туркменского армейского корпуса 1-й армии участвовал в боях в Восточной Пруссии. В 1915 г. полк вошел в состав 32-го армейского корпуса 9-й армии и участвовал в боевых действиях Юго-Западного фронта. 31 марта 1916 г. полк получил новое название — Текинский конный полк. В 1917 г. входил в состав 11-го армейского корпуса 9-й армии. С июля 1917 г. текинцы составили личную охрану Л.Г. Корнилова. Эта воинская часть несла охрану быховской тюрьмы, где содержались руководители корниловского мятежа. Когда Л.Г. Корнилову 20 ноября 1917 г. удалось покинуть тюрьму, вместе с ним на Дон отправился и Текинский конный полк. РГВИА. Ф. 3639. Справка.

189 Осенью 1917 г. английское командование предложило русским войскам нанести удар на Мосульском направлении в Месопотамии и обещало снабжать русские части за счет английской экспедиционной армии. Была обещана также перевозка войск грузовыми автомобилями. Кавказский Туземный конный корпус должен был существенно усилить русские войска в Месопотамии (1-й Кавказский отдельный кавалерийский корпус генерала Н.Н. Баратова). Однако командование Кавказского фронта, учитывая большие трудности с организацией снабжения в осенне-зимний период, признало, что Мосульскую наступательную операцию следует отложить до весны 1918 г.

190 Из приказа № 148 по Кавказской Туземной конной дивизии от 20 июня 1917 г.:

«15 июня ко мне явился прапорщик А.И. Гучков — бывший военный и морской министр первого состава Временного правительства, заявив желание служить добровольцем в рядах вверенной мне Кавказской туземной конной дивизии. Согласно установленному принципу принятия в полки офицеров, предлагаю командирам полков испросить мнение общего собрания офицеров каждого полка по этому вопросу и донести мне о результате для сообщения просителю. Багратион». Мнение большинства офицеров, по-видимому, было отрицательным. РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 152. Л. 41.

191 Одинцов Сергей Иванович (1874 — 1920) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны начальник штаба Заамурской конной дивизии, с 16 апреля 1917 г. командующий 3-й Кавказской кавалерийской дивизией. После Октябрьской революции служил в Красной Армии. Генерал-майор (1916).

192 Савинков Борис Викторович (1879 — 1925) родился в семье судьи. Видный деятель Партии социалистов-революционеров, писатель. В годы первой мировой войны добровольцем воевал во Франции. После Февральской революции вернулся в Россию, назначен правительственным комиссаром в 8-ю армию, затем на Юго-Западный фронт. В июле — августе управляющий Военным министерством. После Октябрьской революции активно боролся с Советской властью. В 1924 г. арестован при нелегальном возвращении в СССР. Приговорен к расстрелу, замененному тюремным заключением на 10 лет. Покончил жизнь самоубийством, признав перед смертью бесплодность своей антисоветской деятельности.

193 Романовский Иван Павлович (1877 — 1920) родился в дворянской семье. В годы первой мировой

войны начальник штаба 25-й пехотной дивизии, командир 206-го пехотного Сальянского полка, генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии. С 9 апреля 1917 г. и.д. начальника штаба 8-й армии. С 10 июня генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, с 10 сентября 1917 г. в резерве чинов при штабе Киевского военного округа. После Октябрьской революции служил в Добровольческой армии. В 1919 — 1920 гг. начальник штаба главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. В 1920 г. эмигрировал и в Константинополе убит белогвардейским офицером. Генерал-майор (1916).

194 Плющик — Плющевский Юрий Николаевич (1877 — 1926). В годы первой мировой войны командир 22-го пехотного Горийского полка. После Февральской революции исполнял должность генерала для поручений в Управлении дежурного генерала в Ставке Верховного главнокомандующего, затем, — должность генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции в Добровольческой армии. С 1920 г. в эмиграции. Генерал-майор.

195 Речь здесь идет о поездке П.А. Половцова в Ставку между 4 и 9 августа. 4 августа Л.Г. Корнилов участвовал в заседании Временного правительства. 9 августа скоропостижно скончался Б.-А.А. Добржияловский.

196 Позиция жены Добржияловского, Киры Николаевны, вполне понятна. Этим настроениям соответствовала вся атмосфера Ставки Верховного главнокомандующего. К тому же Кира Николаевна воспитывалась в семье генерала от инфантерии царской армии.

197 В соответствии с приказом Верховного главнокомандующего № 654 от 21 августа 1917 г. Кавказская Туземная конная дивизия переформировывалась в корпус, состоящий из двух дивизий. 1-я дивизия состояла из конных полков: Кабардинского, Черкесского (1-я бригада); Татарского, Чеченского (2-я бригада). 2-я дивизия состояла из конных полков: 1-го и 2-го Дагестанских (1-я бригада); Ингушского, 1-го и 2-го Осетинских (2-я бригада). 2-й Осетинский конный полк еще предстояло сформировать. РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 93. Л. 52.

198 Речь идет о бывшем обер-прокуроре Святейшего Синода В.Н. Львове.

199 Азеф Евно Фишелевич (1869 — 1918), провокатор, с 1892 г. секретный сотрудник Департамента полиции. Один из организаторов Партии социалистов-революционеров, руководитель ряда террористических актов.

200 Багратуни Яков Герасимович (1879 — ?) родился в дворянской семье. В годы первой мировой войны служил в Главном управлении Генерального штаба. С октября 1917 г. начальник штаба Петроградского военного округа. Генерал-майор (1917).

201 Фуше Жозеф (1759 — 1820), министр полиции Франции в 1799 — 1802, 1804 — 1810, 1815 годах. Создал разветвленную систему политического сыска и разведки. Беспринципный карьерист. Служил республике, Наполеону I и Бурбонам.

202 Вечером 26 августа Керенский добился от Временного правительства чрезвычайных полномочий и для борьбы с начавшимся мятежом. После этого он телеграфировал Л.Г. Корнилову приказ о его смещении с должности Верховного главнокомандующего.

Вр. и.д. Верховного главнокомандующего возлагалось на генерала А.С. Лукомского, но тот отказался. Лукомский так ответил Керенскому: «... Теперь остановить начавшееся с Вашего же одобрения дело невозможно, и это поведет лишь к гражданской войне...» В те же часы Керенский приказал главнокомандующему армиями Северного фронта генералу В.Н. Клембовскому немедленно остановить эшелоны с войсками, движущимися на Петроград. Клембовский запросил Ставку и получил ответ: «Приказания этого не исполнять — двигать войска к Петрограду». Корнилов в переговорах по прямому проводу заявил Б.В. Савинкову: «... Я единственным исходом считаю установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении». Днем 27 августа Керенский передал корреспондентам газет и Петроградскому телеграфному агентству текст заявления, «От министра-председателя», в котором, в частности, говорилось о передаче должности Верховного главнокомандующего для временного исполнения генералу Клембовскому. На это Корнилов ответил сумбурным «Обращением к населению», в котором поведение главы правительства назвал «великой провокацией». Генерал обвинил Временное правительство в том, что оно действует под диктовку большевиков и «в полном согласии с планами германского Генерального штаба».

203 Магалов Леван Лаурсабович (1879 — ?) родился в дворянской семье, князь. В годы первой мировой войны служил в Татарском конном полку, с 5 июля 1917 г. командир этого полка. Полковник.

204 Утром 31 августа А.М. Крымов прибыл в Петроград и в 12 часов дня был принят А.Ф. Керенским. По воспоминаниям присутствующих, разговор велся в довольно резких тонах. Председатель Чрезвычайной

следственной комиссии по расследованию дела о мятеже Л.Г. Корнилова военно-морской прокурор И. Шабловский вручил Крымову предписание, согласно которому тот должен был направиться в комиссию «для дачи показаний». Шабловский ждал его вечером в здании Адмиралтейства. Но генерал не явился. Тело Крымова было обнаружено в тот же день в одной из комнат квартиры ротмистра Журавского. Последний, услышав выстрел и увидев тяжело раненного генерала, доставил его в Николаевский военный госпиталь, где Крымов скончался через несколько часов. Перед своим самоубийством он написал письма жене и генералу Л.Г. Корнилову. В письме Корнилову он высказал какие-то резкие и горькие слова, считая его виновным в неудаче антиправительственного выступления. Письмо А.М. Крымова Л.Г. Корнилов уничтожил и точное его содержание неизвестно.

205 Видимо речь идет о Всероссийском мусульманском союзе.

206 Речь идет о Союзе объединенных горцев Кавказа, образованном буржуазно-националистической интеллигенцией под лозунгами панисламизма и пантюркизма в мае 1917 г.

207 Хаджи-Мурат Арацхан Хаджимуратович (1880 — ?) родился в дворянской семье. В начале войны обер-офицер для поручений при военном губернаторе Дагестанской области. В 1915 — 1916 гг. помощник командира 2-го Дагестанского конного полка Кавказской Туземной конной дивизии по строевой части. Полковник.

208 Терское казачье войско находилось на территории Терской области. Центром войска считался Владикавказ. Казаки составляли 19% населения области.

В марте 1917 г. войсковой круг избрал «Казачье войсковое правительство» во главе с М.А. Карауловым.

209 Кубанская краевая войсковая рада создана в апреле 1917 г. на съезде зажиточных верхов кубанского казачества. Было избрано Временное войсковое правительство под председательством А.П. Филимонова.

210 Горская республика провозглашена Союзом объединенных горцев Кавказа в ноябре 1917 г. Центральный Комитет Союза был объявлен правительством во главе с чеченским нефтепромышленником А.М.О. Чермеевым.

211 Временное Терско-Дагестанское правительство образовано на совещании представителей Центрального Комитета Союза объединенных горцев Кавказа, Союза городов Терско-Дагестанского края. Состояло из 12 главноуправляющих ведомствами. Фактически руководителями были М.А. Караулов и кумыкский князь Р.Х. Капланов.

212 Половцов П.А. имеет в виду Закавказский комиссариат — буржуазно-националистическое правительство Закавказья (Азербайджана, Армении и Грузии) созданное 15 ноября 1917 г. в Тифлисе под председательством Е.П. Гегечкори.

213 24 октября 1917 г. на сессии Кубанской краевой войсковой рады было образовано Кубанское краевое правительство под председательством Луки Лаврентьевича Быча (ок. 1870 — ?), одного из лидеров «самостийного» крыла краевой рады. По его инициативе правительство объявило себя верховной областной властью и заявило об отказе подчиняться Временному правительству.

214 Филимонов Александр Петрович (1866 — ?) родился в дворянской семье. С декабря 1912 г. атаман Лабинского отдела Кубанской области. 12 октября 1917 г. избран первым войсковым атаманом Кубанского казачьего войска. 10 ноября 1919 г. сложил свои полномочия. Полковник (1912).

215 Терская Советская республика образована 2-м съездом народов Терека, проходившем в Пятигорске 16 февраля — 15 марта 1918 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Предисловие автора.....	13
«Дни Затмения».....	15
Именной указатель.....	216
Примечания.....	223

